

№11
Ноябрь 2014

Т УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИИ МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽¹⁰⁹⁾
Ноябрь 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СЛУЖЕНИЕ ТЕАТРУ
- 10 ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 18 ПОД ЗНАКОМ СОЛНЦА
АННА ФАЛИЛЕЕВА
- 20 ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 ЭТАЛОН ДРУГА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 О ШЕКСПИРЕ, ПРОВИНЦИИ И ПРАБАБУШКИНОМ ГОБЕЛЕНЕ
ОЛЬГА ЯНАЕВА
- 35 ФЕНОМЕН БРАТЬЕВ ОРБЕЛИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 39 ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 42 СТИХОТВОРЕНИЯ
ВИКТОРИЯ ПОПОВА
- 44 «ВМЕСТЕ С СИМОНОМ»
ЗУРАБ СИРАДЗЕ
- 46 ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ВАРПАХОВСКОГО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 50 ДОБРО БЕССМЕРТНО
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 52 ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 54 ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ В ТЕЛАВИ
РЕВАЗ ТОПУРИЯ

На обложке – Автандилу Варсимашвили – 55!

ОТ ДО

НАЧИНАЛ УЗНИКОМ БАСТИЛИИ

Он родился 21 ноября 1694 года. Великий Вольтер, дружбой с которым гордились выдающиеся люди 18 века, такие как Екатерина II, Фридрих II, многие философы и мудрецы, был человеком происхождения незначительного из мелкого чиновничьего сословия. И назначено было ему на роду стать юристом, но юный Франсуа Мари Аруэ – так его звали – решил по-другому. Он стал литератором, философом, историком, просветителем, публицистом и правозащитником. А еще Вольтер на многие

десятилетия стал властителем дум и высшим европейским авторитетом. Хотя и начинал, как узник Бастилии за свои едкие стихи. Его реальной дружбы, а не «по переписке», с монархами не получилось – Людовик XV и мадам Помпадур не поладили с ним так, что пришлось бежать из Франции, Фридрих, пригласивший его жить к себе в Сан-Суси, следуя строгому прусскому распорядку дня, лишил его вечером свечей, а приглашением российской императрицы Вольтер воспользоваться уже попросту не рискнул. В итоге, он обосновался в Швейцарии на самой границе с родной Францией. Это было самое лучшее время его жизни. К нему приезжали погостить самые блестящие умы, велись философские беседы, обсуждались его литературные произведения, читались антиклерикальные памфлеты. Но в конце жизни Вольтера неудержимо потянуло в Париж, где его и настигла болезнь и смерть. Он покоится в Пантеоне.

КОТЕЛОК, ТРОСТЬ И СИГАРА

Самому выдающемуся политику Великобритании XX века исполняется 140 лет со дня рождения. Этот потомок герцогов Марльборо жил при шести монархах – от королевы Виктории до ее праправнучки Елизаветы II. Сэр Уинстон Черчилль воевал еще в Судане и в англо-бурской войне. Как военный корреспондент побывал на Кубе. Командовал британским флотом в Первую мировую и был премьер-министром во Второй мировой. Он первым показал растопыренными пальцами знак «Виктория» и первым произнес слова «железный занавес». Он был одним из трех глав антигитлеровской коалиции,

под чьим руководством пал нацистский рейх. А еще Черчилль был прекрасным художником, получил Нобелевскую премию по литературе, любил кубинские сигары и армянский коньяк «Двин». А еще известно, что он обязательно спал днем. Но стоит помнить, что этот несколько чудаковатый джентльмен был невероятно остроумен и находчив. И что половину баек о себе сочинил сам. А еще Черчилль был талантлив и результативен. Он остался в истории, как блестящий дипломат, успешный политик и военный вождь британской нации. Его считают одним из величайших людей прошлого столетия.

САКСОФОНУ 160 ЛЕТ

Без звука этого инструмента невозможно представить себе ни одну джазовую мелодию, ни одну эстрадную оркестровую пьесу. А ведь существует саксофон совсем недавно, каких-то сто шестьдесят лет. Его создатель Адольф Сакс родился 200 лет назад в Бельгии в семье придворного мастера музыкальных инструментов. Он закончил консерваторию и пошел по стопам отца, изобретая духовые инструменты своей конструкции. В 1842 году Адольф Сакс открыл в

Париже фабрику духовых инструментов. Здесь он оснастил всем известный кларнет 24 клапанами, назвал его «звуком, найденным Саксом» - саксофоном и получил на него патент в 1846 году

КАРЛ БЕНЦ – ОТЕЦ АВТОМОБИЛЯ

Один из первых создателей автомобиля появился на свет в семье машиниста поезда из города Карлсруэ 25 ноября 1844 года. И не случайно, что именно ему, знакомому с паровозами с самого детства, пришла в голову идея оторвать колеса движущейся машины от железнодорожных рельсов. Более того, его отец с коллегами уже в те времена разговаривали на тему смены паровых двигателей на что-то более современное – например, на двигатель внутреннего сгорания инженера Николая Отто. Карл был прирожденным механиком, и родители, по праву относящиеся к классу обеспеченных пролетариев-аристократов, решили дать сыну приличное образование. Молодой Бенц закончил технический лицей, а потом и политехнический университет. А в 25 лет Карл решил начать свое дело – купил велосипедную мастерскую и приступил к созданию своего мотора. И вскорости запатентовал двухтактный бензиновый двигатель. А первый автомобиль он сконструировал почти одновременно с конкурентами – Даймлером и

Майбахом в 1885 году. Хотя первые опыты по оснащению трехколесного велосипеда двигателем у него были и в более ранние годы. Но своим первым автомобилем Бенц считал «Motorwagen», который испытывал по ночам, гоня по окрестным улочкам на радость соседским собакам с умопомрачительной скоростью в 16 км/час. Патент на него изобретатель получил в самом начале 1886 года. И кто из германских пионеров автомобильного века мог себе представить, что в 1926 году их так яростно конкурирующие фирмы будут слиты в единый великий концерн «Daimler-Benz», существующий и поныне?

ПЕРВЫЙ НА ЧУЖБИНЕ

Автор одних из самых красивых и благозвучных русских стихов Георгий Иванов прожил странную светскую и немножко «тусовочную» жизнь. Он напрочь сторонился политики и практически не замечал революционных потрясений, коим

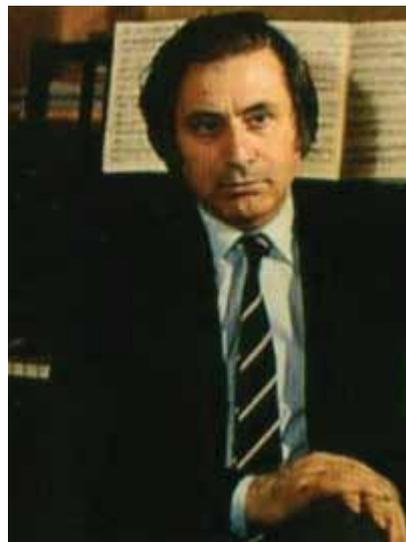

был современник. Георгий Иванов родился 10 ноября 1894 г., то есть 120 лет назад, в семье подполковника и баронессы в небольшом имении рядом с польской границей, неподалеку от литовского Каунаса. По настоянию отца учился в кадетском корпусе, но бросил его, недочувшись, решив посвятить себя литературному поприщу. Так он стал редактором сразу нескольких журналов, где печатался и как поэт. С 1914-го Иванов – постоянный сотрудник журнала «Аполлон», он занял в место Гумилева, ушедшего на фронт. Революцию он, конечно, не принял, но этого не афишировал, что позволило ему относительно благополучно пережить гражданскую войну и не быть репрессированным. Он выехал из России в 1922 году в Берлин, где воссоединился со своей женой поэтессой Ириной

Одоевцевой. В эмиграции Иванов занял место «первого» вместе с Ходасевичем русскоязычного поэта. Но его публицистическая проза была очень едкой и желчной, что не нравилось ни в Советской России, ни эмигрантам. Его перо нажило ему много врагов. Иванов обитал на собственной вилле в Беарице, пока ее во время войны не реквизировали немцы. Последние годы жизни он страшно бедствовал. И только спустя много лет после его смерти, поэзия Георгия Иванова возвратилась к читателям, очищенная от флера не всегда доброжелательной памяти современников.

ПОСЛЕДНИЙ НЕМЕЦКИЙ КЛАССИК ИЗ РОССИИ

24 ноября исполнилось бы 80 лет прекрасному современному композитору Альфреду Шнитке. Он родился в 1934 году в городе Энгельс – столице немцев Поволжья. А музыкальное образование получил после войны в оккупированной Вене, куда его отца направили работать переводчиком. А после была консерватория и преподавательская работа. Как композитор Шнитке сложился в 60-е годы. Он, в основном, писал музыку к кинофильмам, чем и стал известен широкой публике. Его музыкальный стиль был на редкость узнаваем. К тому же, будучи высоким интеллектуалом и высокообразованным человеком, Альфред Гарриевич поддерживал прекрасные творческие отношения со многими выдающимися режиссерами своего времени, музыкально оформляя их спектакли. Последнее десятилетие своей жизни он преподавал в Германии, в Гамбургской консерватории, оставаясь при этом россиянином. Но немцы считают его последним немецким музыкальным классиком.

ПОСТИМПРЕССИОНИСТ ГРАФ ТУЛУЗСКИЙ

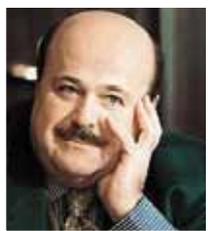
У гениального Анри Тулуз-Лотрека были настолько знатные предки, что правившие Бурбоны по сравнению с ними были худородными. Этот постимпрессионист был графом Анри Мари Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа. Он родился 150 лет назад 24 ноября 1864 года в одном из фамильных замков и был единственным наследником. Но в 13 лет его постигла беда – в течение полугода он сломал поочередно обе ноги, и они перестали расти, в отличие от всего остального тела. Проявилось наследственное заболевание из-за близкородственных аристократических браков – обе его бабки были родными сестрами. Так Анри был лишен возможности вести привычный образ жизни – скакать верхом, посещать балы, выезжать на охоту. А также стать военным и удачно жениться. Он решил уйти из семьи и стать свободным художником. Анри де Тулуз-Лотрек отправился в Париж, купил мастерскую на Монмартре и зажил жизнью богемы. Он не был карликом, его рост составлял 152 см, что в те времена было немало, но свое увечие он ощущал очень болезненно, считая, что в любви ему не везет именно поэтому. Но будучи от природы очень хорошим и щедрым человеком, и к тому же веселым и остроумным, Анри стал очень хорошим собеседником, и у него было много друзей. Особенно из числа танцовщиков, артистов, проституток, художников и поэтов, ставших его любимыми моделями. Он был за все гдатаем и летописцем окрестных кабаре и танцзалов – знаменитых «Мулен-Руж», «Шануар – Черной кошки», «Диван Жапоне», «Мулен де ла Галетт» и «Мирлитона». Тулуз-Лотрек писал портреты исполнительниц канкана и посетителей, сценки из их повседневной жизни и рисовал афиши. К сожалению, беспутный образ жизни с постоянной выпивкой, бессонными ночами, напряженной работой и доступными женщинами не позволил слабому здоровьем художнику долго прожить – он умер не дожив до 37 лет. И признанный коллегами и некоторой частью публики гением при жизни, Анри де Тулуз-Лотрек получил признание только после смерти.

Роб АВАДЯЕВ

СЛУЖЕНИЕ ТЕАТРУ

Уважаемый, дорогой Автандил Эдуардович!

Сегодня Ваши родные, близкие, друзья, коллеги, поклонники русского драматического театра имени А.С. Грибоедова в Тбилиси спешат поздравить Вас с замечательным юбилеем.

И я счастлив присоединиться ко всем самым добрым, теплым пожеланиям, которые будут произнесены в Ваш адрес.

Более тридцати лет назад Вы – ученик выдающегося театрального режиссера Роберта Стуруа выпустились из стен Тбилисского театрального института, чтобы самому начать воплощать в жизнь режиссерские замыслы, и все эти годы Вы достойно несете звание ученика великого Мастера. Вот уже четверть века Вы руководите русским драматическим театром имени А.С. Грибоедова, ставите спектакли, которые полюбили зрители театрального Тбилиси и далеко за его пределами. Вы талантливый режиссер, прекрасно сочетающий в себе способности и организатора, и художественного руководителя, и кинорежиссера, и продюсера... За годы творчества Вам очень многое удалось сделать и еще многое впереди.

Дорогой Автандил Эдуардович!

Я желаю Вам долгие годы радостного вдохновенного творчества.

Пусть успех и удача сопутствуют Вам во всем!

Пусть рождаются новые идеи, замыслы, планы!

И пусть они успешно воплощаются!
Дай Вам здоровья счастья, благополучия, процветания Вашему театру и всего-всего самого доброго, Вам и Вашей семье!

Искренне Ваш,

Александр КАЛЯГИН,
Председатель СТД РФ

Дорогой батано Автандил Варшавили!

Рад поздравить Вас с юбилеем. С теплотой вспоминаю нашу встречу в Москве на Международном театральном форуме «Золотой Витязь», когда театр Грибоедова, в последний фестиваль день, словно блестящий метеор, сверкнул пред московским зрителем, оставил в душе радостное ощущение от творческого уровня прославленного коллектива и в результате – был отмечен международным жюри высшей наградой – призом «Золотой Витязь».

От всего сердца желаю Вам многих лет служения Господу и Театру.

Искренне Ваш,

Президент МТФ и Славянского творческого союза «Золотой Витязь»

Член Президиума Общественного Совета Минкультуры РФ и Патриаршего Совета по культуре
Народный артист России Николай БУРЛЯЕВ

Дорогой и уважаемый Авто!

Ты еще такой молодой, у тебя всего две пятерки, а так много уже сделал для грузинского театра и кино. Тебя знают во многих странах мира, ну и конечно в Украине, а особенно в прекрасном городе Львове, где мы тебя всегда рады видеть с твоими спектаклями на Международном театральном фестивале «Золотой лев», а также на спектаклях Львовского академического духовного театра «Воскресиння».

Мы тебя поздравляем, надеемся поднять не грузинскую чачу, а «львівську горілку» и произнести очень короткий тост: «Мы тебя любим, ценим, уважаем и всегда ждем во Львове. Сто лет тебе жизни!»

С уважением,
директор-художественный руководитель Львовского академического духовного театра «Воскресиння», директор Международного театрального фестиваля «Золотой лев», Заслуженный деятель искусств Украины

Ярослав ФЕДОРИШИН,
а также коллектив театра

Дорогой Автандил Эдуардович!

От всего сердца поздравляем Вас с юбилеем!

Мы рады, что с Вами нас связывает необыкновенно интересный творческий процесс, благодаря которому был создан талантливый, наполненный глубоким ду-

ховным содержанием спектакль «Кавказский меловой круг». Мощная театральная работа, рассказывающая о важности нравственных ценностей, о сложности человеческой личности, стала событием театральной жизни города.

В наше напряженное время Вам удается сохранять внутреннюю свободу, объединяя своим творчеством культуру двух стран. Вы обладаете удивительным даром – понимания всех тонкостей человеческой природы. Поэтому Ваши спектакли не могут никого оставить равнодушным – они учат нас сочувствовать, ценить жизнь и быть верными себе.

Желаем Вам долгих лет, наполненных вдохновением и радостью творчества!

Счастья, благополучия и мира!

С уважением,

Александра ЮРКОВА,

Директор, заслуженный работник культуры и коллектив Омского государственного драматического театра «Пятый театр»

Уважаемый Автандил Эдуардович!

Примите самые искренние поздравления от коллектива Национального академического драматического театра имени Ивана Франко (Украина, Киев) по случаю Вашего юбилея!

Мы высоко ценим Ваш личный вклад в развитие современного театрального и киноискусства. Ваша творческая жизнь и та самоотдача, с которой Вы работаете во благо высокой духовности каждого гражданина своей страны и мирового театра в целом, заслуживают не только уважения, но и искреннего восхищения. Произведения, созданные Вами, навсегда вошли в Золотой фонд искусства Театра. Желаем Вам исполнения всего задуманного, крепкого здоровья, долголетия, азарта, аншлагов и невероятных открытий!

С уважением,

Коллектив Национального академического драматического театра имени Ивана Франко

Авто я знаю со студенческих лет. И отмечаю его серьезный творческий рост. Еще в юности на него возлагались большие надежды, Варсимашвили взял в театр Руставели его учитель Роберт Стурца. Авто везде умеет создать театральную ячейку, театр. Все знали и любили знаменитый Театраль-

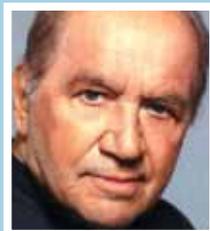
ный подвал, сейчас он успешно возглавляет сразу два театра – Грибоедовский и Свободный. Авто считает, и небезосновательно, что чем больше свободных площадок для свободного творчества, тем лучше. Он очень плодотворно работает, выпускает много спектаклей и обладает мощной творческой энергией. Я хочу пожелать ему, чтобы эта энергия его никогда не покидала. Его последний спектакль «Ричард III» мне очень понравился, я отметил в нем интересные режиссерские ходы, это производит сильное впечатление. У Авто широкий кругозор, разнообразные интересы. Он эрудирован и информирован, и этим положительно влияет на молодое поколение, своих учеников. Он не только популярен среди молодых, но и является для них настоящим авторитетом.

Темур ЧХЕИДЗЕ
Народный артист Грузии,
Народный артист России

Мало найдется режиссеров, обладающих такими качествами, как Авто. Это человек, который умеет невероятно поддерживать, стоять рядом, что очень редко встречается. А еще он может отдавать необыкновенную энергию. Это самые главные человеческие качества, за которые я очень люблю Авто. Он – прекрасный режиссер и к тому же обладает редким талантом собирать вокруг себя единомышленников и заряжать их своими идеями... Кроме этого, он умеет принять активное участие, сыграть очень важную роль в жизни другого человека. Так было со мной. Однажды у меня возникла сложная ситуация, когда я ушел из театра Марджанишвили из-за спектакля «Джинсовое поколение», и Авто был единственным режиссером, который предложил реальную помощь. Он позвонил мне и настоял, чтобы я поставил спектакль на сцене Свободного театра. Этот звонок я часто вспоминаю. Он был для меня как спасательный круг для утопающего. С тех пор я знаю, что если мне будет сложно, есть человек, к которому я смогу обратиться за помощью. Это Авто.

Давид ДОИАШВИЛИ
режиссер

Дорогой Автандил! Какой ты еще, в сущности, мальчик – полжизни впереди.

Поздравляю тебя с красивой датой. С удовольствием вспоминаю нашу очень интересную работу над «Кроткой». Ты предложил совершенно новую, не встречавшуюся раньше стилистику, и, надеюсь, и мне что-то удалось. Я помню, как ты отвергал все ультиматумы, ставившие под сомнение мое участие в фильме. Спасибо тебе за непреклонность. Это качество наверняка помогает тебе на твоём главнорежиссерском поприще. Скучаю по Тбилиси, по всем грузинским друзьям. Мне посчастли-

во, как ты отвергал все ультиматумы, ставившие под сомнение мое участие в фильме. Спасибо тебе за непреклонность. Это качество наверняка помогает тебе на твоём главнорежиссерском поприще. Скучаю по Тбилиси, по всем грузинским друзьям. Мне посчастли-

вилось работать и дружить с лучшими грузинскими режиссерами и актерами, к которым я с удовольствием отношу и тебя.

Твой Лев ДУРОВ

Я слышал восхитительные истории о том времени, когда авиабилет из Таллинна в Тбилиси стоил 26 рублей, и эстонские актеры специально летали хотя бы на один день в Грузию, чтобы посмотреть всемирно известные постановки Роберта Стуруа. Говорили, что только англичане и грузины умеют

правильно трактовать и играть трагедии Шекспира, поскольку являются аристократами по рождению. Это правда.

Сто лет назад культура и театр Эстонии еще только делали свои первые шаги. Мой домашний театр «Ванемуйне» был первый, где к работе приступила профессиональная труппа. В 1910 году в двери театра «Ванемуйне» постучалась очень молодая девушка, позже ставшая величайшей актрисой всех времен в Эстонии. Звали ее Лийна Рейман.

В Лийну влюбился студент Тартуского университета. Он был родом из известной грузинской семьи. Но на почве несчастной любви студент совершил самоубийство. Молодая актриса тяжело переживала эту трагедию. Она покинула театр и одна отправилась на поезде в Грузию, чтобы встретиться с семьей юноши. Она постучала в дверь, за которой ее ненавидели, ей открыли и предложили лучший прием и защиту от разгневанных деревенских жителей, жаждущих мести. Лийна стала близкой подругой сестры юноши. Обо всем этом Лийна Рейман увлекательно написала в своей книге воспоминаний «Огни рампы зажигаются» («Rambivalgus sÿttib»).

Для меня Грузия всегда была страной, где живут великаны. Внешне они будто бы одного роста с другими, но внутри каждого помещается кафедральный собор! Его не построить за одно поколение, для этого необходимо минимум два тысячелетия. И еще этот собор невозможно разрушить, каким бы жестоким испытаниям не подвергало его время.

Некоторое время назад мой театр был приглашен на Тбилисский международный театральный фестиваль. Мы играли свой спектакль в Свободном театре. Я сидел в театральном кафе и старался запомнить его интерьер, я хотел, чтобы в моем театре царила такая же театральная и уютная атмосфера. Ко мне подошел мужчина и предложил коньяк собственного изготовления. Это самый лучший коньяк, который я пробовал в своей жизни. Этим мужчиной был Автандил Варсимашвили, владелец Свободного театра и руководитель Тбилисского русского театра. Дальнейшее, как говорится, уже история.

Я встретился с мужчиной, в котором объединены большой художник и мощный организатор, но который, в первую очередь, является простым, открытым и мудрым человеком. К настоящему времени я повидал многие постановки Автандила в его обоих театрах. Ни один из них не сделан просто так, во всех них важное

место занимает весть о любви между людьми и благоговение перед жизнью. Подобный театр делает мир лучше.

Я очень хотел, чтобы Автандил поставил в моем театре с самыми молодыми актерами свой спектакль «Люблю! Люблю! Люблю!» В этом году, наконец, удалось привезти Автандила в Эстонию, и его постановка стала истинной жемчужиной большого репертуара театра «Ванемуйне». Это театр с быстрыми реакциями, большими художественными образами, важными вестями, который больше сегодняшнего дня. Больше сегодняшнего дня, но все же так хорошо вписывается в сегодняшний день: любовь побеждает всегда! Критики единогласно восхищаются мастерским произведением Автандила. Если все сложится хорошо, мы сможем приехать и показать спектакль в Тбилиси.

Я очень надеюсь, что не вернется время, когда мы должны будем покупать авиабилеты опять в рублях. Однако где-то всегда есть кто-то, который видит решение в нападении, ненависти, мести. Всеми этому мы, художники, должны противопоставить весть о любви, дружбе и прощении.

Автандил Варсимашвили – великан грузинской культуры, который знает, что является самым важным и может рассказать об этом на языке людей. Мне выпало счастье быть его другом.

Айтях!

Счастья, Маэстро!

Тийт ПАЛУ,
художественный руководитель
театра «Ванемуйне»

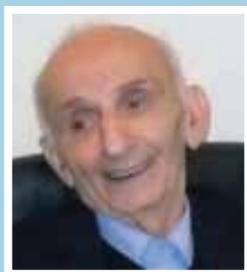
55 лет – это очень мало. А впереди еще очень много! Тем более у такого режиссера, как Авто. Я хорошо помню его спектакль «Ханума» Цагарели, на котором мы были вместе с Отаром Мегвинетухуцеси. Нам очень понравилась эта веселая, яркая постановка! А еще мне запомнилась «Тереза Ракен» Золя. Я знаю мнение актеров об Авто – все, кому довелось работать с ним, отзываются о нем с большой теплотой. Актерам не нужно, чтобы он долго объяснял суть образа – ему достаточно произнести одно волшебное слово, и все становится понятно. Да, актеры любят и понимают Авто. Отмечу замечательный спектакль «Холстомер. История лошади» по Толстому, имеющий большой и вполне заслуженный успех везде, где его представляют... При этом он совсем не похож на товстоновский спектакль. У Авто особенный режиссерский стиль, своеобразное художественное мышление. Я желаю ему, чтобы он больше ставил и был счастлив этим, чтобы у него все было хорошо и в семье. Я очень рада, что у Авто такой успех. Поздравляю его от всего сердца!

Гуранда ГАБУНИЯ
Народная артистка Грузии

Авто Варсимашвили – очень талантливый, последовательный, чувствующий форму, хорошо доносящий мысль режиссер. Он создает спектакли, интересные как для простого, неискушенного зрителя, так и для интеллигента, обладающего глубокими знаниями. Его творческая планка высока, и с каждым новым спектаклем он эту планку поднимает. Достаточно вспомнить его последнюю по времени работу «Ричард III», которая мне очень понравилась. Желаю ему больших успехов и в творчестве, и в жизни!

Гизо ЖОРДАНИЯ
Народный артист Грузии

Авто был одним из самых талантливых и образованных студентов. Среди моих многочисленных учеников он лучше всех изучил историю грузинского театра. Авто относится к режиссеру типа общественного деятеля. Есть хорошие режиссеры, которые отдают всю свою энергию и талант избранной профессии. А Авто, кроме своего значимого дела, проявляет себя и на общественном поприще. Он отличается инициативностью и организаторским даром, умением взглянуть на проблему широко, глобально. Авто был инициатором многих начинаний, но главное – это то, что он создал новый очаг в культуре Грузии. Созданный им театр носит многозначительное название – Свободный. И это действительно свободный театр, который находится в постоянном творческом поиске. Свободный он и с точки зрения внутренней структуры. Название «Свободный» отсылает нас в прошлое, когда великий Котэ Марджанишвили создал в Москве театр с таким названием. И это ассоциируется с новым очагом свободной Грузии.

Большая заслуга Авто и в том, что он создал базу творчества для молодых талантов университета театра и кино. У него близкий контакт с театральным вузом не только как у профессора университета, но и как у руководителя театра, синтезирующего практику с теорией. Для нашего учебного заведения это большая помощь. Тем более что учебный театр университета находится на ремонте. На сцене Свободного театра проявил себя и нашел свой путь не один талантливый режиссер и актер. Авто Варсимашвили – очень надежный человек в нашем агрессивном мире.

Заслуга Авто – не только создание Свободного театра, но и то, что он один из инициаторов нового театрального движения в Грузии. Спектакли Варсимашвили отличаются гражданской принципиальностью, постановкой общественно значимых проблем. В его спектаклях проявил себя не один талантливый человек – как актеры, так и режиссеры. За мою 50-летнюю педагогическую деятельность передо мной прошли многие поколения актеров и режиссеров, среди них сегод-

ня много звезд. Почему-то звезды открывают только артистам. По-моему, и режиссеры должны иметь звезды, и если будет так, то Авто своей деятельностью, безусловно, заслужил звезду. ПОЗДРАВЛЯЮ!

Васил КИКНАДЗЕ
театровед, профессор

Батано Автандил!

От всего сердца поздравляю Вас с 55-летним юбилеем! Ваши заслуги перед грузинским театром, а значит и перед всей грузинской культурой, очень велики.

Наряду с деятельностью в различных театрах в Вашей творческой биографии следует особо отметить руководство прославленным Грибоедовским театром и создание «Свободного театра».

Позвольте поблагодарить Вас за Ваш вклад в одну из самых значимых и важных сфер нашей культуры. Желаю Вам всего самого доброго, здоровья и долголетия!

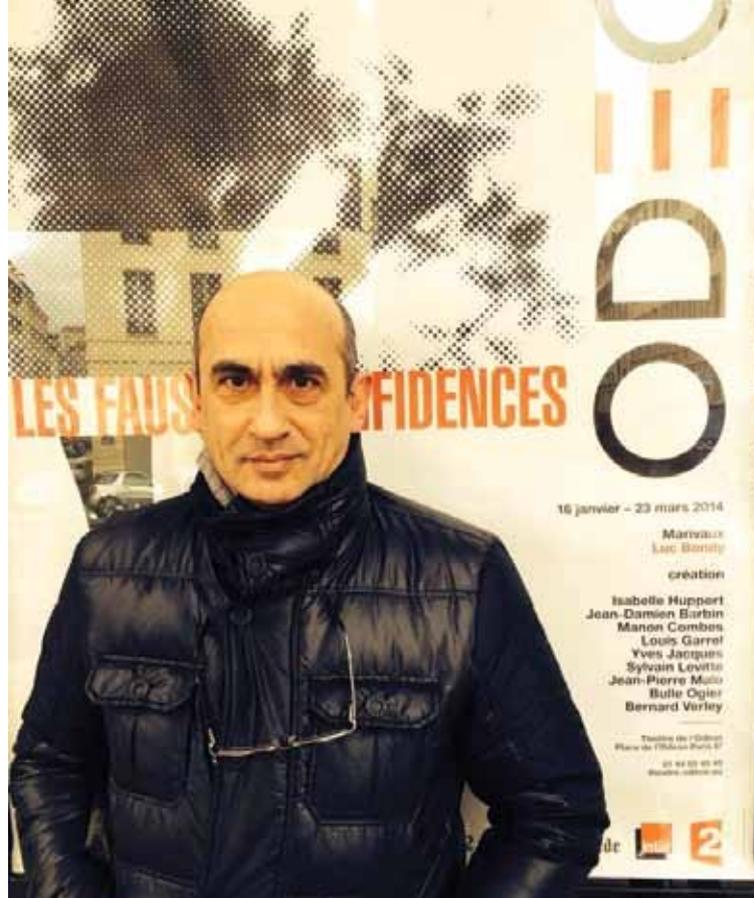
Михаил ГИОРГАДЗЕ
Министр культуры и охраны памятников Грузии

Николай Свентицкий и коллектив Международного культурно-просветительского Союза и журнала «Русский клуб» сердечно поздравляют Автандила Варсимашвили со славным юбилеем! И желают новых творческих успехов, долголетия, крепкого здоровья и счастья!

Как давно известно, первую половину жизни человек работает на свое имя, вторую – имя работает на него. У этого человека все произошло феерически по-другому. Его имя начало работать, когда ему не было и 20 лет. И известность побежала впереди, уже заранее встречая его на пути.

Это тот случай, когда название профессии характеризует в человеке все – образ жизни, склад ума, характер, манеру поведения и взаимоотношений с людьми. Всегда и во всем он – Режиссер. Никем другим быть не умеет, не может и не хочет.

Авто Варсимашвили удивляет всегда. Приверженец принципа разрушения стереотипов, в каждом своем спектакле он нов и неожидан. Поставив классику (не только мировой драматургии, но и грузинского театра) «Кавказский меловой круг» и «Ричарда III», он умудрился создать совершенно самостоятельные спектак-

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ

ли, даже отдаленно не напоминающие канонические шедевры его учителя. «Вы что, не смотрели спектакли Стуруа?» - часто спрашивают у него и специалисты, и любители, и он справедливо считает это комплиментом.

Парадоксально, но в отличие от подавляющего большинства творческих людей, которые предпочитают дружить с представителями других профессий, в числе его самых близких друзей – именно режиссеры.

А еще – он женат однажды и уже много лет. В отношении семьи – категоричен, считает ее самым важным в своей жизни и, не стеснясь, говорит, что профессия для него на втором месте по значимости.

А еще, несмотря на то, что он – Режиссер, а значит – главнокомандующий в любой ситуации, он никогда никого не вытеснял и не выгонял. Он и тут – нарушитель традиций, и в любой конфликтной ситуации (а таких, конечно, было если не много, то и не мало) предпочитал уходить сам.

Да, он талантлив, красив, высок и знаменит. Не той скандальной «желтой» известностью, которая вызывает интерес на один день и забывается через два дня. Его имя зиждется на такой серьезной репутации и таком настоящем интересе публики, что понимаешь: это как-то неловко называть словом «знаменитость» или «известность». Это уже слава. И она надолго. Может быть, навсегда.

- В интервью с вами обычно говорят как с режиссером театра, кинорежиссером, художественным руководителем Грибоедовского и Свободного театров. В честь

▲ Автандил Варсимашвили с семьей

вашего юбилея хотелось бы сделать нашим читателям подарок и немного приоткрыть завесу над Авто Варсимашвили-человеком. Можно?

- Можно.

- Начну с начала. Правда ли, что в детстве вы мечтали стать лошадейю?

- Правда. У меня есть версия, что моей первой игрушкой в жизни была лошадка. Хотя мне вообще очень нравится это животное. Меня привлекает его энергетика.

- Судьбоносная оказалась мечта...

- Да, я и стал лошадейю – всю жизнь мчусь куда-то.

- И один из ваших самых известных спектаклей...

- «История лошади». Хотя в детстве я не осознавал, что лошадьми рождаются, а не становятся.

- А в отрочестве пришла другая мечта?

- Я никогда не мечтал стать космонавтом, пожарным или милиционером. Хотел стать кинорежиссером, и только. Фильмы, мультфильмы готов был смотреть без конца. Первым серьезным киношоком стал Чарли Чаплин. Ребенком я смотрел короткометражки Чаплина в захлеб и повторял: «Чарли, Чарли»... А потом начал серьезно готовиться, и без ложной скромности могу сказать, что к 8-9 классам школы прочел о кино все книги, которые только можно было достать в Тбилиси, и теоретически обо всех классиках кино знал все. Я собирался поступать в Тбилисский театральный институт на отделение кинорежиссуры. Более того, интенсивно ходил в институт на всевозможные консультации, даже бывал на лекциях. И вдруг выяснилось, что в этот год будет набор не на кинорежиссуру, а на мультипликацию. Тогда кто-то посоветовал мне поступать на отделение театральной режиссуры. Для меня это стало потрясением со знаком минус. Я не очень-то любил театр, практически ничего о нем не знал.

- Как же вы решились поступать на театральную режиссуру?

- Не хотелось терять год. К тому же я рассматривал это как временное явление. Думал – поступлю, а потом переведусь. Но вначале надо было подготовиться к поступлению на театральное отделение. Друг моего отца, режиссер Котэ Сурмава предложил показать меня Михаилу Ивановичу Туманишвили. Честно признаюсь, что даже не слышал этой фамилии. Мы встретились с Туманишвили на киностудии. Наверное, такого кретина, как я, он видел впервые.

- Ну, почему вы так говорите?

- Да потому что на все его вопросы о театре я с гордостью отвечал, что ничего не знаю. На вопрос о пьесах Шекспира ответил, что видел фильм Дзефирелли «Ромео и Джульетта». «Что, даже «Гамлета» не знаете?»

- «Знаю. Видел фильм с участием Смоктуновского». Я понял, что Туманишвили потерял интерес ко мне и просто тянул время... Он спросил, видел ли я какие-нибудь спектакли. Это был 1975 год, и человек, который хоть чуть-чуть знает историю грузинского театра, поймет, какую чудовищную ошибку я допустил, когда ответил, что в театре Руставели смотрел «Хануму», «Мачеху Саманишвили» и «Кваркваре». Понимаете? Я перечислил спектакли Роберта Стура. «Вам понравилось?» - спросил Михаил Иванович. «Да!» - твердо сказал я. И тогда он вообще заскучал и напоследок спросил, почему я поступаю в театральный. Я объяснил. «А

▲ На отдыхе

для кино вы готовы?» - «Думаю, что да». Туманишвили начал задавать киношные вопросы и вдруг ожил на глазах, ведь у меня к тому времени было очень много информации о кино, и я отвечал уверенно и подробно. «А почему вы хотите стать именно кинорежиссером?» И тогда, не осознавая этого, я сказал ему то, к чему всю жизнь стремился сам Туманишвили: «Я люблю рассказывать истории. И думаю, что кинорежиссура – как раз та профессия, где людям можно просто рассказывать истории».

- А это и был принцип Туманишвили.

- Но я-то этого не знал. Потом он сам, спустя годы, сказал мне, что мой ответ его поразил и именно поэтому он и взялся со мной заниматься. Кстати, теперь я знаю, что Туманишвили никогда не брал абитуриентов, и я был, пожалуй, единственным, кого он подготавливал к поступлению. Он серьезно занимался со мной с сентя-

бря до конца мая.

- Вы успели почувствовать, с человеком какого калибра занимаетесь?

- Да! Я сразу понял, что передо мной большой мыслитель. Философ. То, что он великий педагог, я понял позже. Со временем мы сблизились. Два раза в неделю я приходил на студию, где он уже собирался открывать свой театр, панибратски здоровался с Кети Долидзе, Мурманом Джинория и другими знаменитостями той поры. К маю месяцу я уже иногда позволял себе спорить с Михаилом Ивановичем, в чем-то не соглашаясь... В том году Туманишвили должен был набирать режиссерский курс и, как я понимал, подготавливал меня для себя. Я даже шутил, что он меня не к экзаменам готовит, а уже режиссуре обучает, потому что его задания были архисложные.

- Почему вы не стали студентом Михаила Туманишвили?

- В июле-августе в институте случилось ЧП. Студенты-режиссеры, окончившие первый курс, подняли бунт и потребовали сменить педагога. Они хотели, чтобы их взял Туманишвили. И он, вместо того, чтобы набрать первый курс, взял второй, на котором, кстати, учился в будущем мой самый близкий друг Гоги Маргвелашвили. А нас, первокурсников, отдали Лили Иоселиани и Гиге Лордкипанидзе.

- Чему Туманишвили успел вас научить?

- Работать с книгами. Ответственно относиться к делу. Вообще я считаю его самым великим педагогом всех времен и народов. Книга Туманишвили «Пока не началась репетиция» - лучшая для режиссеров. Лучше, чем книги Станиславского и Брука, говорю это с полной ответственностью. Если бы она была написана англичанином, я вас уверяю, это был бы классический учебник для режиссеров всего мира. Она переведена, кстати. Но ведь просто перевода недостаточно, книгу необходимо рекламировать, продвигать. А этого не случилось.

- Вернемся немного назад. Когда вы юношей мечтали о кинорежиссуре, то одновременно занимались виолончелью в музыкальной школе. Такой инструмент не выбирают случайно.

- А у меня все вышло случайно. Сперва я учился игре на фортепиано, окончил первый класс музыкальной школы. Занимался с большим удовольствием. После первого класса кто-то посоветовал моим родителям перевести меня на виолончель, потому что пианистов, дескать, много, а виолончелистов мало. Но я сразу полюбил этот инструмент, долго и серьезно играл, и даже были моменты, когда думал – а может, лучше все-таки поступать в консерваторию? И хотя потом я полностью переключился на кино, считал, что режиссер обязан быть музыкально образованным. Я решил все-таки получить диплом об окончании музыкальной школы. Думал, что в будущем, в промежутках между съемками, буду играть в оркестре.

- По вашим постановкам чувствуется любовь к музыке и компетентность в этой области.

- Да, для меня музыка не фон, а действующий персонаж. А знаете, почему я прекратил играть на виолончели? Сейчас, спустя годы, мне кажется, что тогда проявилась самая главная черта моего характера. В Тбилиси приехал Мстислав Ростропович. Отобрали лучших виолончелистов, и мы давали концерт в честь великого маэстро. Я играл сложнейшую вещь – «Лебедь» Сен-Санса. После концерта Ростропович меня похвалил, даже поцеловал... А через день он выступал сам. И

сыграл «Лебеда». До сих, когда я об этом вспоминаю, у меня мурашки бегут по телу... Когда он начал играть, я понял, что никогда в жизни так не сыграю. Понимаете? Я, девятиклассник, понял, что никогда не стану таким. А другим мне быть не хотелось. Я пришел домой и сказал родителям, что никогда не буду играть. Не вышел на выпускной экзамен и никогда больше не брал в руки виолончель.

- И у вас дома нет инструмента?

- Моя виолончель висит в холле Свободного театра. Но я к ней не прикасаюсь.

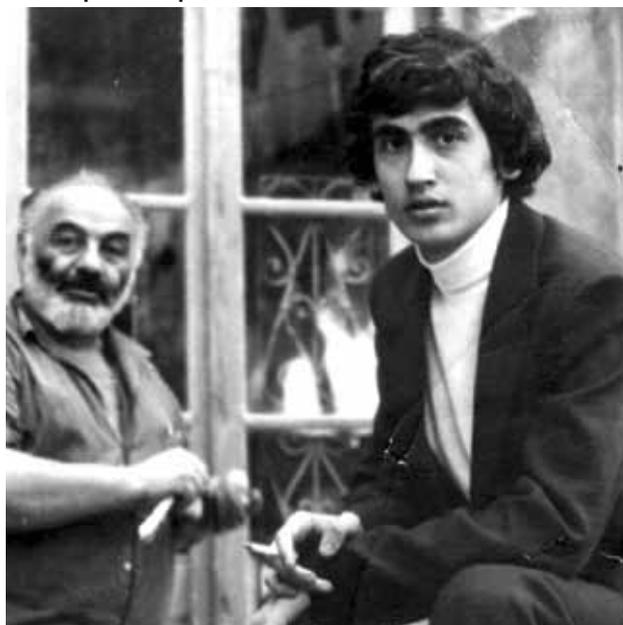
- Показательная для вашего характера история... Но обратимся к вашим студенческим годам. Кого из педагогов вы бы назвали в числе тех, кто заложил в вас основы мастерства?

- Вы знаете, режиссура – это такая профессия, которой не обязательно учиться именно у тех, кто тебе преподает в институте. Формально моими педагогами считаются Лили Иоселиани и Гига Лордкипанидзе. Но я их таковыми не считаю.

- Тогда расскажите о тех, кого считаете своими учителями. Чарли Чаплина и Михаила Туманишвили вы уже назвали.

- Расскажу. В январе 1979 года мы с моим другом Леваном Купарадзе стояли в очереди у касс в тбилисском аэропорту. Собирались лететь в Москву на стажировку – во время каникул институт нас отправлял смотреть столичные спектакли. Со студенческим билетом в руках я ждал, снимут ли бронь. Рядом со мной стоял какой-то бородатый человек. Он бесцеремонно взял мой студбилет. «Ты на режиссера учишься?» - «Да». - «У кого?» - «У Гиги Лордкипанидзе». Он мне кое-что сказал по этому поводу, но это не для прессы. «А ты знаешь, кто я такой?» - «Нет». - «Я Параджанов». Он мог назвать любую другую фамилию, эффект был бы тот же самый. Я ее просто не знал. И никто, кроме профессионалов, не знал. Да, уже были сняты и «Саят-Нова», и «Тени забытых предков», но они лежали на полке. Даже закрытых показов не было. Он понял, что его фамилия не произвела впечатления, и добавил: «Я великий кинорежиссер». В ответ я рассмеялся так же, как вы сейчас. Мне показалось, что передо мной сумасшедший. «Да, да, я величайший кинорежиссер. Позавчера я вышел из тюрьмы (я это очень хорошо

▼ С Сергеем Параджановым

▲ С Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II

помню, он сказал именно «позавчера»), лечу в Ереван, мне надо поклониться могилам. А ты зачем в Москву летишь?» - «На стажировку, спектакли смотреть». - «Обязательно пойдешь в Театр на Таганке. На другие не трать время». - «Так ведь туда не попасть». Он достал из кармана фотографию, на которой был снят с какой-то пожилой женщиной на фоне флага с надписью «Свободная Украина», перевернул, нарисовал конючую проволоку и ножницы, измазал ручкой палец и поставил «печать». И сказал: «Отдашь это Любимову и посмотришь все спектакли». Я был уверен, что это безумец. Но все-таки положил фотографию в карман. Тут как раз дали билеты, мы с Леваном их купили и улетели в Москву. В тот же день пришли в СТД, где Нора Кутателадзе распределяла, кому на какие спектакли идти. Нам предложили на выбор театр Ермоловой или театр Гоголя. А на стене висела афиша премьерного спектакля Театра на Таганке «Мастер и Маргарита». Я говорю: «Нора Петровна, а можно на Таганку?» Она рассмеялась: «Да ты что, я сама пока попасть не могу». Мы вышли из СТД и все-таки поехали на Таганку в надежде как-то попасть на премьеру. Вышли на Таганской площади и... Это был шок. Милиция стояла прямо у метро. Объяснять, что ты студент театрального института из Грузии, было бессмысленно. Тут-то я и вспомнил про фотографию. Подошел к милиционеру и с очень серьезным видом сказал: «Я приехал из Тбилиси, мне надо что-то срочно передать Юрию Петровичу Любимову». Через какое-то время появился человек: «Вы от кого?» - «От Параджанова». Человек изменился в лице и убежал. Слышу выкрик: «Кто из Параджанова?» - «Я!» - «Пропустить!» Нас с Леваном ждал высокий седой мужчина. «Вы от Параджанова?» - «Да. Мне надо видеть Юрия Любимова». - «Это я». Мы вошли в театр, и я протянул фотографию. «Он что, на воле? Как он?» А у меня-то информации никакой. Сказал, что знал: «Сегодня он улетел в Ереван поклониться могилам». Любимов начал кричать: «Ребята, ребята, Сережа на свободе! Володя, Сережа вышел!» Я обернулся, увидел живого Высоцкого и чуть не потерял сознание. Конечно, нас как гонцов от Параджанова оставили на спектакль. Голова шла кругом – от гениального спектакля, от знакомств... А потом в течение недели я ходил не только на все спектакли Таганки, но и на репетиции к Любимову. Но и это еще не все. Когда время моей стажировки истекло, Юрий Петрович позвонил ректору Театрального института Этери Гугушвили и попросил

▲ «Свободный театр»

продлить мое пребывание в Москве. Думаю, что Этери Николаевна упала в обморок на том конце провода. В общем, я почти месяц провел на репетициях Любимова. Между прочим, я потом спросил у Давида Боровского, с которым к тому времени уже был хорошо знаком: «А кто та пожилая женщина на фотографии?» - «Ты что? Это же Лиля Брик». И тут же спохватился: «Слушай, а ведь надо ей сказать, что он на свободе». И мы поехали к Брик. Всего у нее я был три раза... Когда я вернулся в Тбилиси, у меня возникло естественное желание поблагодарить человека, подарившего мне столько счастья. Я узнал, где живет Параджанов, и пошел к нему. Теперь-то я точно знал, к какой легенде иду. Конечно, он меня не узнал. Я напомнил. И рассказал обо всем, что видел в Москве. Это был удивительный день. Я рассказывал, он смеялся... И вдруг спрашивает: «У тебя есть 20 копеек? Купи мне хачапури. Я сегодня ничего не ел». Я побежал, купил... Он ел так, что было понятно – человек не ел как минимум два дня... Вернувшись домой, я рассказал обо всем родителям. На другой день моя мама говорит: «Я приготовила толму, отнеси Параджанову». Когда я принес кастрюльку с едой, Параджанов был ошарашен. Сразу же позвонил моей маме, поблагодарил. Потом мы разговоривали. «Ну, как тебе преподают?» - «Да никак, хочу перевестись в Ленинград или в Москву. Здесь невозможно учиться». - «Давай сделаем так: в неделю раз приноси то, что приготовит мама. А я буду тебе преподавать режиссуру». Так и сделали. Я к нему приходил, и он как бы проводил лекции. Помню, с его подачи в кинотеатре «Газапхули» начали показывать фильмы Пазолини. Он говорил так: «Пойдем, ты должен прозреть». Мы шли в кино, и во время просмотра он объяснял, как это снято, что режиссер хотел сказать. Главное, чему он меня учил – режиссер должен свободно мыслить и быть внутренне свободным. Конечно же, он не преподавал мне режиссуру, думаю, он и не умел этого делать, но он рассказывал истории – выду-

манные и настоящие... И это было лучше всех лекций на свете. Вы знаете, он любил со мной говорить. Наверное, я был хорошим слушателем. Кроме того, Параджанову был нужен зритель, слушатель. А в тот период он был изгоем. Люди опасались общаться с ним, можно было попасть на учет КГБ. К нему приходило считанное количество людей – Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе, Юра Мечитов, Буца Джорбендзе, Гоги Месхишвили... Приходили поздними вечерами, почти ночью. Помню, по просьбе Параджанова я встретил в театре Руставели Андрея Тарковского и привел на Котэ Месхи, 9. Это была их первая встреча. Они до того переписывались, Тарковский уже называл Параджанова своим учителем, но никогда не встречались. Когда мы пришли, у Параджанова, как всегда, на столе в его маленькой комнате лежали гранаты, фрукты. Они вежливо поздоровались, начали какой-то официальный разговор – как вам в Тбилиси, спасибо, хорошо... Я понял, что лишний,

и ушел. Когда утром я зашел к Параджанову, они сидели на тех же местах. И стол остался нетронутым. О чем они говорили всю ночь? К сожалению, нам не дано узнать. Эта тайна волнует меня до сих пор...

Параджанов возродился с началом перестройки. После «Сурамской крепости» он стал таким помпезным, пафосным... И менее интересным для меня. Мне казалось, что раньше у него больше болела душа.

- Но ведь вы продолжали общаться?

- Естественно, но реже. Более того, позже мы даже поссорились из-за «Сурамской крепости». «Это гениальный диафильм. Но не кино», - сказал я ему. «Это сверхкино!» - заявил Параджанов. И страшно обиделся. А потом в мою жизнь неожиданно ворвался другой человек, гораздо более обаятельный.

- Роберт Стуруа?

- Конечно. В 1979 году я на полном серьезе открыл студенческий театр в клубе «Амирани» у моста Бараташвили и поставил спектакль о Павке Корчагине «Фрески о патриотах». Тогда все, что я делал, отдавало параджановщиной. Вы видели «Киевские фрески»? Спектакль был один в один с этим фильмом, плагиат крупнейший. Все было поставлено практически без слов – на шумах, дыхании, символах и метафорах от Параджанова и Любимова. Параджанов был в восторге... А потом в том же театре я поставил «Аукцион» по рассказу Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» Местом действия классического грузинского рассказа стал аукцион, на котором продавали картинку из жизни Луарсаба Таткаридзе. Все в итоге доходило до фантазматологии, и в финале Луарсаб начинал поедать сам себя. По сути, это уже был антипараджановский спектакль, но Параджанову безумно понравился. Он не внес никаких коррективов, радовался. После премьеры мы шли по мосту, и он кричал всем встречным: «Это мой ученик, он поставил гениальный спектакль!» В эти дни в Тбилиси начинался Первый международный театральный фестиваль. Помню, приехали Спесивцев, Шапиро,

Рижский ТЮЗ, МХАТ... Серьезный фестиваль был. А мы – студенты. Но нам очень хотелось участвовать. В общем, через Министерство культуры, лично министра культуры Отара Тактакишвили, через специальную комиссию, которая посмотрела наш спектакль, удалось сделать так, что мы стали участниками фестиваля со спектаклем «Аукцион». Играли в Литературном музее, где как раз проходила выставка, посвященная Илье Чавчавадзе. Думаю, директору музея Изе Орджоникидзе что-то подсказало, что через семь лет я стану ее зятем, и она легко разрешила нам играть каждый вечер. Желающих посмотреть было очень много. Фестиваль шел сам по себе, а мы 9 дней подряд играли наш спектакль. Во время церемонии закрытия (а мы и понятия о ней не имели) мы снова играли «Аукцион». Вышли после спектакля на проспект Руставели, и тут на нас набросились с поздравлениями те, кто вышел после церемонии. Оказалось, наш спектакль получил приз за лучшую режиссуру. В тот период это решение стало не просто бомбой – атомной бомбой. Когда ночью я вернулся домой, мне позвонила Таня Бухбиндер и сказала, что Роберт Стурау очень интересуется спектаклем и спрашивает, когда можно посмотреть? Я ответил, что для Стурау мы можем сыграть когда угодно. На третий день, днем, в Литературном музее мы играли специально для Стурау. После спектакля он лишь поблагодарил и сказал – приходите завтра ко мне и поговорим. Мы подумали, что Стурау спешит и свое мнение о спектакле скажет завтра. 29 сентября 1979 года я пришел в театр Руставели. Меня подвели к репетиционному залу. Стурау вышел и сказал: «Пишите заявление, я вас беру режиссером». И вернулся на репетицию. Помню, я там же сел на ступеньки, смеялся, плакал... Мне не верилось, что это происходит на самом деле. Но это произошло. Так в 19 лет я стал режиссером великого театра и проработал с великим Робертом Стурау 13 лет. За все это время я присутствовал на всех репетициях и застольях Роберта Стурау, был вхож в его семью, стал не только его учеником, но и правой рукой и соратником. И поэтому участвовал во всех конфликтах театра Руставели. То есть прошел великую школу жизни в театре. Самостоятельно поставил там мало – всего 9 спектаклей.

- Это мало?
- Для меня, с моей энергией, очень мало. Я мог бы поставить больше... Я многому научился у Стурау – и хорошему, и плохому.
- Если бы можно было отмотать время назад, вы бы променяли этот период своей жизни на другой?
- Нет, никогда. Несмотря на то, что мне часто было больно... Конечно, влияние на меня Стурау, как режиссера и как человека, очень велико. Было много обид, но хорошего было больше, и я зла не держу. В свое время я сознательно ушел из театра Руставели и до сих пор считаю, что это был правильный шаг.
- В интервью вы часто говорите, довольно корректно, что ушли, потому что не хотели оставаться на вторых

ролях.

- Если это корректно...

- *Корректно, потому что вы не вдаетесь в подробности.*

- Один раз я даже сказал, что два орла не могут сидеть на одной вершине. Тут есть еще один момент. Понимаете, главное, чему меня учил Стурау – это разрушать стереотипные традиции. Это я хорошо выучил. Среди традиций театра Руставели была и такая – ученики выгоняли из театра своих учителей. Я эту традицию нарушил и ушел сам. Без скандала.

- Ушли в другой театр?

- Нет, в кино, и снял свой первый фильм «Кроткая» с блистательным Львом Дуровым в главной роли. Это был совместный советско-итальянский проект. Потом я снял 30 серий телефильма «Дом в старом квартале», даже не подозревая, что спустя годы меня назовут отцом грузинского сериала. Я перестал ходить на спектакли не только в театр Руставели – вообще в театр, в какой-то период даже возненавидел театр, но тут появился ушедший из театра Руставели гениальный Рамаз Чхиквадзе и предложил мне поставить с ним спектакль. Мы взяли пьесу Стриндберга «Пляска смерти», пригласили Кахи Кавсадзе и Нану Пачуашвили и поставили спектакль в доме Рамаза, но не знали, где его можно играть. Вы не поверите, но двери всех театров для нас закрылись. Никто не хотел пускать нас на свою сцену. Тогда мои итальянские друзья пред-

▲ С коллективом «Свободного театра»

ложили сыграть премьеру в Италии, и мы вылетели в Милан. После фантастического успеха в Италии мы показывали спектакль везде, кроме Тбилиси, нас опять не пускали. И тогда у меня возникла идея открыть свой театр. Вот так и появился мой первый собственный театр – Театральный подвал на проспекте Руставели, который стал очень популярным. А в 1999 году театр Грибоедова остался без руководителя, труппа попросила меня возглавить театр, и я принял это предложение. Новая метла должна мести по-новому, но я не выгнал ни одного актера и горжусь этим. А «Свободный театр» я создал во многом для моих артистов из Театрального подвала, которые после моего ухода остались без работы.

- У вас – два театра, два детища. Авто Варсимашвили в Свободном театре и в Грибоедовском – это один и тот

▲ На съемках фильма в Египте

же режиссер?

- Нет, однозначно нет. Важно сказать, что я думаю о настоящей режиссуре. Это исповедь. Я не церковный человек и не хожу в церковь. Но институт исповеди придуман потому, что у людей есть потребность исповедоваться. Просто они для этого находят разные формы. Кто-то ходит к священнику, кто-то к психоаналитику. Для меня таким местом является театр. Я исповедуюсь перед зрителями. Как-то раз я сказал: когда у героев Никуши Гомелаури болит душа – это у меня болит душа, когда они кричат – это я кричу, когда смеются – я смеюсь. Сейчас тоже самое могу сказать о героях Аполлона Кублашвили и других моих актеров. В «Свободном театре» все мои спектакли – о моих болях и радостях, о проблемах, которые меня мучают. У Грибоедовского же театра совершенно определенная задача – это русский театр в Грузии, который должен нести русское слово, классику, культуру. Очень часто в Грибоедовском мне приходится ставить спектакли, не лично от меня исходящие, понимаете? Я следую за конкретной задачей – поставить ту или иную классическую пьесу. И подхожу к этому чисто профессионально. А «Свободный театр» - мой авторский театр, где я могу говорить о себе, о моих близких.

- У вас авторский театр. Артисты для вас – подручный инструмент, как слова для поэта, можно убрать, переставить местами?

- Именно так и должно быть. Просто не будем определять это так жестко. Конечно, артисты выполняют то, что я хочу. Наверное, вы знаете от наших актеров, что я им не оставляю ни времени, ни возможности, чтобы предлагать свои решения?

- Ну, это все знают.

- До первого прогона они только выполняют мои схемы. Просто в этих схемах я всегда оставляю какое-то пространство, в которое потом они смогут вносить что-то свое. В моих рамках. Но собственные версии навязать моему спектаклю артист не может. Даже физически.

- Вы разрешаете импровизировать?

- Если под этим подразумевать выходить из режиссерских рамок, то категорически нет.

- Вы бережно относитесь к артистам?

- Да, очень. Думаю, они это чувствуют. Я еще не встречал актера, который, раз поработав со мной, не хотел

бы встретиться в работе еще раз.

- Андрей Кончаловский считает, что к каждому артисту у режиссера должен быть свой подход – одного необходимо хвалить, другого, наоборот, можно и унижить.

- Думаю, Кончаловский лукавит. Все зависит от того, насколько подготовленным режиссер приходит на репетицию. Если он точно объясняет актеру задачу, то не нужно специально выстраивать никаких отношений. Надо делом заниматься. Не буду скрывать, с артистами я строг и требователен. Но никогда не оскорбляю, не унижаю. И никогда не кричу на репетициях. Правда, одна уважаемая артистка сказала: «Автандил Эдуардович, уж лучше бы вы кричали». Понимаете, актеры начинают много говорить и фокусничать только тогда, когда не понимают, что играют. Кстати, в этом и есть весь секрет, почему я так быстро ставлю – за две-три недели. Максимум – за полтора месяца. Хотя на самом деле я ставлю медленно. Долго подготавливаюсь. Самый сложный период для меня – до первой репетиции. Но когда захожу на первую репетицию, то абсолютно готов. И фактически ставлю быстро.

- У Пушкина есть такая фраза – «зависть – сестра соревнования, следовательно, хорошего роду». Вам знакома такого рода зависть или вы себя ни с кем не сравниваете?

- Знакома. Но у меня есть хорошее качество – когда я вижу спектакль, который мне безумно нравится, я радуюсь не только победе того, кто это создал, но и за себя – потому что мне открываются какие-то другие горизонты. И я начинаю стремиться к этим горизонтам. Мне никогда не становится плохо от хорошего спектакля, поставленного другим режиссером – я только счастлив. А если его поставил к тому же мой друг, я счастлив вдвойне. Но если мне что-то не нравится, я беспощаден. Могу быть относительно деликатен – это уже вопрос формы – но абсолютно откровенен.

- Последние лет сто периодически объявляют о том, что дни театра сочтены. В чем, на ваш взгляд, сегодняшнее предназначение театра?

- Реально театр лишь меняет формы, а по сути остается таким же, каким был 26 веков назад. Думаю, что он будет существовать столько, сколько будет существовать человечество. Тут дело вот в чем. Обратите внимание, если, например, по телевизору вы видите процесс рождения – как раскрывается цветок, как на свет появляется ребенок, то сразу начинаете внимательно за этим следить. Потому что рождение – самое удивительное,

▼ После спектакля

что только может быть на земле. А театр – место, где прямо на твоих глазах рождается жизнь. И пока рождение вызывает удивление и восхищение (а это самые востребованные человеческие эмоции), театр будет существовать.

- Из-за этого вы и остались в профессии театрального режиссера?

- Наверное, именно это меня и удержало. Ты ставишь спектакль, выпускаешь, и он начинает жить самостоятельной жизнью. Без тебя. Для меня, как и для всех режиссеров, спектакль – живой организм. Это чудо – наблюдать, как он растет, взрослеет. Кино заканчивается с последней сценой. Снято, и все – точка. Фильм таким и будет, с ним больше ничего не произойдет. А спектакль – всегда живой, разный.

- Следующий год – дважды юбилейный для ваших театров. Грибоедовскому театру исполняется 170 лет, а «Свободный» открывает 15-й сезон. Каким вы видите завтрашний день «Юноши» - «Свободного театра» и патриарха грузинской театральной культуры – Грибоедовского?

- Они должны оставаться живыми театрами! А театр жив только тогда, когда задевает зрителя за живое.

- 55 лет – это период расцвета, и, как говорится, итоги подводить рано. Но оглянуться на пройденный путь можно в любом возрасте. Какие вехи вы, оглянувшись, поставите в своей жизни как самые важные?

- Поступление в театральный институт. Работа в театре Руставели. Женитьба. Рождение моих детей. Уход из театра Руставели. Открытие Театрального подвала. Приход в Грибоедовский театр. Открытие «Свободного театра».

- А вот вопрос посложнее. Понимаю, что все ваши спектакли дороги вам. Можете ли назвать самые значимые?

- Могу. Назову те, что важны для меня. Может быть, у критиков совсем иное мнение, как это часто бывает. «Аукцион» («Человек ли он?»), «Приручая ястреба» (спектакль, в котором я понял, что надо освободиться от влияния Стурца и идти своим путем), «Гамлет» в Театральном подвале, «Комедианты», «Братья» и «Ричард III» в «Свободном театре», «Мастер и Маргарита» и «История лошади» в Грибоедовском.

- У вас свой ярко выраженный стиль. Даже если вы втихаря поставите спектакль и покажете публике анонимно, театралы угадают почерк Варсимашвили. От вехи к вехе, от спектакля к спектаклю – вы развиваетесь дальше или уже сформировались как режиссер и лишь расширяете свой арсенал?

- Я попробую вам объяснить. Одна сторона профессии – это ремесло. До 45 лет я его изучал, но вот уже лет десять, как знаю про свое ремесло все. Но! Потом наступает другой этап – зная все про технику, ты уже думаешь о других вещах, идешь в свободное плавание и можешь нахально осуществлять свои самые бредовые идеи. Ты высказываешься, не думая о технике, так как, кроме нее, в режиссуре есть что-то другое – сакральное, магическое, без чего не бывает произведения искусства, и это самое важное... Питер Брук прав, когда говорит, что настоящая режиссура начинается после сорока лет, то есть, после того когда ты полностью овладеваешь ремеслом, и наступает другой, самый главный этап в нашей профессии.

- А как оно приходит, это другое?

- Это необъяснимо, на уровне импульсов. Но все-таки прежде всего надо знать ремесло. Только в этом случае ты можешь позволить своим внутренним импуль-

▲ У баннера спектакля «Люблю, люблю, люблю!» в Эстонии

сам свободу. А импульсы не спрашивают разрешения. Их невозможно придумать или изучить заранее. Бредовые идеи, требующие от тебя воплощения, приходят, как непрощенные гости.

Есть и еще один важный для меня момент. Очень большое чувство свободы и счастья дает то, что я нахожусь в том возрасте и положении, когда не меня выбирают, а я выбираю и могу позволить себе работать только с теми, кого люблю. Это касается всех, не только актеров. Я многого не смог бы сделать, если бы рядом со мной в Грибоедовском не было Коли Свентицкого, а в «Свободном» - Торнике Глonti. Торнике – мой ученик, и я отношусь к нему, как к сыну. А Коля – мой настоящий дорогой друг, которому я могу доверить все, иначе невозможно заниматься творчеством. Я скажу больше – для меня мое отношение к актерам важнее, чем их актерский талант. Очень часто меня спрашивают – вот этот более талантлив, почему ты работаешь не с ним, а с этим? Отвечаю просто: вполне возможно, что он более талантлив, но я люблю не его, а другого. Вот и все. Все дело в любви. Я люблю тех, с кем работаю, забочусь о них в прямом смысле этого слова, живу их жизнью... Иначе я не могу. И только благодаря любви между мной и актерами возникает та самая телепатическая связь, без которой неинтересно работать.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

ПОД ЗНАКОМ СОЛНЦА

▲ Григол Робакидзе

**«Солнце – отец всякого совершенства
во Вселенной.
Его могущество безгранично на Земле».**

Гермес Трисмегист, «Изумрудная скрижаль»

Вдохновитель грузинского символизма Григол Робакидзе создал в своих произведениях мир, по чувственной выразительности напоминающий японский театр «Кабуки». Его романы, действие которых происходит в Грузии начала XX века, воскрешают древность как зримый символ, как оправдание и объяснение происходящего.

Несмотря на то, что большую часть жизни писатель прожил в Германии, Грузия осталась для него воплощением «обетованного рая», а ее традиции – свидетельством бессмертия красоты и добра. Так, только в Грузии веранда с накрытым пирышественным столом может напоминать «корабль, плывущий в открытом море»: «Пировали грузины. Когда око зрит мир, солнце, горы, деревья, зверей, людей, то душа изливается радостью, желая воздать хвалу Создателю. Блаженно мгнове-

ние, когда ликующее сердце раскрывается другому ликующему сердцу. То, что грузин чувствует за пирышественным столом, это опьянение сердца». Более того, трапеза для грузина – своеобразный культовый ритуал, дар, приношение Богу: «Тамада, как бы совершая священнодействие, осушил азарпешу», «Гости ели так, как если бы исполняли обряд причащения». Подобные описания Григола Робакидзе напоминают древние мистерии Египта, во время которых жаждущие приобщались к таинствам божественного.

Что же дает Робакидзе возможность сравнивать, на первый взгляд, несопоставимые вещи – еду и поиски истины? Ответ на этот вопрос – в безграничной пластичности, немыслимой естественности проявлений духа грузинского народа, остающегося неизменным в своих качествах на протяжении веков. Нет существенной разницы между главной героиней романа «Меги», живущей в Колхиде, и легендарной Медеей. Изменились условия жизни, разные судьбы у Меги и Медеи, но характер – один. Обе существуют на пределе чувств, одинаково способные на все – вплоть до убийства – ради любви.

В произведениях Робакидзе грузин близок к природе, от нее он воспринял безграничную естественность. Сердце его – это чаша, «полная соков жизни». Описывая обычаи хевсуров, Робакидзе упоминает о культе «адгилис деда» – «матери края» (местности, места): Земля для хевсура – «существо многогрудое, с большим выменем». Природа у Робакидзе живая. В «Хранителе Грааля» он горы сравнивает с буйволами, пишет об «оке источника». Дома, расположенные на горах, кажутся ему курами на насесте. Любимые герои писателя умеют общаться с цветами, как с живыми существами. Они считают, что цель жизни – в растворении в Природе.

Один из самых привлекательных его героев – Леван из романа «Убиенная душа» – воплощение самой естественности. По нашим понятиям «он ничего не делает», он просто существует, не ставя перед собой определенной конечной цели. Но вся сила его примера именно в этом кажущемся безделье, которое олицетворяет собой незримую, но созидательную работу Природы. В нем все качества гармонично слиты и не требуют доработки, как в других людях. Поэтому он напрямую и легко общается с Богом, созерцая его проявления во всем, что есть на Земле: «Никакой профессией он не владел, да и не нуждался в ней. Радость жизни течет, как вода, как волна под лучами Солнца. Леван и был такой живой волной... Он просто жил и радовался жизни. Был представителем элиты, прекрасной человеческой породы. Тысячелетия делался отбор».

Вместе с Леваном впервые в роман ясно входит тема Солнца – символического образа всего творчества Григола Робакидзе, воспринимавшего его как «эманацию божества». Можно проследить, как во всем творчестве писателя, в любой характеристике – человека ли, чувства ли, движения ли души – Солнце – решающий ориентир. По его понятиям, оно неизменно сопровождает человека в жизни, следит за ним и помогает становлению в нем добра. Жермена де Сталь писала: «Когда мы утрачены мраком ночи, нас часто пугают не опасности, коими она подстерегает нас, а ее соприкосновенность всякого рода утратам и страданиям, коими она в нас проникает. Солнце же, напротив, есть как бы эманация божества, как бы сияющий провозвестник услышанной молитвы. Лучи его нисходят на землю не для того только, чтобы сопутствовать человеку в его трудах, но чтобы изъяснять природе свою любовь».

Но то, что по наитию ощутила мадам де Сталь, раз-

вернуто Григолом Робакидзе в целую философскую науку о Солнце, образ которого является для него самым возвышенным во Вселенной. Оно приносит ни с чем не сравнимую радость и силу жизни, если с ним установлен «личный контакт». Но это не то ощущение мимолетной радости жизни, которое сопровождает наши различные земные ощущения, солнечная улыбка всегда покрыта тончайшим покровом печали. Человек испытывает нечто подобное, когда слушает прекрасную музыку, уносящую его «далеко от земной юдоли».

Казалось бы, парадоксальна связь Земли и Солнца, не противостоящих, а как бы взаимно проникающих друг в друга. Но удивление пройдет, если мы вспомним о существовавших в прошлом зороастрийцах – языческих племенах, обожествлявших Солнце. Множество огнепоклонников было и в Грузии. Поэтому родина существует в романах Робакидзе «под знаком Солнца». (В действительности так и есть, Грузия находится под астрологическим знаком Льва – самого сильного огненного, солнечного знака). «В мироощущении грузин, – пишет он, – огонь является главным элементом. Жизнь есть горение... Отсюда основополагающее значение Солнца в нашем мирозерцании... Со времен Плотина мы знаем, что Око солнцеподобно. И Гете говорит: «Не будь око подобно Солнцу, оно никогда бы не узрело Солнца». Если спросить нашего крестьянина: «Что происходит с виноградом во время созревания?» – он тут же ответит: «Око входит в виноград». Да, буквально так. Разве это не гениально?»

Жить, считает Робакидзе, тоже нужно подобно Солнцу, то есть обладать «мужеством жизни», быть готовым к самоотдаче. В романе «Хранитель Грааля» писатель дает пример подобного огненного служения – Робакидзе называет своего героя князя Гиорги – «подлинным и ярко выраженным представителем грузинского духа...» и сравнивает его со святым Георгием, поразившим дракона зла. Диди Гиорги (Большой Георгий), как называли его друзья и знакомые, – потомственный грузинский интеллигент, глубоко и всесторонне образованный человек, посвященный в сокровенные знания Востока и философию Запада. Его дом в одном из благодатных уголков Грузии напоминает место паломничества, сюда съезжаются лучшие люди нации, чтобы пообщаться, посоветоваться друг с другом, приобщиться к высокой культуре духа. По ходу действия романа судьба ставит Диди Гиорги в разные ситуации – он даже оказывается в застенках ГПУ. Но никто не в силах сломить его волю. Он одерживает нравственную победу над следователем Вельским, и его отпускают домой. Такой итог событий кажется не очень правдоподобным, но не будем спешить с выводами. Нет, Робакидзе не склонен ничего идеализировать, просто случай с Диди Гиорги слишком необычен. Это скорее не персонаж, не герой романа, а живое воплощение самой сути грузинской нации. Иначе откуда у него такое четкое, оформившееся знание границы между добром и злом, истиной и ложью, высоким и низким? Ему дано веками вырабатываемое знание вечной смены антиподов в Космосе, зрение его ясно и не замутнено ничем – включая ложную национальную гордость. Более того, он предпочитает скорее принизить свой народ, чем петь ему дифирамбы, лишь тормозящие его развитие: «никто другой, как именно грузин, не склонен в такой степени к измене... Властелин может стать подхалимом, рыцарь – обманщиком. Щедрость грузина зачастую переходит в расточительность. Деградировавший грузин в состоянии натворить немало бед».

Робакидзе возлагает на своего героя роль духовного

центра, от которого, как от Солнца, идут лучи к другим положительным героям его романов. Именно Диди Гиорги хранит до времени в своем замке чашу Грааля – мистический символ средневекового рыцарства, перенесенный писателем в Грузию начала XX века. По преданию, калика (священная чаша) была тайно вынесена из горной цитадели Монсегиора и спрятана. До сих пор никто не знает ее местонахождения. Так что Робакидзе имел полное право на собственные фантазии. Тем более, что культ чаши восходит еще к языческим кельтским, иберийским и гальским мифам. Е.И. Парнов в книге «Трон Люцифера» (М., Политиздат, 1985, с. 79) пишет: «...для одних Грааль – это сосуд, в котором Иосиф Аримафейский, упомянутый во всех четырех евангелиях, собрал Христову кровь, для других – блюдо тайной вечери, для третьих – нечто вроде рога изобилия и скатерти-самобранки, а для сторонников эзотерической легенды Монсегиора – золотое изображение Ноева ковчега».

Чувствуя приближение смерти, Диди Гиорги передает чашу поэту Левану Орбели, о котором сам же говорит: «Он наделен благодатью». Применяя восточные термины, можно сказать, что князь Гиорги – гуру (учитель) для Орбели – чела (ученика). Между ними существует некая связь, некая преемственность, которая даже выше, чем привязанность отца и сына. Оба они обладают мистическим видением мира. Оба понимают друг друга без слов. Один из героев романа говорит о Леване: «Он живет в духовном пространстве абсолютно. Преходящее, правда, остается для него действительностью, но существует под знаком метафоры, притчи».

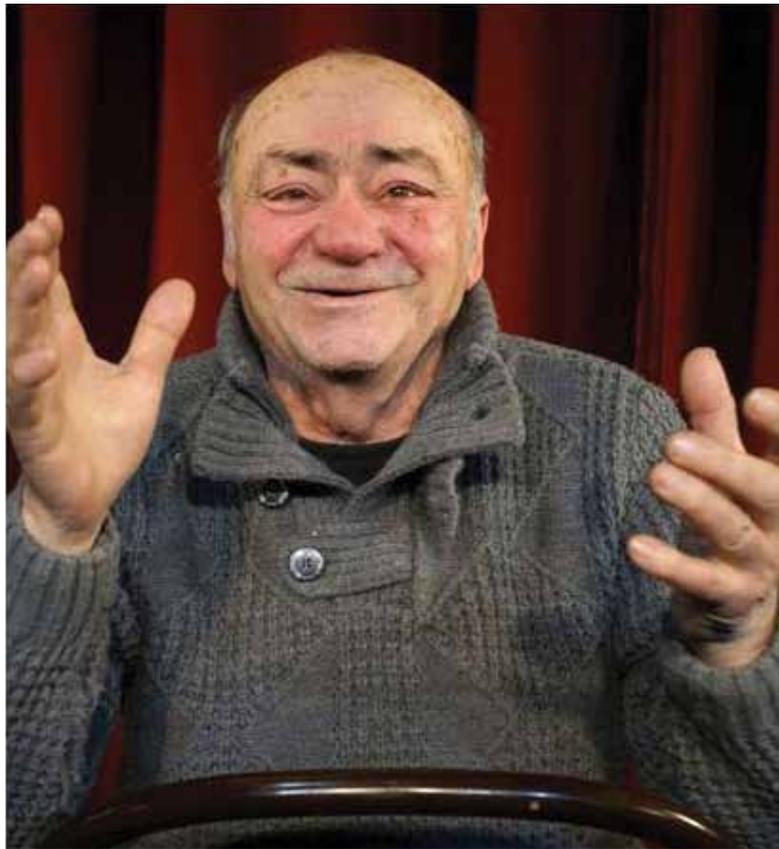
Но если Диди Гиорги выпала созидательная роль в жизни, то у Левана – ярко выраженное жертвенное воплощение. Цель и смысл его жизни – спасение Грузии, спасение Грааля. В романе режиссер Марджани (нетрудно прочитать аналогию с Котэ Марджанишвили (которого хорошо знал Робакидзе) ставит спектакль, в одной из его сцен сердце человека, пожертвовавшего собой ради спасения людей, несут в Священную рошу для освящения. Безусловно, эта тема Прометея относится к главному герою романа, тем более, что, по преданию, Прометей был прикован к Кавказским горам.

Левану и в самом деле удалось спасти Грааль. Это произошло в 20-х годах, во время восстания. Обладая практическим умом, Орбели точно рассчитал, что восстание будет задушено. Он отвечает своему другу Закаре, рассказавшего ему о подготовке к восстанию: «Конечно, надо, как Солнце, нерасчетливо раздаришь себя, но сначала надо обрести в себе это Солнце». Как он сказал, так и случилось, но несмотря на предчувствие поражения, Леван до конца остался со своими друзьями, хотя у него была возможность покинуть родину. Глава о его смерти называется «Кор арденс», что по-латыни означает «Пылающее сердце». Как рыцари Монсегиора, группа восставших оборонялась от врагов в одном из замков. Когда не осталось надежды на спасение, Леван с друзьями унес Грааль из крепости и передал его в надежные руки. Как только это происходит, он, умиротворенный, умирает. Умирает без видимой причины, засыпает под дубом, прислушиваясь к извечно живущей в нем тоске, «зовущей его в даль». Казалось, что он заснул. Спасение было совсем близко, его товарищи собирались пересечь границу, но Леван не мог покинуть родину, словно перевоплотился в чашу Грааля, которая по завещанию Диди Гиорги, непременно должна была остаться в Грузии...

Анна ФАЛИПЕЕВА

ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА

Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушетии Гурам Георгиевич Черкезишвили – человек без возраста, живой, улыбочивый, легкий на подъем, всегда мобилизованный и готовый работать. А на досуге – бесконечно вспоминающий все, что связано с самым главным в его жизни – Театром. Им он жил (и живет!) долгие годы – играл, ставил, учил профессии других. Зрители помнят его эпизодические, но очень яркие роли, – такие, как конференсье Бенгальский в нашумевшей постановке «Мастер и Маргарита», Куликов и Сторож в спектакле «Russian блюз», Хук из «Карьеры Артуро Уи»... Не забылись и режиссерские работы Гурама Георгиевича. Критики писали о его спектакле «Трагический поединок» А.Ставицкого, что он «будоражит, тревожит, заставляет задуматься». Высоко оценивали «Старомодную комедию» А.Арбузова, «проникнутую подлинной человеческой болью, мудростью и теплотой». Эти качества, присущие самому Гураму Георгиевичу, были воспитаны в нем близкими, семьей.

▲ Гурам Черкезишвили

самому Михаилу Ромму, который сказал мне: «Вы очень молоды для этой профессии, наберитесь опыта и тогда приходите!» И я стал студентом киноведческого факультета ВГИКа, жил в общежитии вместе с уже известными тогда актерами Эдуардом Бредуном и Владимиром Гусевым. В тот период на третьем курсе ВГИКа учился и наш Эльдар Шенгелая. А я смог продержаться на киноведческом факультете всего полтора года – меня очень тянуло домой, в Тбилиси, к бабушке с дедушкой, к которым я был очень привязан. И я уехал из Москвы.

КОРНИ

- У меня замечательные предки. Мой дед, Семен Георгиевич Черкезишвили, был офицером царской армии, воевал на фронтах Первой мировой войны, участвовал в героической обороне Порт-Артура и был награжден Георгиевским крестом. Уже в советские времена работал военным инструктором. Отец, Георгий Семенович, был инженером-экономистом, а мама, Манана, урожденная Багратиони (их было три сестры – Тамара, Наталья и Манана), - довольно известной по тем временам певицей. Отец погиб на фронте – так же, как и его брат Миша, окончивший пограничилище и павший смертью храбрых в Бресте уже в первые дни войны. Мама вышла замуж во второй раз – за отца нынешнего любимца публики Вахтанга Кикабидзе... Меня фактически воспитывали бабушка с дедушкой.

КИНЕМАТОГРАФ

- Я с детства любил театр, благодаря замечательному деду смотрел спектакли во многих театрах (и в Грибоедовском, конечно), но поначалу отдавал предпочтение кино. И даже пытался поступить во ВГИК на режиссуру кино, когда мне было лет 17. Попал на собеседование к

АКТЕРСКАЯ ПРОФЕССИЯ

- По возвращении на родину я стал думать о поступлении на режиссерский факультет. Встретил однажды Роберта Стуруа и поинтересовался, что нового в театральном институте, поделился своими планами. Роберт сообщил, что через год Туманишвили будет набирать режиссерский курс, и посоветовал мне подождать и поступать к Михаилу Ивановичу...

Однако до поступления в театральный я продолжил образование в пединституте, на историко-филологическом факультете, но и там отдавал дань любви театру. К счастью, такая возможность была: актер театра Грибоедова Николай Троянов организовал у нас драматический коллектив, поставил спектакль «В добрый час» Розова, в котором я сыграл главную роль. А потом был совместный с тбилисским университетом вечер, посвященный Чехову – мы играли отрывки из его произведений. Меня увидел приглашенный на представление актер и режиссер Николай Яковлевич Маршак, в 1927 году создавший русский ТЮЗ в Тифлисе и возглавлявший его тридцать лет, и пригласил во вспомогательный состав театра. Это было замечательное время, я много играл. Одна из ролей – Гекльберри Финн.

В спектакле «Именем революции» М.Шатрова я играл беспризорника Яшку. Мой герой ходил по вагонам,

пел, собирал гроши, а на самом деле был лазутчиком. По ходу действия в меня стрелял эсер, которого играл в будущем известный актер народный артист России Ноже-ри Чонишвили, я был им ранен и притворился мертвым. «Собаке собачья смерть!» - торжественно произнес Чонишвили. И тут я, как назло, чихнул... В зале, живо реагирующем на сценические страсти, кто-то крикнул: «Он живой!» «Живой?» - переспросил эсер. И произвел еще несколько контрольных выстрелов, в то время как я держался под ковром...

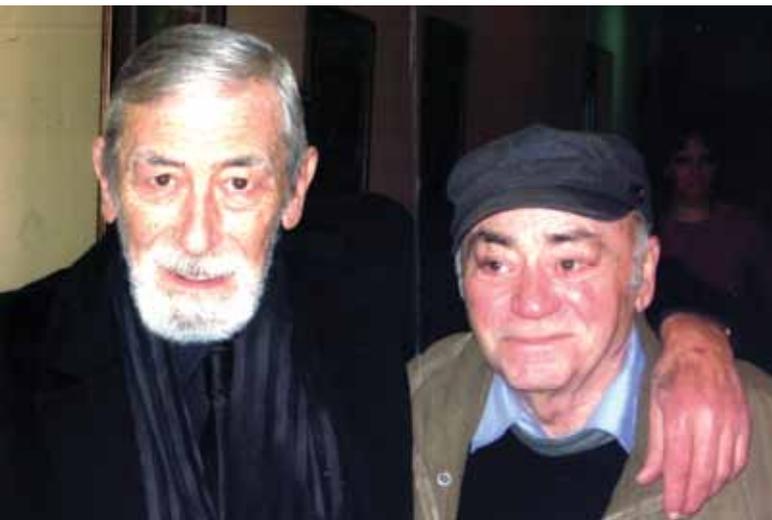
А в другом спектакле из американской жизни, где мне пришлось быть ковбоем и в одной из сцен пить виски вместе с товарищем, на сцену из первого ряда неожиданно выскочил подвыпивший зритель и сел рядом с нами. «Эй, бармен, еще виски!» - нагло потребовал непрошенный гость. Пришлось закрыть занавес...

В 1960 году я перешел в Грибоедовский театр, и мне довелось выходить на сцену с корифеями – Арчилом Гомиашвили, Юрием Шевчуком, Натальей Бурмистровой и другими мастерами. Вместе с юным Аликом Кухалишвили «подрывал» Наталью Михайловну в знаменитом спектакле «Барабанщица»...

РЕЖИССУРА

- В 1962 году, уже имея определенный стаж работы в театре, я поступил на режиссуру к Михаилу Туманишвили. Помню, как это все происходило.

В приемной комиссии были Дмитрий Алексидзе, толь-

▲ С двоюродным братом Вахтангом Кикабидзе

ко что вернувшийся из Киева, Михаил Туманишвили, набравший новую группу, и маститые педагоги, работавшие еще с Котэ Марджанишвили – Кукури Патаридзе, Александр Микеладзе. На экзамене Дмитрий Алексидзе спросил меня: «Ваша фамилия?» - «Черкезишвили». - «Фамилия хорошая. А мама?» - «Она из рода Багратиони». Саша Микеладзе – он славился острым языком – пошутил: «Не скажи еще, что твоя бабушка из рода Дадиани!» - «Дадиани – нет, но Амилахвари она была!» - невозмутимо парировал я. И тогда Додо, у которого было потрясающее чувство юмора, заявил: «Этого человека мы либо должны брать без экзаменов, либо гнать его к чертовой матери!» Решили все-таки взять... И когда я вышел в коридор, кто-то тронул меня за плечо. Это был Саша Микеладзе. Он поинтересовался: «Юноша, как тебе удалось спастись от Лаврентия Берия? С такой-то фамилией!»...

Я очень горжусь тем, что учился у такого велико-

▲ С любимой дочерью Сонечкой

го педагога, как Михаил Туманишвили. Благодарен ему и за то, что он доверил мне поставить свой курсовой спектакль не в стенах института, а в родном ТЮЗе. Это был «Волшебник Изумрудного города» А.Волкова. Эту сказку в детстве очень любила моя дочь, тоже ставшая актрисой, и даже держала книжку под подушкой... Этот спектакль мы показали в Баку, на фестивале детских спектаклей. Позднее я поставил «Волшебника» на Грибоедовской сцене, но по-другому... В главной роли была замечательная актриса Лариса Некипелова. В театре Грибоедова я поставил целый ряд удачных спектаклей для детей. Например, «Белоснежку и семь гномов» братьев Гримм. Белоснежку сыграла тогда начинающая актриса Ирина Мегвинетухуцеси.

Моими однокурсниками были Гоги Кавтарадзе, Нугзар Лордкипанидзе, Евгений Гинзбург, Давид Кобахидзе. Каждый из них оставил заметный след в искусстве.

Однажды, когда Михаил Туманишвили по приглашению Анатолия Эфроса ставил в Москве брехтовскую пьесу «Что тот солдат, что этот», он привел к нам на курс в качестве режиссера Роберта Стурра. Роберт поставил с нами, молодыми режиссерами, гоголевскую «Женитьбу», в которой я сыграл Яичницу. В переводе на грузинский фамилия звучит забавно – Эрбокверцха. Получился очень интересный спектакль, мы много импровизировали, смеялись... Это было на первом курсе.

А вот вместе с Гизо Жордания мы поставили спектакль «А зори здесь тихие» Б.Васильева на грузинском курсе – постановку наградили премией имени Ленинского комсомола.

А моим дипломным спектакле в ТЮЗе были «Красные дьяволята». Помню, что на премьере были Михаил Туманишвили и Абрам Рубин...

ГРИБОЕДОВСКИЙ

- Первый спектакль в театре Грибоедова я поставил вместе с Сандро Товстоноговым, он меня, собственно, и привел в театр в качестве режиссера. Вместе мы поставили спектакли «Свободная тема» А.Чхаидзе – о школьниках-выпускниках и «Последнее слово за вами» Г.Данаилова. А потом у меня пошли самостоятельные работы.

С Сандро мы очень подружились. Когда приехал Георгий Александрович, Сандро меня с ним познакомил. Товстоногов-старший произвел на меня сильное впечатление. Что касается сына, то это был очень образованный человек, с новым режиссерским видением – ленинградская школа! Помню, тогда из России приехала группа

▲ «Волшебник Изумрудного города». 1983

молодых актеров, появились интересные спектакли, поставленные в современной стилистике.

В своей режиссерской работе я всегда учитывал, прежде всего, актерский потенциал – без каких-то постановочных «фокусов», хотя бывают прекрасные спектакли и с «фокусами». Но для меня главным в театре был и остается Актер. Этому меня научил Михаил Туманишвили. Мне всегда удавалось найти с актерами общий язык – может быть, потому, что я сам актер?

(Хочется привести отрывок из рецензии Этери Гугушвили, где подчеркивается именно этот момент:

«Постановщик спектакля Г.Черкезишвили все свое внимание сосредоточил на актерам, прекрасном дуэте Н.Бурмистровой и М.Иоффе. «Старомодная комедия» грибоедовцев – не мелодраматическая история, а спектакль о сокровенном, разговор актеров со зрителем о жизни, о стремлении к счастью»).

В спектакле «Гнездо глухаря», поставленном по замечательной пьесе Виктора Розова, был очень интересный актерский состав, особенно выделялся Михаил Иоффе. С ним легко было работать, прежде всего, потому, что он очень уважал режиссера, доверял ему. Для меня всегда было огромным удовольствием работать с Натальей Бурмистровой. Вспоминаю такой эпизод. Однажды встречаю актрису на улице, и она, зная, что я учусь на режиссерском факультете, спрашивает меня: «Гурамчик, когда же ты к нам придешь? Мне ролей не дают!» Пожала плечами... И вот свершилось: я поставил целых три спектакля с участием этой потрясающей актрисы – «Звезда немого кино» И.Ольшанского, «Старомодная комедия» А.Арбузова и «Трагический поединок» А.Ставицкого – в этом спектакле Бурмистрова блистала в дуэте с актером Витей Захаровым.

Меня очень заинтересовала эта пьеса А.Ставицкого, посвященная эпохе политических репрессий. Когда я был пионером, то любил парады, пел патриотические песни, читал такие же стихи. Но позднее многое уже не нравилось, произошла переоценка ценностей: многие из нашей родни и ее окружения были уничтожены, сосланы. Мамина старшая сестра Тамара семь лет провела в ла-

▲ «Доктор Айболит». 1992

герьях, ее муж, известный грузинский писатель Нико Мицишвили, расстрелян. Он, кстати, был другом Осипа Мандельштама. Помню, что дед мне говорил: «Не болтай!»

Я много читал, очень любил русскую литературу. У моего отца стоял заветный старый шкаф еще довоенных времен. Я слушал «Голос Америки», а потом попал в семью наших эмигрантов Чавчавадзе: Миша Чавчавадзе поселился в Петербурге (тогда Ленинграде), а Зураб – в Москве. Зураб окончил факультет западноевропейской литературы ТГУ им. И.Джавахишвили. Эти отношения заставили меня на многие вещи смотреть иначе.

Приятно, интересно работалось с Гизо Жордания. Его

в театре Грибоедова всегда очень любили и сожалели, когда он ушел. Это умнейший человек с чувством юмора. Я поставил вместе с ним несколько спектаклей, вовсе не претендуя на индивидуальную работу. Такой совместной работой был спектакль «Человек, который платит» И.Жамиака. Он пользовался большой популярностью у зрителей, и во многом благодаря участию в спектакле первоклассных актеров Валентины Семиной, Бориса Казинца.

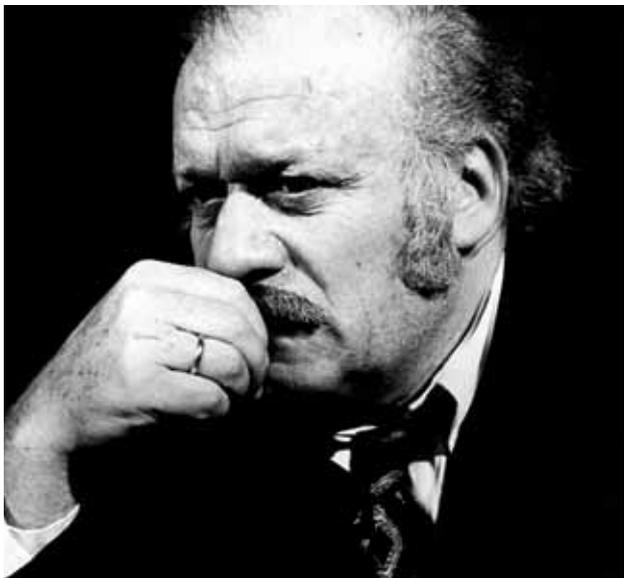
Поставил несколько мюзиклов. Особым успехом пользовался спектакль «Ключ» Нила Саймона с Аликом Кухалеишвили в главной роли. Помню, как все участники спектакля учились бить чечетку... Театр с большим успехом представил «Ключ» на гастролях в Одессе.

Дорожу и постановкой по пьесе М.Розовского «Концерт Высоцкого в НИИ»...

▼ «Концерт Высоцкого в НИИ». 1988

▼ «Старомодная комедия». 1981

▲ «Человек, который платит». 1982

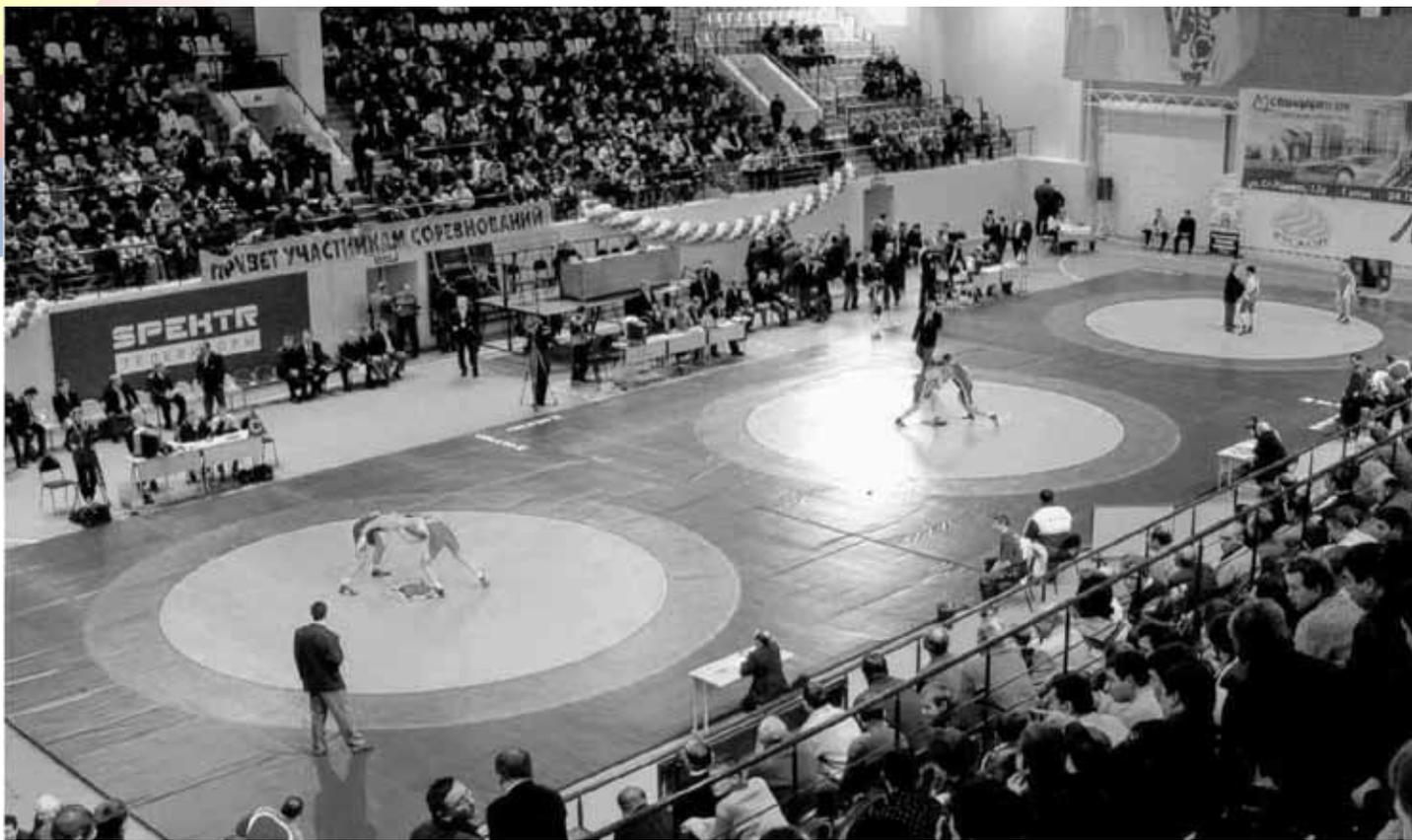
Спектакли я выпускал и за пределами Грузии. По рекомендации М.Туманишвили поставил в Воронеже, на сцене старейшего академического театра имени А.В. Кольцова, спектакль «Пока арба не перевернулась» Отиа Иоселиани. В нем был занят замечательный актер, фронтовик с необычным именем – Адольф Алексеевич Ильин. Однажды я услышал, как после репетиции, за выпивкой он запел грузинскую песню. «Откуда ты ее знаешь?» - удивился я. И актер рассказал мне, что на фронте подружился с грузином, от него и выучил песню... Ильин очень тосковал по своему другу, и однажды отправился в Кахетию на его поиски. Нашел родных, но самого друга уже не было в живых... Ильина, конечно, сразу окружили в Грузии вниманием и теплом.

Работал я и в Волгограде: на сцене областного театра осуществил две постановки – «Старший сын» А.Вампилова и «Доктор Айболит». К Вампилову я вернулся еще раз в Телавском театре – поставил пьесу «Старший сын», переведенную на грузинский язык Нугзаром Лордкипанидзе. Получилось, надо сказать, совсем не плохо. Мне довелось поработать и в Свердловском (ныне – Екатеринбургском) академическом театре, где я предложил зрителям веселую «Хануму» А.Цагарели.

ПЕДАГОГИКА

- Педагогика – это моя страсть с юности. Я очень любил работать со школьниками, в свое время объединил все школы в районе проспекта Плеханова. По-хорошему завидую Ирине Квижинадзе, которая создала прекрасный театр-студию «Золотое крыльцо». У меня были разные группы в театральном институте, а также ребята из Дома офицеров, Дома пионеров... Многие мои ученики потом успешно сдавали экзамены и попадали в театральный институт. Один из них – Мераб Нинидзе, сделавший прекрасную карьеру на Западе. По поручению Михаила Ивановича, который был заведующим кафедрой режиссуры, я проводил с ребятами собеседование. И меня тянуло именно в театральную педагогику... Когда Михаил Туманишвили создавал свой Театр киноактера, то привлек к работе и меня. У него была группа студентов, принявших участие в нашумевшем спектакле «Именем «Молодой гвардии», и я был его ассистентом...

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЭТАЛОН ДРУГА

Познакомились они шестьдесят лет назад. Судьба свела их вместе в городе-герое на Волге, на юношеском чемпионате СССР по классической борьбе 1954 года, чтобы уже не расставаться, подружиться и, более того, породниться. Назовем их: Мераб Гудушаури из Тбилиси и Степан Казарян, участник команды Еревана. Или, как представляют героев известного фильма Георгия Данелия – жителей солнечной Грузии и солнечной Армении.

По воспоминаниям моего друга, восстановим события минувших дней. Как-то сразу Мерабу пришлось по душе его новый знакомый – смуглый, прекрасно сложенный для своих лет. Поселили их команды в большой комнате со сборной Казахстана, в составе которой были будущие мировые знаменитости Анатолий Колесов, Валерий Анисимов, Вадим Псарев.

Но это будет, а пока по завершении соревнований все вместе гуляли по сталинградским улицам, встречая повсеместно незалеченные следы войны, посещали места, памятные по сообщениям Совинформбюро.

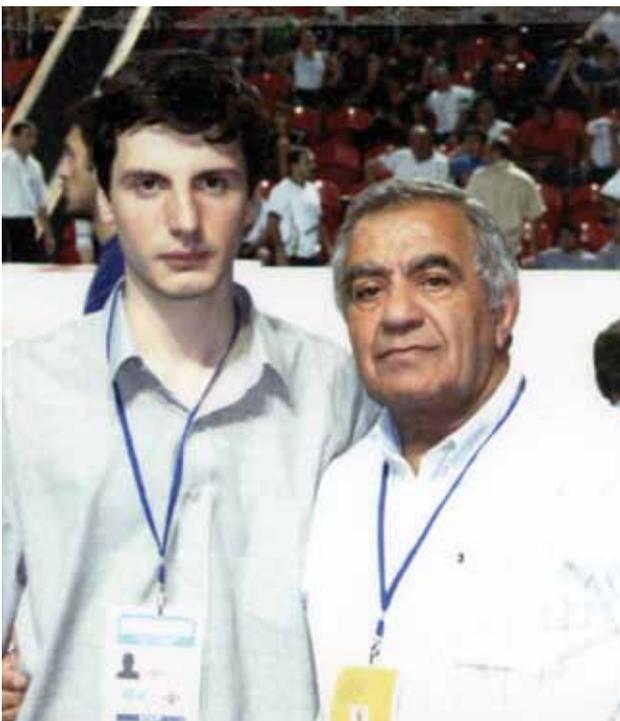
Боролся Степа в весе 52 кг, боролся великолепно, все схватки проводил на высоком техническом уровне, завершая как правило досрочно – занял в финале второе место. Одному только борцу оказалось по силам опередить Степана и стать чемпионом, но какому! Олегу Караваеву. Да-да, тому самому, кому через несколько лет покорились все мыслимые чемпионские вершины: СССР (5 раз), мира (дважды) и Римской олимпиады 1960 года.

Мераб Гудушаури, как и Степан, занял второе место в полулегком весе. В день отъезда обменялись адресами, еще не зная, как часты будут их встречи на первенстве ЦС «Буревестника», ВЦСПС, других кубковых и межведомственных соревнованиях. Так началась их дружба. А потом была встреча на первенстве мира 1975 года, памятным тем, что советские борцы завоевали 8 золотых медалей, в Минске, где день рождения Гудушаури – 13 сентября – отмечали степановы сыновья Вартан и Армен (Мераб Ираклиевич крестный Армена, а его отец – Мераба-младшего, внука его друга). И еще одна, более дальняя, на чемпионате мира 1979 года в американском городе Сан-Диего, куда оба приехали в качестве почетных гостей и особо почитаемых людей в большой мировой борцовской семье, где их, тогда еще советскую спортивную делегацию, разместили в одном из коттеджей института, комендантом которого оказался некто Кероп, соотечественник и друг Степана, так что лучшего ежеминутного внимания нельзя было и пожелать. Очень скоро пришли и другие степановы друзья из армянской диаспоры – организовали поездку в Лос-Анджелес, в знаменитый дельфинарий; ходили на соревнования, а по завершении их пригласили Мераба, Степана и старшего тренера сборной В.Миронова в институтский коттедж, который также оказался в ведомстве Керопа, на Тихоокеанском побережье, на шашлыки, в полном соответствии с кавказской кухней.

На сегодняшний день Степан Левонович по праву считается одним из самых уважаемых людей в мире борьбы. Уроженец Еревана, гражданин мира, как в шутку себя он называет, с 2003 года работает генеральным секретарем Технического департамента Международной федерации объединенных стилей борьбы (ФИЛА), где занимал различные должности с 1975 года, занимается научной работой. К тому же

▲ В гостях у друга. Сидят: А.Казарян, М.Гудушаури, Г.Берекашвили; стоят: Г.Дзасохов, А.Рузаев, Р. и М. Мартинети, Л.Гудушаури, С.Казарян.

▲ Мераб Гудушаури (младший) и Степан Казарян

он – заслуженный тренер СССР и Армении, заслуженный гостренер и деятель спорта РА, почетный мастер спорта СССР, судья всесоюзной и международной категорий (с 1965 г.), уже в 27 лет возглавлял сборную Армении по классической борьбе, будучи младше некоторых своих подопечных. Воспитал до трех десятков мастеров спорта, среди которых немало самых именитых.

Многие годы возглавлял республиканское сельское

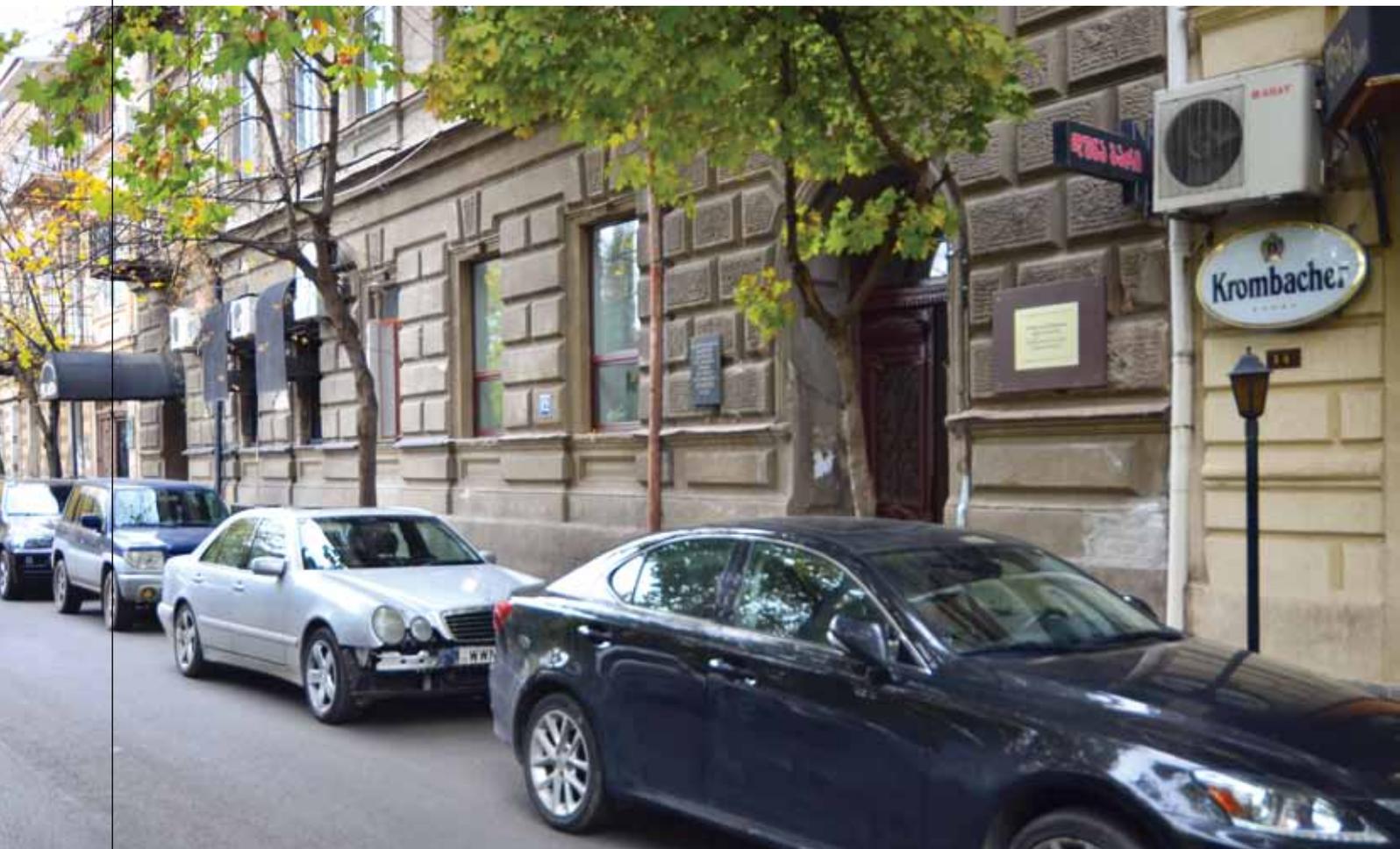
добровольное спортивное общество «Севан», открыл 34 спортшколы, 17 из них с борцовской специализацией. В одной из них, в Масисе, был подготовлен олимпийский чемпион Атланты Армен Назарян, первый в независимой Армении. В 1968 году С.Казарян сроком на два года командирован в Камбоджу на тренерскую работу, за которую удостоивается высшей правительственной награды.

Круг обязанностей и кипучая деятельность Степана Левонovichа, и это несмотря на его 79 лет, внушает большое уважение. Профессор Казарян проводит тренерские и судейские семинары ФИЛА, посетил с лекциями 90 стран мира.

«Приезжает и к нам, в Грузию с семинарами, - рассказывает Мераб Гудушаури, - помогает нашим судьям освоить новые правила, занимается с молодыми борцами. Большая дружба связывала Степана Казаряна с нашими первыми олимпийскими чемпионами Давидом Цимакурдзе и Гиви Картозия. Когда в апреле 1966 года трагически погибли в автоаварии два друга, два великих спортсмена Автандил Коридзе и Роман Дзnelадзе, приехавшую на похороны армянскую делегацию борцов возглавил мой друг Степан. Такое не забывается! Он и сейчас дружит с нашими выдающимися чемпионами Леваном Тедиашвили, Романом Руруа, Лери Хабеловым... Всех не перечислишь. Всегда для нас он остается дорогим и желанным гостем. Степан – эталон друга.

Весной 2013 года Тбилиси принимал первенство Европы по греко-римской, вольной и женской борьбе. В этом огромная заслуга Степана Левонovichа Казаряна, свидетельство его большого авторитета в ФИЛА, уважения выдающихся достижений грузинской школы борьбы.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом-музей Елены Ахвледзиани на улице Киачели, 12

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

У каждого города есть душа. Мы готовы с утра до ночи бродить по таким непохожим друг на друга улочкам Риги и Питера, Праги и Иерусалима (далее каждый может продолжить список), всматриваясь в очертания домов, представляя прошлую жизнь их обитателей... Готовы повторять поэтические строки, которые, как эхо шагов, продолжают звучать в этих переулках. Часами смотрим в музеях на удивительные зимние, осенние, летние городские пейзажи, в которых навсегда остановилось время... И все для того, чтобы понять, увидеть, хоть чуть-чуть приоткрыть к неуловимому понятию – душа города. Душа Тбилиси... Как ее почувствовать человеку, не привычному к этим краскам, жившему совсем в других широтах, дышавшему иным воздухом? «Невозможно!» - скажут многие. Но, тбилисцы, подумав, назовут вполне конкретный адрес: «Улица Киачели, 12». И добавят совсем уж непонятное: «Эличка поможет!» Так по-прежнему продолжают называть народного художника Грузии, лауреата премии имени Шота Руставели, любимицу великого режиссера Котэ Марджанишвили – Елену Дмитриевну Ахвледзиани. Так называли ее и друзья из России – музыканты Святослав Рихтер и Генрих Нейгауз, Мария Гринберг и Мстислав Ростропович, художники Василий Шухаев и Борис Мессерер, поэты Белла Ахмадулина и

Евгений Евтушенко, актеры Елена Гоголева и Василий Лановой...

Вообще-то, в семье ученика Ивана Павлова и Сергея Боткина, известного телявского врача Дмитрия Ахвледзиани и его жены Елизаветы из княжеского рода Эристави надеялись, что одна из пяти детей – Леночка – станет певицей. Да и сама она признавалась: «Действительно, я люблю музыку больше, чем все другие виды искусства...» Но мольберт берет верх над клавиром. И вместе с живописью в жизнь девушки навсегда входят уникальные кварталы Тифлиса, в котором ее, 18-летнюю, впервые ждет успех художницы – на крупной выставке в 1919-м. А через три года в столице Грузии открывается Академия художеств, и Елена – в числе ее первых студентов. В классе всеми признанного мастера Гуго Габашвили она близко знакомится с русским искусством – как свидетельствуют специалисты, ее наставник «получил образование в России и следовал традициям русской реалистической живописи».

Потом дар судьбы: после первого курса она едет на учебу в Париж вместе с другими стипендиатами академии – Кето Магалашвили, Ладо Гудиашвили и Михаилом Какабадзе. Ей доводится учиться и в Италии, и в парижской Свободной художественной академии Коларосси.

▲ Елена Ахвледиаки. Середина 1920-х гг.

И именно в столице Франции, благодаря Гудиашвили, дружившему с Михаилом Ларионовым, Наталией Гончаровой и Сергеем Судейкиным, она знакомится с этими будущими классиками русского искусства. А еще вместе с тифлисскими друзьями входит в литературно-художественную группу «Через», одним из создателей которой был ее земляк Илья Зданевич – знаменитый Ильязд. Эта группа пытается объединить эмигрировавших деятелей искусства с оставшимися в СССР. Не удалось... Зато Ахвледиаки удается вызвать благосклонность французских критиков пейзажами не только Франции с Италией, но и столь дорогого ей Тифлиса. Она и их рисует в Париже.

Через пять лет – возвращение в любимый город, персональные выставки, в том числе и в Кутаиси. А там – судьбоносная встреча с реформатором грузинского и российского театра Котэ Марджанишвили. Именно на ней и звучит то ласковое имя, которым художницу называют по сей день: «Как только Котэ Марджанишвили увидел меня, он подошел и сказал: «Ваши картины доставили мне столько радости, что без всякого разрешения, - тут он обнял меня и расцеловал, - вот так будет лучше». Я, даже не успев, как следует разглядеть его, невольно сделала то же, что он: обняла его и горячо поцеловала. - «Видите, мы уже друзья. Я не буду вас величать Еленой Давидовной, а просто – Эличка... Осмотрев ваши работы, я решил пригласить вас художником в наш театр».

Так Елена Ахвледиаки, начав работать во Втором Государственном театре драмы (ныне – Театр имени Марджанишвили), пришла в сценографию и оформила свыше восьмидесяти спектаклей в Грузии, России, Украине. Оправдав слова Марджанишвили: «Ваша живопись так декоративна, каждая картина так скомпонована, Вы так чувствуете пространство и таким человеческим настроением наделяете природу и архитектуру, что обязательно должны работать в театре».

Сама же Елена Дмитриевна, говорившая, что для нее любимый учитель «вечно жив и безмерно дорог», признавалась, что всю жизнь на ее душе «лежит тяжелым грузом сожаления» отказ приехать в 1933 году на званый обед к... Анатолию Луначарскому. Нет, вовсе не потому, что ей было бы лестно предстать пред очами одного из главных большевиков, после Наркомата просвещения СССР возглавившего НИИ литературы и искусства, а значит, определявшего, каким быть творчеству в Стране Советов. К коммунистам художница относилась, мягко говоря, без пиетета. Поэт Рюрик Ивнев считал, что она «готова утопить большевиков в ложке воды». Сама она, приглашая жену одного талантливого скульптора, сказала: «Бери своего дурака и приходите ко мне». И на вопрос: «Почему дурака?» отрезала: «Партийный потому что». А после того, как началось шельмование Анны Ахматовой, писала: «Ах, это постановление. Мне так больно за Ахматову, что я и описать вам не могу... Боже! Бред какой! С ума можно сойти... Ахматову!»

А тогда, в апреле 1933-го, дело было в том, что она оформляла в московском Театре оперетты поставленную Марджанишвили «Летучую мышь» Жака Оффенбаха. И когда были готовы декорации, режиссер попросил ее съездить в Тбилиси по делам, а заодно – за тушинским сыром и любимыми папиросами. По возвращении, на вокзале, ей передают просьбу Котэ приехать прямо на званый обед к Луначарскому, но она отказывается – простудилась в дороге. А ведь это была возможность последний раз увидеться с Марджанишвили – он умер, возвращаясь именно с того обеда.

▲ К.Магалашвили, Л.Гудиашвили, Д.Канабадзе, Е.Ахвледиаки. Париж. 1925

Мир театра, в который ввел ее великий режиссер, навсегда остался для нее своим, как и мир художников или мир горячо любимой музыки. И всем обитателям этих миров, всем своим российским друзьям, она стремилась подарить самое дорогое, что у нее было – свой Тбилиси. Ей очень хотелось, чтобы все смотрели ее глазами на каждый нюанс, каждый оттенок этого города. С подругой, великой актрисой Малого театра Еленой Гоголевой даже дошло до спора. «Все равно ничего не поймешь», - объясняет Эличка, когда артистка просит показать ее картины. И Гоголева, по собственному признанию, действительно многого не поняв в ее живописи, «начала с ней спорить, доказывать, что таких ярких красок все равно и под солнцем Грузии нет, что таких деревьев в природе не существует». Завершилось все очень просто: «Эличка, полная презрения к моему невежеству, сложив все свои работы и даже не взглянув в мою сторону, заявила:

▲ После возвращения из Франции. 1927

«Надо хоть что-нибудь видеть глазами, понимаешь, глазами, душой видеть. Завтра поедем в Мцхету, в старый Тифлис, носом ткну. Сама увидишь!» - и по-грузински добавила еще что-то себе под нос. Но это было совсем не «генацвале».

И они едут в Мцхета, поднимаются на Джвари, потом долго бродят по Тбилиси. Бродят в поисках той самой души, которая жила в картинах Ахвледзиани, но не могла быть сразу увиденной человеком, никогда не жившим здесь, пусть и великой актрисой. «А вот когда мы с ней лазили, буквально лазили, взбираясь по узеньким переулочкам, закоулкам, тропкам старого города, часто выходя на балконы чьих-то домиков, наклепленных друг на друга и прямо повисающих над Курой или под скалистым обрывом, - я поняла правду полотен Ахвледзиани. Ведь почти каждый домик, прилепившийся одной своей стороной к скале, другой выходящий на этот страшный обрыв, - все эти ветхие, казалось, готовые рухнуть балконы-террасы были выкрашены в разные цвета. И на солнце точно горели всеми пятнами Элиной палитры. Я просила ее еще и еще раз показать мне свои работы. И внимательно, уже другими глазами смотрела на эти пашни в горах, на контуры деревьев. И вот странно: чем пристальнее я вглядывалась в картины Ахвледзиани, тем больше чувствовала их правду...», - признается Гоголева.

Шапочное знакомство двух Елен состоялось в Москве, во время приезда Марджанишвили, дружба же завязалась у вдовы этого режиссера в Тбилиси, когда Гоголева приезжала на отдых в Боржоми. Многие другие громкие театральные имена звучали в доме Ахвледзиани, когда знаменитые труппы давали выступления в Грузии. В 1960-м приезжает набирающий славу «Современник», и с актерами Игорем Квашой и Михаилом Козаковым приглашается на улицу Киачели, в интеллектуальный центр Тбилиси, художник Борис Мессерер. «Может быть, тогда, впервые разглядывая ее картины, я и проникся любовью к старому Тифлису - так она называла свой город, - вспоминает он. - На фоне причудливой старинной архитектуры в ее картинах непременно проглядывали де-

тали традиционного уклада жизни горожан... Любовное внимание художницы к деталям передавалось зрителю и открывало глаза на красоту повседневного быта. Теперь, бесконечно блуждая по старому Тбилиси, я видел город уже по-другому. Елена Ахвледзиани открыла мне глаза на многое, что раньше я не мог осмыслить как художественную ценность, дала толчок моему воображению». А приехавший с Вахтанговским театром Василий Лановой до сих пор рассказывает на вечерах, посвященных Эличке в Москве, о встречах с ней.

А вот - воспоминание поэта Беллы Ахмадулиной, жены Мессерера. Так сказать, чисто бытовое: «Эличку Ахвледзиани в Грузии просто боготворили, святой считали... Она нас однажды пригласила, всю эту компанию - братьев Чиладзе, Резо Амашукели, - к себе в гости утром, ну, мы по дороге зашли в хашную. А хаши ведь пахнет чесноком. Пришли после хашной к Эличке, стали как-то сторониться, рот прикрывать. Она - такая красивая, хорошая такая, великодушная, грациозная, немолодая, но прекрасная - нам сказала: «Что же вы так стесняетесь? Думаете, я не понимаю, что вы были в хашной? Но тут ничего плохого нет...» Разоблачила нас, но нами не погнушалась».

О представляющей мир музыки семье великого Святослава Рихтера - особый разговор. Ахвледзиани очень дружила и с самим пианистом, и его женой, певицей Ниной Дорлиак, эвакуировавшейся в Грузию во время

▲ На выставке у Святослава Рихтера

войны. При первой же возможности Святослав Теофилович стремился в Тбилиси, все свободное время проводил у Елены Дмитриевны. Часто он брал фотоаппарат и вместе с художницей отправлялся на тбилисские улочки. А его выступление в 1971-м, в только что построенном новом концертном здании филармонии, заканчивается обещанием Элички организовать выставку своих картин в... квартире Рихтера на Большой Бронной. Сказано - сделано. Но до начала этой необычной экспозиции приходится напереживать: картины доставляются не на ту московскую товарную станцию, где их ждут. Слово - самой Елене Дмитриевне:

«Приезжаем на станцию. Около какого-то окошка кошмарная очередь. Слава становится в ее конце. Мы с Ниной переглянулись и прошли дальше. Кругом грязь, слякоть, лужи. Минут через 15, наконец, попадаем к какому-то начальнику. После того как, наконец, он понимает, что мы пришли за картинами, которые к нему попали по ошибке, и что в очереди, на холоде стоит известный на весь мир Святослав Рихтер, он объявляет в микро-

▲ Мария Гринберг

фон: «Всемирно известному скрипачу Рихтеру подойти к начальнику перевозок, для представления документов на получение картин». Слава, конечно, сразу не пришел, его привела Нина. Он, наверное, думал, что ему придется выстоять всю эту очередь, поэтому он и не обратил внимания на это объявление».

Полотна в доме Рихтера развешивают до поздней ночи – их автора никак не устраивает общая композиция. А когда все улаживается, и выставка проходит на ура, Эличка напоминает хозяину дома уже о его обещании – показать у нее в Тбилиси... свои картины. Она была первой, кому великий музыкант показал свои художественные работы, и сумела настоять, чтобы их выставили именно у нее. Так, благодаря Елене Дмитриевне, Тбилиси открывает миру Рихтера-художника.

А ведь эта пара радовала публику не только такими серьезными делами, как вернисажи. Неумолимый на выдумки Святослав Теофилович любил ставить... шарады. Да-да, именно ставить – создавать мини-спектакли, в которых зашифровано какое-то слово. И вот, в один из приездов Ахвледиани в Москву, она появляется перед гостями Рихтера в самодельном костюме улана. «Потом происходило мимолетное свидание, во время которого кавалер и барышня лишь восклицали: «О!», - вспоминает известный театральный критик Борис Поюровский. – Далее изображался восточный рынок, где эмоциональные покупатели выражали свое отношение к товару возгласом: «Ва!» Затем звучала музыка Прокофьева из балета «Ромео и Джульетта», и Рихтер с партнершей исполняли танцевальный дуэт главных героев. В результате все собравшиеся отгадывали ключевое слово: Уланова».

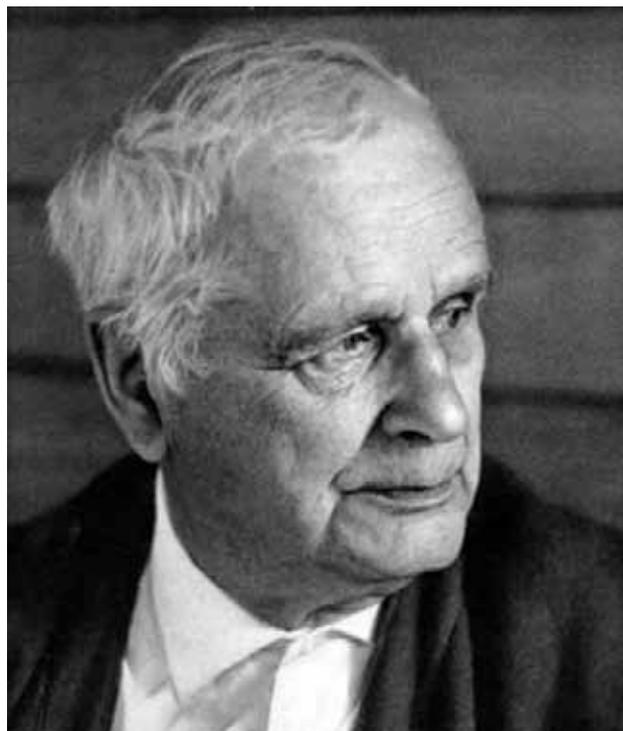
Рояль Stenway, и сегодня стоящий в доме-музее Елены Ахвледиани, помнит еще двух замечательных российских музыкантов. На нем часто играл Генрих Нейгауз, которого старшие поколения тбилисцев знали еще как профессора Музыкального училища в 1916-1918 годах. В конце 1940-х он подолгу бывает в Грузии. «Сегодня Генрих улетел, и стало очень пусто. Много играл здесь, в консерватории... на закрытых концертах», - сообщает Эличка в феврале 1948 года. Пишется это московской пианистке Марии Гринберг, которая в предпоследнем году войны так гастролировала в Тбилиси, что сразу стала любимицей публики и, конечно, Ахвледиани. Потом

она часто приезжала в Грузию, постоянно была окружена вниманием Элички и ее друзей, играла не только на официальных площадках, но и в доме на Киачели. А Елена Дмитриевна организовывала ее концерты на самых разных уровнях, и была с ней настолько откровенна, что даже «поднимала руку на святое». Во что она пишет Гринберг:

«Я вообще слышать не могу это больше – раздражает предельно это высказывание, будто все должны играть так, как Слава... Муся сама по себе большой художник, чудесный, тонкий, Слава – сам по себе, каждый со своими чертами, и нечего ерунду нести. Теперь мода на Славу, и все спятили с ума, конечно, я не хочу уменьшить достоинств Славы, он превосходный пианист, но не надо забывать, что и Гринберг не хуже, а в некоторых вещах и лучше, так, например, я очень не люблю Славиного Шопена, извините, не доходит». Слава (Рихтер) на это не обижался, Муся (Гринберг) от этого не зазнавалась. Не в пример нынешним «звездам» гораздо меньших масштабов. Ну, а познакомились «Слава и Муся», конечно же, на Киачели, 12, еще в 1944-м. А когда у Нины Дорлиак умерла мать, Ахвледиани и Гринберг, чтобы утешить ее, устроили ей на именины в двух комнатках на Арбате то, что сейчас назвали бы перфомансом: «...Буквально перевернули все в доме вверх ногами. Весь потолок залепили серебряными звездами. Даже на лестнице и то умудрились что-то приколотить... Но это было прекрасно».

Если Нейгауз появился у Элички лет через шесть-семь после своего краткосрочного ареста, то двух талантливых людей из театрально-художнической среды она повстречала сразу после их освобождения из лагерей. И, как говорится, приняла самое деятельное участие в их судьбах. В 1947-м в Тбилиси приезжают художник Василий Шухаев и его жена, отбывшие десять лет «за шпионаж». Приезжают по совету другого бывшего ээка, режиссера Тбилисского ТЮЗА Моисея Вахнянского, спектакль которого Шухаев оформлял на Магадане. Приютив у себя семейную пару, Вахнянский звонит Ахвледиани, и та берет художника с женой под свое покровительство, начи-

▼ Василий Шухаев

нает хлопоты. Шухаев преподает в Академии художеств, работает в Марджанишвилиевском театре, но через год его с женой снова арестовывают. И Эличка идет прямо к министру госбезопасности Грузии Николаю Рухадзе. Легенда гласит (а в Тбилиси легенду подчас не отличить от факта), что она заявила бериевскому ставленнику: «Подай мне этих пожилых людей. Они не перенесут еще одного заключения. А Шухаев, кстати, очень хороший художник». Как было на самом деле, неизвестно – свидетелей разговора нет, а Эличка не тот человек, чтоб хвастаться. Но, как бы то ни было, Шухаева отпускают, и он еще двадцать пять лет, до самой смерти, преспокойно работает, даже получает звание заслуженного деятеля искусств Грузии и награждается орденом «Знак Почета».

А через пять лет в Тбилиси появляется еще один освободившийся «враг народа» - режиссер Леонид Варпаховский, до ареста сотрудничавший с Кукрыниксами и Всеволодом Мейерхольдом, а после ареста работавший на Магадане вместе с Шухаевым и Вахнянским. И его Эличка берет под опеку, помогает адаптироваться в новой среде. И Варпаховский ставит блестящие спектакли в Тбилисском театре имени А.С. Грибоедова, а чеховская «Чайка» вообще определяет его судьбу. Через три года он уезжает в Москву, его постановки гремят в Малом театре и МХАТе, театрах имени Моссовета, Е.Б. Вахтангова, К.С. Станиславского, М.Н. Ермоловой. А Елену Ахвледиади, поддержавшую его в труднейшую пору жизни, он привлекает к оформлению в Киевском театре имени Леси Украинки спектакля «Деревья умирают стоя». Согласитесь, звучит символически для таких людей, как Эличка и ее окружение...

Если продолжить это сравнение, то вспомним: под семью деревьями, создающих особый, живительный микроклимат, обязательно появятся молодые побеги, которые тоже украсят общий пейзаж. У Элички не было ни сына, ни дочери, но она обожала детей. Кормила и одевала их на свои гонорары в трудные дни, учила рисовать и организовывала выставки их рисунков. А еще приобщила их к столь любимому ею театру – ставила с ними спектакли, причем, только классику. И вот, сын соседа-художника Роберта Стуруа, десятилетний Робик играет у нее в «Ревизоре» Горюхины. Кем стал Роберт Робертович напоминать, наверное, излишне. А уж о тех, кто постарше, о молодых художниках и говорить нечего. Елена Дмитриевна не просто учила их живописи, а

▲ Елена Ахвледиади в мастерской. 1970-е гг.

покровительствовала им во всем. Слово – первой дагестанской женщине-златокузнецу, уроженке знаменитого горного поселка Кубачи, заслуженному художнику России, народному художнику Грузии и Дагестана Манаве Магомедовой. Она много лет прожила в Тбилиси, а потом в Махачкале. Эличка буквально приказала ей прийти на улицу Киачели, когда они познакомились в 1958-м, в Москве, на Декаде искусства и литературы Грузии:

«Я восхищалась кистью Елены Ахвледиади, училась у нее краскам. Я мечтала попасть к ней в мастерскую, но очень стеснялась. У нее была целая группа художников, человек сорок, живописцы, они выезжали на пленэр, писали уходящую натуру – старые уголки города. Я одна из них была не живописец, а прикладник. Мы приходили, показывали работы, общались. Дом Елены Ахвледиади был открыт для высокого искусства. Я помню, как Святослав Рихтер устроил там выставку своих живописных работ и одновременно играл на рояле. Какой волнующий был момент... Белла Ахмадулина читала стихи о Грузии, Евгений Евтушенко выставлял свои картины, читал стихи. Это тоже была школа».

Да, вся жизнь Елены Дмитриевны была школой для окружающих. Школой верности искусству и высокой морали, умения дружить и бескорыстия. А еще – школой любви к Старому Тбилиси, многие из домов которого остались лишь на ее картинах... Уже после смерти Ахвледиади выдающийся дирижер Одиссей Димитриади приглашает Марию Гринберг еще раз приехать на берега Куры. Обоснование отказа звучит весьма показательно: «Без Элички я не мыслю себя в Тбилиси!»

Сегодня город, который Ахвледиади воспевала и дарила своим российским друзьям, во многом теряет гармонию и удивительные пропорции, которые она так точно чувствовала. И в искусстве, и в жизни. Пропорции гор, переулков, домиков, балконов, лестниц, людского бытия... Сколько исчезает из того, в чем живет душа Тбилиси! И душа эта прячется, теряется, словно суть спектакля, если в нем резко изменить декорации. Кому, как не Ахвледиади – тончайшему театральному художнику, было чувствовать это?

Владимир ГОЛОВИН

НА ПРАЗДНИКЕ МЪХЕТОБА - 2014
ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

▲ Калибан (Зураб Абесадзе), Стефано (Темур Киннавелидзе) и Тринкуло (Бадри Табатадзе)

О ШЕКСПИРЕ, ПРОВИНЦИИ И ПРАБАБУШКИНОМ ГОБЕЛЕНЕ

Ну, кто ж откажется от возможности побыть в блестящей компании Того, кто казался человеком, а был небожителем? И вот уже щекочет ноздри аромат его театрального пира. Еще готовятся. Накрывают, пока не приглашают. Но скоро, скоро... В чашах его пьес напиток, выдержанный в веках. Пригубить, уплыть на время в вечность и вернуться. Но помнить, что каждому прибывает срок, и все окажемся перед пучиной страстей, что нажили мы здесь... Вот Его рука достает перо, оно дрожит слегка от нетерпения, и выводит строки: «Мы созданы из вещества того же, Что наши сны. И сном окружена Вся наша маленькая жизнь» (Вильям Шекспир «Буря»).

Провинциальный театр в этом городке кажется достопримечательностью, и только. Здесь, в патриархальном месте, жители играют пьесе своей жизни, без сомнений, что это всего лишь игра, и все могло случиться иначе. Так, почему же он, молодой режиссер из столицы Георгий Апхазава, спешит в этот уездный город? Наш герой харизматичен, красив. Его непременно пригласили бы позировать Леонардо да Винчи и Рафаэль. В эпоху Возрождения ценили красоту. Он едет из Тбилиси в Зестафони, еще не зная труппу, волнуясь за выбор пьесы. Едет в городок, похожий, скорее, на поселок, через который проезжают транзитом, не интересуясь, не замечая. Скорей бы проехать. Кого-то еще сегодня волнует местный театр? Как памятник прошлым доблестям? А есть там жизнь, в этом странном театре? Он еще не закрыт? А кто

ходит? А зритель водится? Кому это надо вообще?

Шесть лет наш герой говорит с друзьями об этой пьесе. «Буря» - она то и дело всплывает в беседах, снах, обидах, бессонных непрощениях и отпущениях. Жизнь движется, как кажется, по прямой. И вот делает виток: наговорили небесам за шесть лет, надышали «Бурей». Небеса же не железные. Раздается звонок от старой знакомой по институту, а сегодня – худрука драмтеатра в Зестафони Нино Липартиани: «Как дела? Есть предложение: может, поставишь, что твоя душа желает? Ставь в моем театре, что захочешь. Я тебя жду». И вот выбраны актеры по фейсбуку. Картины, что будоражили воображение нашего героя, стремительно материализуются. Труппа, как будто, ждала эту пьесу. Все актеры в ролях на своем месте, играют с жадностью и рвением. Так мечтается нашему герою по дороге в Зестафони. Как на самом деле все сложится?

Древнейшая крепость Шорапани остается позади, и вот он, Зестафони. На круглой клумбе с одинокой пальмой мирно соседствуют куры, козы и коровы. Наш герой заходит в здание театра, проживающего уже второй век – ну точно, как пожилой местный «батони», замер на улице, то ли дремлет, то ли Богу душу верил. «...Я бы хотела жить с Вами В маленьком городе, Где вечные сумерки И вечные колокола» (Марина Цветаева).

Колокола здесь громко звучат. Признаюсь, неравнодушна к маленьким городкам. Наедине со своей душой, совестью и ближе к мирозданию. И не спрячешься, не прикроешься ничем – перед небесами, такой, как есть. В провинции все размерено и важно. Человек виден крупно. Не вещи, а он сам – его несовершенный и мучительный путь. В столице нужно проделать тысячи мелких движений, а здесь, в провинции умиротворенная природа на расстоянии вытянутой руки, горы делают вздох раз в сто лет.

Провинция – это мир Чехова, Вампилова, Розова. Это нетленные фильмы – «Полеты во сне и наяву» Романа Балаяна, «Успех» Константина Худякова, «Город Зеро»

Карена Шахназарова. В «Полетах» душа героя Олега Янковского проснулась и не знает, что ей делать, когда все спят наяву и говорят на другом языке. Язык вроде тот же – только чужой. И никто не объяснит, как жить. Проснулся, а внутри дыра размером с мироздание. Не заполняется ничем, не получается. Где этот материал, чтоб заполнить, утолил, успокоил, радость вернул? Как мы живем? Как тело? Как душа? У меня есть душа. Нет, мы все напутали. Я – душа, у которой есть тело напрокат. Шекспир – память рода души общечеловеческой, хранилище знаний о каждом из нас. Щемлящая мелодия прорывается в будни, зовет. Она знает, что нужно душе, что есть ее живительные соки, все витамины и микроэлементы.

И вот первые репетиции. Наш герой облегченно вздыхает – актеры чувствуют роли, слышат мелодию поэзии Шекспира, им нравится пьеса, они гордятся – Шекспир в театре! Беседы, мизансцены, узнавание друг друга. День за днем в скрипучем старом театре наш режиссер, как и герой Филатова в фильме «Успех», встречает актеров «с глазами» - и в них «твоя душа напротив». Еще вчера ты не знал этих людей, а сегодня они плотной строчкой проходят через судьбу. Не верится, что так быстро прошло время, и надо возвращаться в Тбилиси. Там нашего героя ожидает театр, новорожденный, маленький. «Пространство» нашло свой адрес в уютном подвальчике на тихой улице старого Тбилиси. Здесь самые послушные актеры в мире – это куклы. Они рождаются в руках художника, режиссера Нино Кития. Время летит в столице быстро. Необходимо ехать в Зестафони. Там готовятся, ждут. Все всерьез. Нет пути назад, надо претворять реальность в мечты.

«Буря» была представлена Шекспиром как музыкальная трагикомедия. Ревет океан, поют духи свои ма-

ной умом, чистотой сердца и красотой, прозябать на диком острове на краю света?

Вот и генеральная репетиция. Позади остались черновики, гоטהи. Актеры облачены в костюмы, выставлен свет, готова музыка – все намерения сложились в цельный спектакль. Здесь особый мир. Четвертое измерение счастья и свободы. Что там за реальность, за пределами театра? А зачем им это, актерам, влюбленным в театр, когда у каждого из них весь мир в кармане? У творческих людей свое четвертое измерение, личный час бессмертия, остров, где ты сам себе господин. Поэтому они любят свой старый провинциальный театр.

Провинция зачастую проявляет скверный характер, как ревнивая прабабушка грузинка, которая нигде не была дальше местного рынка и родственников в соседнем селе. Она ворчлива, недовольна всем и всегда, скажет, что знает о жизни все, и куда ты не поедешь, пропадешь за копейку, не отпустит. Город Зеро, магическая провинция, она творит заклятья. Хотя ты не был в этом городе никогда, но тебе расскажут историю твоей жизни здесь, и ты поверишь, что это возможно. Такая сила в маленьких городках, омуты просто, колдовство чистое... Если вырвался, уехал, то понадобится вернуться сюда, подзарядиться, наполнить свой внутренний кувшин тем, что ты любил. Оно в ответ теперь любит и помнит тебя. Прабабушкин гобелен над кроватью излучает любовь, как печка. Сколько раз засыпал в тесной комнатке, где умещалось все огромное детство, глядя на узоры ручного коврика... Старый треснувший кувшин, что помнит десятки урожаев винограда, врос в землю возле забора. Что делать с этим кувшином? Жалко выбросить, немного не по себе – картина мира поменяется. Пусть лежит. Недавно я познакомилась с человеком из Душети

▲ Алонзо (Вахтанг Квиникадзе)

▲ Миранда (Нана Исиани) и Фердинанд (Кока Чанкотадзе)

▲ Просперо (Георгий Гловели)

гические песни. Мир полон высшей логики, во всем есть Бог и судьба. Что может простой человек на этом свете без помощи и защиты небес? Он мгновенно уязвим, безоговорочно смертен и тоскливо одинок. Просперо (Георгий Гловели) выкинут родным братом, Антонио (Темур Квелиашвили) скинут с престола в мир, имя которому «ПОСЕРЕДИНЕ НИЧЕГО». Актер ведет свою роль так, что видится мне не столько волшебником Просперо, сколько несчастным Королем Лиром. Еще вчера король распоряжался судьбами людей, но свершился трагический поворот, он свергнут и выкинут родственниками в никуда. Дочь Просперо, Миранда (Нана Тсхвирашвили, Нана Исиани), не знает другой жизни. Она попала на остров маленькой девочкой, счастлива рядом с отцом. Но Просперо понимает, что жизнь его ребенка погублена. Что за жестокая участь для девушки, щедро одарен-

Бадри Сирадзе, архитектором, писателем, бизнесменом. Бадри собирает старые гобелены, ковры, сумки. Мастерицы переносят древние узоры на новые изделия. Прядут из шерсти, ткут, вышивают, как в старину. Используют только натуральные, минеральные краски, соль из Сванетии.

Когда проходишь посвящение в творчество, Учитель вкладывает в тебя подлинные минеральные краски, соль, узоры. Высокая планка на всю жизнь, камертон, внутренний цензор. И у каждого свой Учитель, свой Мастер. Вспомнила своих Учителей, поблагодарила их мысленно, вздохнула по юности. У нашего героя, режиссера «Бури» Георгия Апахзава, свой Мастер. Он познакомился с ним с трехлетнем возрасте, в двенадцать играл в актерской студии, в четырнадцать – в ТЮЗе им. Нодара Думбадзе. Поступил на режиссерский факультет к своему Учителю

▲ Режиссер Георгий Апхазова

Гие Кития, профессору Тбилисского государственного университета театра и кино им. Шота Руставели. И по сей день Георгий рядом со своим Учителем, преподает на курсе, где Гия Кития является руководителем. Вот кто самый строгий зритель для нашего героя, в присутствии Мастера он чувствует себя все тем же юным студентом.

Премьера назначена. Скоро все состоится. Как всегда, не хватает одного дня. Кажется, еще бы сутки... А зал на премьере был полный. Зестафонские актеры блистали бы в придворном театре, не хуже той труппы, что в мае 1613 года исполняла «Бурю» при дворе во время бракосочетания дочери Иакова I принцессы Елизаветы и фальцграфа Фридриха.

Просперо и Антонио – убедительны в своем драматизме и силе. Это два льва на одной территории.

Алонзо (Вахтанг Квиникадзе) король Неаполитанский, высокий, аристократичный, стройный, актер старой школы, сдержанный и суровый в роли. Одно удовольствие наблюдать за героем Вахтанга, за отточенным исполнением роли Алонзо. Фердинанд (Кока Чанкотадзе) в исполнении актера милый, романтический принц. Колоритна парочка придворных пьяниц – шут Тринкуло (Бадри Табатадзе) и дворецкий (Темур Кикнавелидзе). Их персонажи кажутся милыми простачками. Но как легко соглашаются они убить Просперо и завладеть его дочерью и островом! Простота, хуже воровства. Калибан (Зураб Абесадзе) вовсе не экзотичный туземец. Внешне этот сын ведьмы и дьявола ничем не отличается от неаполитанцев. В этой трактовке дикарь Калибан – визуально нормален, даже красив. Но изнутри – это варвар, первобытный, агрессивно непоколебимый в своей правоте, как и всякое невежество. Калибан – прямолинейный, глупый, неблагодарный, но он менее опасен, чем брат Просперо, просвещенный злодей Антонио, незаконно захвативший власть в Неаполе. Его сердце не дрогнуло, отправляя на гибель родного брата с маленькой дочкой.

Ариэль, дух воздуха, на этот раз в «Буре», исполняет не парень, а десятилетняя девочка (Гванца Григолашвили). Юная актриса легко держит зал, на всем протяжении спектакля Ариэль на сцене. Никакого снисхождения к себе, выполняет все задумки режиссера на «отлично». Как сложится ее судьба, как споят ей духи удачи? Вот бы, оторвать кусочек волшебного плаща Просперо для этой маленькой, трогательной в своей строгости, актрисы. И дать этой девочке, что так быстро взрослеет, счастья, какого она сама захочет. И пусть ее выбор не станет горьким уроком, а дух удачи из «Бури» споет ей песню – оберег на всю жизнь.

Актеры с упорством играют не легкую придворную пьесу, а то из Шекспира, что мы любим и знаем, чем дорожим. Шекспир тут самый настоящий, страсти нешуточные в изначально непрехотливой истории. А как звучит Шекспир на грузинском? Иверский язык по древней мелодике, страстности, пафосу известен в мире, как идеальный для представления Шекспира. Слышали, как выясняют отношения двое мужчин, столкнувшись свои машины на трассе? Жесты, экспрессия, темперамент. Там, где это вызревало веками, в древних суровых лесах и скалах Англии, здесь, под солнцем Иверии, в избытке. По накалу страстей, по драматизму – театр мгновенный, театр жизни. Если углубляться в историю, проследить корни Иверии – Иберии – Испании и древней Англии, удивисься родству ветхого этноса, сходству названия рек, гор, озер, мастерству изготовления оружия, традиции производства предметов из меди, железа и стали.

Пьеса подходит к финалу. Просперо не только волшебник, но и просто человек. Соскучился по общению, растаял, размяк, и всех простил.

И театр уже не выглядит пожилым, погруженным в себя, без интереса доживающим свой век. Вот он прищурил озорной глаз – Шекспир? А, пожалуйста! И город наполнился значением. Кто это заметил, тому и счастье. И луна над театром, в живописно подсвеченных тучах, кажется продолжением декораций. И лица людей, что выходят после спектакля: все выглядит по-другому, чем два часа назад. И ради этого снова спешит через перевал из Тбилиси в Зестафони наш герой, где ждет его труппа, и сам театр, и Тот, чья рука брала перо, и под мерцающий свет огромных свечей, выводила вечные строки. Сильнее стучит в сердце рев океана, шум волн, ветра. Больше грядущего забвения в песочных часах нашей судьбы. Живите каждый день на полную, проживайте день по донышко – не вернется ничего, не повернуть вспять. Спектакль окончен. Город заснет, и забудет уже утром, что тут было. Останется афиша на фасаде театра, и она скоро исчезнет. Да зачем это все? На пару дней? Кому это нужно? Кто оценит, оторвется от своих кровных дел, захочет побеседовать, обсудить спектакль? Шекспир думал за нас пять веков назад, чтобы поддержать человека в человеке. Как знал, что будет еще сложнее с этим простым вопросом.

Немного грустно, сказка окончена. Эх, Просперо, ты поспешил отказаться от своего магического плаща.

Отрекся я от волшебства.

Как все земные существа,

Своим я предоставлен силам.

На этом острове унылом.

(Просперо «Буря»)

Постой, Просперо, не уходи. В финале явно спрячено продолжение. Вопрос остался открытым. Как можно отказаться от свободы, от четвертого измерения, когда в нем чувствуешь себя, как дома? Слово у музыканта отобрали слух. У художника зрение. Можно от тоски заболеть, себя возненавидеть. И врагов не надо, сам все устроил...

Признаюсь, не полюбила я главного героя, не было в этом персонаже из пьесы симфоничного, драматичного человека. Зато актера (Георгий Гловели) в спектакле забыть сложно: он добавил недостающее: глубокую драму преданного и униженного человека. И захотелось мне пересмотреть любимые фильмы по Шекспиру, перечитать обожаемые строки в пьесах, заглянуть в сонеты.

Шекспир прощается «Бурей» с театром, прощается со своим четвертым измерением. Он не устроил вселенской трагедии. Короткое действие без драматических лабиринтов, без кровавых конфликтов.

Благодарю за приглашение на театральный пир Того, чья рука брала перо и выводила колдовские строки: « Мы созданы из того же вещества, что и наши сны».

Ольга ЯНАЕВА

▲ Семья Орбели

ФЕНОМЕН БРАТЬЕВ ОРБЕЛИ

Свой 50-летний юбилей, по приглашению армянских коллег, я встречал в Доме писателей в Цахкадзоре, известном курорте, особенно облюбованном спортсменами – для сборов и художниками – для подзарядки творческой энергией. Через дорогу от Дома писателей – уютное здание Дома-музея братьев Орбели, моих земляков, гордости армянской и мировой науки. Разумеется, без знакомства с основателем и хранителем, старшим научным сотрудником этого культурно-просветительского очага Герасимом Мкртчяном и его супругой, директором Дома-музея братьев Орбели Мариной Буниатян, обойтись не могло. Тепло принятый, я с интересом осмотрел богатую экспозицию, размещенную в нескольких залах бывшего здания школы, переданного правительством под обустройство музея.

С интересом читал я письма выдающихся ученых, в которых явственно звучат нотки ностальгии по Грузии, ведь эти светила армянской науки были обладателями бессмертного и уникального тифлисского духа. А средний из братьев, Леон Орбели, был еще и знаменитым

тамадой; лишенным всяческого высокомерия и простым в обращении горожанином, несмотря на все мирового значения регалии. Как и полагается истинному тифлиссцу.

В 1980 г. Марина Буниатян и Герасим Мкртчян возглавили Дом-музей братьев Орбели.

А в 2013 г., в кабинете креативных супругов, за чашкой кофе с армянскими сладостями, родилась идея устроить в ближайший приезд Герасима и Марины вечер памяти братьев Орбели, с участием тбилисской просвещенной общественности. И этот вечер состоялся спустя год, когда наши друзья приехали из Цахкадзора для работы в тбилисских архивах. Местом проведения вечера был выбран зал имени Галуста Гюльбенкяна культурно-просветительского и молодежного центра «Айартун» Епархии Армянской апостольской церкви.

Встреча была посвящена жизни и деятельности знаменитых ученых – Рубена, Леона и Иосифа, сыновей Абгара Орбели и Варвары Аргутинской-Долгорукой, проживавших в старинном тбилисском «убане» – Сололаки, а впоследствии поселившихся в Санкт-Петербурге.

Братья Орбели начальное образование получили в Тбилиси, окончив местную 3-ю гимназию, и называли себя подлинными тбилисцами. Десятилетиями работали над созданием и пополнением коллекции Дома-музея, Марина Буниатян и Герасим Мкртчян сочли своим долгом изучить тбилисский период биографии братьев Орбели: одного из крупнейших физиологов XX века – Леона, основоположника подводной археологии – Рубена, и выдающегося востоковеда, археолога и специалиста по историческому источниковедению – Иосифа.

Супруги Буниатян-Мкртчян в течение 35 лет по крупицам собрали более 300 тысяч единиц хранения, ил-

▲ Дом-музей братьев Орбели

люстрирующих жизнь и деятельность братьев Орбели, шаг за шагом исследовали и фиксировали рукописи научных работ, письма, воспоминания. Благодаря их подвижническому труду сегодня Дом-музей братьев Орбели в Цахкадзоре – не только мемориал, но и научное учреждение с разнообразными исследовательскими отделами.

Об истории создания музея, человеческих и творческих качествах братьев Орбели Марина Буниятян и Герасим Мкртчян говорили интересно и подробно. Мы же объединим их рассказы, тем более, что жизнь и деятельность Марины и Герасима тоже сливаются в единое целое вот уже скоро четыре десятилетия. Итак, вот что поведали супруги собравшимся в тот вечер в «Айартуне»:

Дед братьев – Овсеп Орбели, окончив московскую Лазаревскую семинарию, стал священнослужителем и автором ряда книг. Всем троим своим отпрыскам он дал фундаментальное образование: старший сын Абгар, отец выдающихся ученых, был юристом, двое младших – известными врачами. Абгар был разносторонне образованной личностью, глубоким знатоком армянской истории, обладателем богатейшей библиотеки. Авторитет его в семье был непререкаем. Несмотря на скромные материальные возможности, он дал своим сыновьям прекрасное образование. Супруга Абгара, Варвара, в девичестве Аргутян-Долгорукая, владела четырьмя языками. Она внимательно следила за воспитанием и учебой сыновей. «Три раза окончила мужскую гимназию», - любила пошутить почтенная мать семейства. И хотя отношения «внутри дома» между двумя яркими индивидуальностями – Абгаром и Варварой – складывались подчас не совсем гладко, в одном вопросе они были неизменно единодушны: сыновья Рубен, Леон и Иосиф должны стать учеными.

В середине 1960-х годов выдающийся деятель науки Варфоломей Фанарджян обратился к руководству республики с предложением основать в Цахкадзоре музей, посвященный братьям Орбели.

Почему именно в Цахкадзоре? Дело в том, что их отец, Абгар Орбели, будучи чиновником Эриванской губернии, приезжал на лето отдыхать в Цахкадзор.

Решением Совета Министров Армянской ССР от 1972 года здание цахкадзорской средней школы было передано под Дом-музей Орбели. И мы начали работать сразу на три фронта: сбор материалов и экспона-

тов, ремонт здания и организация экспозиции.

Сначала, что и говорить, приходилось преодолевать массу трудностей, поскольку опыта у нас не было. К счастью, нам посчастливилось познакомиться со многими неравнодушными людьми – учеными, и должностными лицами, которые всячески помогали нам. Но самым главным нашим помощником был директор Эрмитажа Борис Пиотровский. При нашей первой встрече он сказал: «Вы должны любить свою работу, и, если музей станет вашим домом, у вас все получится. Поступив однажды в музей, увольняются или уходят на пенсию лишь в редких случаях». Этот наказ мы запомнили навсегда. Пиотровский лично составил список всех родственников и учеников братьев Орбели, подготовил план экспозиции зала Иосифа Орбели, выделил сотрудников-помощников, лично решал все вопросы с отправкой семейной мебели в Армению.

Пиотровский восхищался талантом и трудолюбием

Рубена Орбели, «архитектора старой школы, который не позволял себе появляться на раскопках неопрятным и гладил брюки перед началом каждого рабочего дня».

Мы начинали практически с нуля. Чтобы добыть тот или иной экспонат, приходилось вкладывать массу усилий, уговаривать людей предоставить нам имеющиеся у них материалы. Это был очень трудный процесс, поскольку для многих эти документы или вещи были дорогой реликвией, им тяжело было с ними расставаться, доходило и до грубостей.

Но остались и другие, светлые воспоминания. Однажды мы перевозили мебель братьев Орбели из Ленинграда в Армению. Водитель грузовой машины нарушил правила дорожного движения. Нас остановил милиционер: «Что везете и куда?» Выслушав нас спросил: «Это какой Орбели, который Эрмитаж спас?» После нашего утвердительного ответа, сказал: «Езжай, дорогой, езжай, у тебя зеленый свет».

Иосиф Орбели действительно спас Эрмитаж в бытность его директором. Он подготовил к эвакуации эшелоны с коллекцией богатейшего в мире музея и... плакал, когда эти эшелоны уходили на Урал. Он не спустился в убежище, когда Эрмитаж бомбили, оставаясь с экспонатами, ведь бросить их для него значило то же, что бросить детей.

Когда пошли разговоры о продаже части коллекции ввиду экономических трудностей молодого советского государства, он лично вынес под пальто картину

Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», а когда комиссары ушли, вернул ее обратно (не этот ли случай положили в основу сценария создатели фильма «Старик-разбойник»?).

Тогда же Иосиф Орбели написал письмо Сталину, которое, по-видимому, возымело действие, потому что Эрмитаж оставили в покое.

С течением времени мы завоевали доверие, лед подтаял, и наш музей год от года стал пополняться новыми экспонатами.

7 июля 1982 г. в 100-летнюю годовщину со дня рождения академика Л.Орбели, был открыт дом-музей братьев Орбели.

В фондах музея хранятся около 1900 экспонатов: книги, рукописи, документы, фотографии, личные вещи.

На стендах в хронологическом порядке освещается жизненный путь, научная и общественная деятельность братьев Орбели.

В трех мемориальных комнатах музея выставлена мебель рабочих кабинетов, а также личные вещи и предметы обихода братьев Орбели. Неотделимой частью коллекции является богатая библиотека, в которой имеются издания на армянском языке, а также на иностранных языках: русском, немецком, итальянском, французском. Многие из них содержат рукописные пометки братьев Орбели и являются библиографическими раритетами.

Особая часть экспозиции – коллекция графических работ и живописных полотен. Богатый фотоматериал дает яркое представление не только о самих братьях и их окружении, но и о их современниках, коллегах, единомышленниках. Многочисленные документы свидетельствуют об их организационной и научной деятельности.

Экспозиция музея проливает свет на историю жизни древней и знаменитой династии Орбели, рассказывает о роли семьи в воспитании и формировании знаменитых ученых.

Это очень ярко выражено в семейной переписке Орбели, которую подарила музею Русудан, дочь Рубена Орбели. Советы отца – жить в умеренности, здраво расходовать средства и, в то же время, не жалеть денег на книги, на посещения театра и на покупку приличной одежды, - не устарели и сегодня. «...Каждый твой шаг должен быть продиктован долгом – как перед собой, так и своими близкими, окружающим тебя обществом и товарищами», - писал сыну Рубен Абгарович.

В письмах родителей своим сыновьям обсуждаются самые разные вопросы – образования, отношения к карьере, деньгам: «Несчастен и жалок человек не знающий меры и границы деньгам», - писал Абгар Орбели сыну.

Братья Орбели были не только большими учеными, но и великодушными, добрыми, мужественными людьми. Не перечислить всех тех, кому они облегчили существование.

О вышеописанном свидетельствуют многочисленные материалы: письма, документы, воспоминания учеников, в частности, ученицы Леона Орбели Нины Галицкой:

«Леон Абгарович Орбели жил интересами науки и любовью к ближнему.

В этом человеке непостижимо сочетались величие и простота, самозабвенная, поглощающая бездну времени, работа и любовь к музыке, танцам. Он не прочь был провести время в компании с молодежью. У Леона Абгаровича был прекрасный слух и он мог, например,

полностью напеть оперу «Кармен», причем без инструмента, и мы все ему вторили, говоря с ним о чем угодно, мы всегда ощущали его величие, его особенность и были полны к нему уважения; никто, никогда не смел даже подумать быть с ним непочтительным.

Он бесстрашно шел хлопотать за несправедливо наказанных в сталинское время своих сотрудников. Все боялись это делать, стараясь держаться подальше от попавших в беду. А он хлопотал, доказывал, что знал человека всю жизнь, ручался за него головой, и даже больше того, мог поехать навестить высланного.

В живых, ярких, остроумных его рассказах мы проходили школу жизни, и работа с ним была для нас в радость. Не хотелось уходить домой. Мы, аспиранты института им. Лесгафта, получали стипендию всего по 25 рублей, а Леон Абгарович получал 300 рублей, причем никого их не брал, а отдавал на нужды лаборатории.

Его дом до двенадцати ночи был открыт для всех, и все шли к нему: кто за научными советами, кто со своим горем, кто с радостью, за благословением на свадьбу и пр. Помню, пришел один студент и сказал, что администратор не разрешает ему ехать хоронить мать. Леон Абгарович вскипел и сказал: «А у него-то есть мать, или он рожден чертом? Не пустить хоронить мать! Поезжайте, мой друг, и вот вам деньги на похороны». Когда тот запротестовал, он сказал: «Потом отдадите, ведь у меня денег много, не обязательно отдавать, поверьте мне, я не погибну без этой мизерной суммы, а вам нужны деньги на похороны матери. Похороны, кроме горя, связаны с издержками...»

28 июня 1944 года во время ночевки в витебских болотах подразделение, в котором служил младший лейтенант медслужбы Конрад Лоренц, было захвачено в плен советскими войсками. Будущий Нобелевский лауреат был этапирован в лагерь военнопленных под Кировом, затем – в Халтурин. В лагерях Лоренц занимался медицинской работой и, несмотря на тяжелые условия содержания, писал книгу «За зеркалом». Ему удалось сохранить и впоследствии опубликовать эту рукопись. Затем Лоренца отправляют на непродолжительное время в Баку, потом в Армению – последнее место его заключения. Отсюда Лоренц отправил письмо выдающемуся советскому физиологу, академику, генерал-полковнику медицинской службы Л.Орбели с просьбой о содействии в освобождении. И Леон Орбели совершает героический поступок, связанный с риском для жизни – представляет письменную реко-

мендацию об освобождении заключенного фашистского офицера Конрада Лоренца, благодаря которому ученый был досрочно освобожден в конце 1947 года. В 1973 Конрад Лоренц стал Нобелевским лауреатом.

28 июля 1957 года к Л.Орбели обратился за помощью с берегов Ангары совершенно незнакомый человек, инвалид отечественной войны – Харин Петр Ефимович.

Он пишет (стиль и орфография сохранены): «Разрешите мне, простому человеку, обратиться к Вам за помощью. Материальное положение моей семьи очень тяжелое... не хватает даже на прожиточный минимум... Вы человек большой, дорогой академик, но я много слышал о Вашей доброте, потому обращаюсь к Вам. Мне самому ничего не нужно, я прошу ради детей, они хотят жить, и мне их жаль. Мне очень стыдно, я пишу против веления сердца».

И – еще одно письмо:

«30 августа 1957 год.

Дорогой Леон Абгарович,

Благодарим Вас за искреннюю заботу о наших детях. Никогда они этого не забудут... Если можете, объясните... для меня непонятно как и что. Я написал академику Орбели физиологу, а оказалось как-то, что мое письмо попало еще к какому-то академику Орбели только не знаю по какой науке. Вы родные братья или нет. Если можно, ответьте.

Я получил от академика Иосифа Орбели 400 рублей и от Вас дорогой Леон Абгарович 500 рублей. Все трое детей у меня обуты и одеты и это благодаря Вам и академика И.Орбели.

Я наказал своим детям, если в жизни придется встретить вам человека по фамилии Орбели и этот человек будет нуждаться в помощи, ты обязан снять свою последнюю рубашку и отдать, если это нужно будет, отплати.

Берегите Ваше здоровье, долгой жизни Вам дорогой академик».

Каждый день посещают Дом-музей многочисленные посетители. Приведем некоторые их впечатления из «Книги записей»:

«Пришел в близкий мне родной дом, милое всплыло в моей памяти. Спасибо за заботливое и любовное отношение».

Директор Государственного Эрмитажа академик

▼ В. Саришвили, М. Буниatian и Г. Мкртчян

Б.Б. Пиотровский.

«Низкий поклон всем тем, кто создал этот удивительный музей. Этот музей – живая память о великих Орбели. Они вошли в мою душу и поселились в ней надолго, навсегда».

Художник, искусствовед Лев Вагнер.

«Восхищен музеем братьев Орбели».

Академик Е.М. Крепс.

«Отныне Цахкадзор превращается в один из центров мировой науки и культуры, поскольку здесь открыт музей великих ученых братьев Орбели, ученых с мировым именем».

Директор Института эволюционной физиологии им. Сеченова В.Л. Свицерский.

После капитального ремонта музей снова открылся в 2010 г., при непосредственном содействии Министерства культуры Армении.

На наш вопрос о целях недельной командировки в Тбилиси Марина Буниatian ответила, что поездка эта была связана с работой в архивах Грузии, в частности, в национальном архиве.

«Исследования велись по сбору материалов о семье Орбели, с 1880 по 1910 год (период, когда семья Орбели обосновалась в Тифлисе, до отъезда братьев на учебу в Петербург).

А также мы ознакомились с материалами архива АН Грузии, в частности, архивными материалами Н.Марра, связанными с раскопками Ани.

В АН Грузии мы были приняты вице-президентом, академиком Роином Метревели, и во время этой встречи была достигнута договоренность о сотрудничестве с Музеем Тбилисского государственного университета.

Посетив университет, и встретившись с руководством Музея ТГУ, мы уточнили вопросы совместной деятельности двух музеев, а также открытия временной выставки в галерее университета, посвященной братьям Орбели, в программу которой входят демонстрация тематических документальных фильмов и чтение научных докладов.

Огромное содействие в проведении всех этих встреч и достижении договоренностей оказал начальник административного отдела АН Грузии Феликс Абулович Каланташвили.

«Мы гордимся тем, что своей особой, исконно «музейной» атмосферой, богатой и достойно оформленной экспозицией этот очаг культуры стал главнейшей достопримечательностью города Цахкадзора и одним из самых популярных мест посещения в Армении.

А чтобы наш музей подольше запомнился посетителям, мы угощаем их изысканным ликером «Орбели», который настаивается на сосновых шишках, собранных в хвойных лесах Цахкадзора», - такой пикантной деталью поделились наши гости в заключение своего рассказа.

На вечере были показаны два документальных фильма – «Музей братьев Орбели» (видео Арама Барамяна) - небольшого формата. Другой, достаточно «полновесный» - «Код Орбели» - снятый в Москве. Ведущий и голос за кадром – Армен Джигарханян. Мне, как коренному тбилисцу, особенно приятны были сказанные в этом фильме слова президента Национальной Академии наук Армении Радика Мартиросяна: «Наши лучшие представители культуры – артисты, ученые, писатели, в основном – жители Тифлиса/Тбилиси, духовного центра не только Грузии, но и всего Закавказья».

Владимир САРИШВИЛИ

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Нелли Берая родилась в Тбилиси. Окончила музыкальную десятилетку для одаренных детей – Центральную музыкальную школу. Затем поступила в Тбилисскую консерваторию на факультет вокала к известному педагогу Ольге Бахуташвили-Шульгиной. Позднее ее направили в Московскую консерваторию, где Нелли проучилась два года.

Блестящая тбилисская красавица, которую сравнивали с Одри Хепберн. Константин Пипинашвили, режиссер фильма «Колыбель поэта» (о детских годах Акакия Церетели), специально для нее создал эпизод, которого до этого в сценарии не было. После премьеры Нелли узнавали на улице, а фотоснимки продавались в газетных киосках. Успех кружил голову – юной звезде было всего 14 лет. А может, в том, что она оказалась в картине, была и некая закономерность: ведь Акакий Церетели был крестным ее отца Шоты, а бабушку звали Мариам Церетели.

После окончания факультета журналистики МГУ им. Ломоносова Нелли оказалась на легендарной киностудии «Грузия-фильм»: переводила сценарии с русского на грузинский язык, готовила передачи о культуре.

Несколько раз была замужем. Ее последним мужем был народный артист Грузии, знаменитый марджановец Ираклий Учанеишвили. На ее долю выпало много горя и испытаний – в лихие 90-е убили сына, а несколько лет спустя при родах умерла дочь.

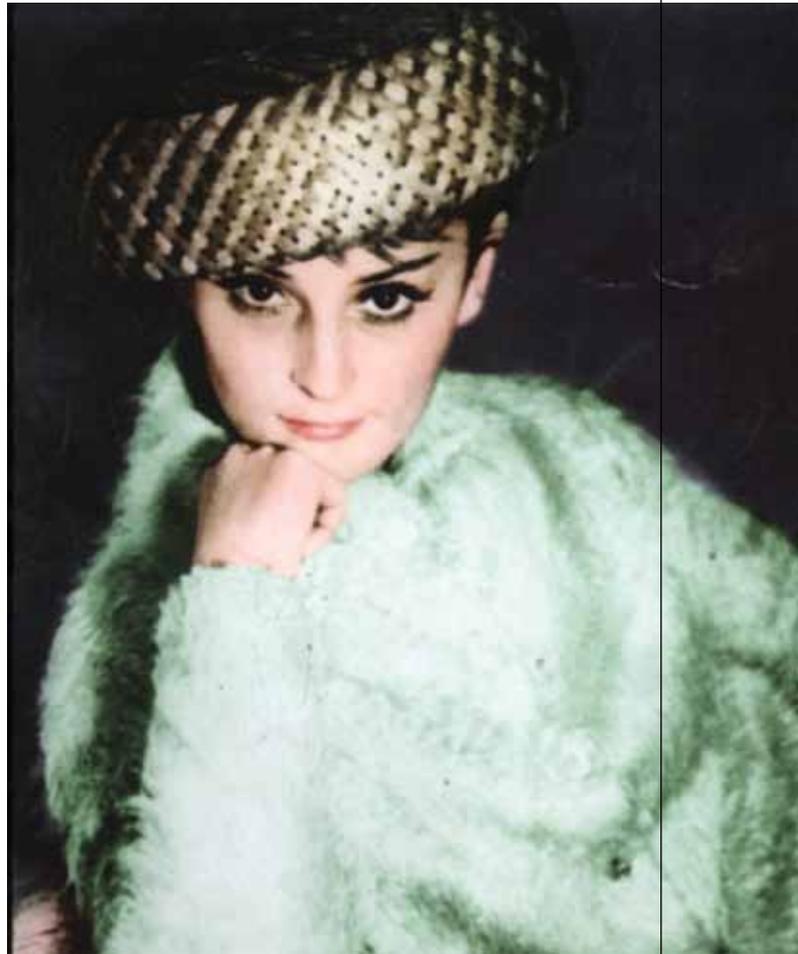
Но, пожалуй, это правда, что ничего никогда не происходит в жизни просто так.

Первую свою работу – портрет царицы Тамары – Нелли Берая создала в 66 лет. С детства она собирала в большой банке бисер, блестящие бусины, жемчужины. Сама не зная, зачем. 15 лет назад ей приснился удивительный сон.

«Была у меня тетя – талантливая рисовальщица. Она мечтала нарисовать портрет царицы Тамары, но мечту свою ей осуществить не удалось. Сама я постоянно просила ее: «Нарисуй мой портрет». Тоже отмахивалась. И мне было обидно. А потом тетя ушла из жизни... Прошло много лет. И вот я вижу сон, в котором мне явилась тетя, и тут я и сказала ей о своей обиде: «Ну ладно, мой портрет ты не стала рисовать, а портрет царицы Тамары почему не нарисовала?!» Уходя, она обернулась и сказала: «Сама нарисуй».

Прошло какое-то время. Нелли Берая читала журнал, и вдруг словно какая-то сила подбросила ее. Вскочила, достала из шкафа альбом.

«Я начала рисовать карандашом, обыкновенным карандашом, а когда закончила, была потрясена. Я про-

▲ Нелли Берая

сто чувствовала, что какая-то сила направляет мою руку. Портрет царицы Тамары, а это был именно он, меня не удовлетворил, и я решила оформить рисунок бисером. Вот когда пригодились собираемые с детства бусины», – рассказывает она, – «долго не могла поверить, что я сама это сделала. С тех пор не перестаю рисовать ни на день. А портрет царицы Тамары был продан в частную коллекцию в Австрию за восемь тысяч долларов».

Все ее рисунки созданы из бисера, стекла и цветных камней. Любимым жанром она избрала самый сложный – портрет. За портретом царицы Тамары последовали изображения царя Давида Агмашенебели, английской королевы Елизаветы II, Давида Сараджишвили, Пааты Бурчуладзе, Нани Бреговдзе, Омара Мхеидзе, Нино Аниашвили, Лейлы Абашидзе и многих других выдающихся деятелей искусства. Главный критерий для Нелли Шотаевны – чтобы ее герой был человеком талантливым. В образах, созданных ею, есть и благородство, и мудрость, и изящество, и полет. А после долгих уговоров друзей, Нелли нарисовала и автопортрет.

Есть у Нелли Берая портрет Патриарха всея Руси Кирилла. Глядя на него создается полное ощущение, что у портрета живые глаза.

В каждую из своих работ Нелли Берая вкладывает титанический труд. И утверждает, что заниматься этим скрупулезным делом можно только очень его любя. Она рисует душой, сердцем. А это, пожалуй, важнее любого диплома о специальном образовании. За эти годы более ста необычных шедевров вышло из-под ее теплых, талантливых рук.

На ее счету уже более пятнадцати выставок. В прошлом году организаторами благотворительной выставки

▲ С Нани Брегвадзе

продажи работ Нелли Берая стали Министерство культуры и охраны памятников Грузии, Союз писателей Грузии, Международный благотворительный фонд Патриарха Грузии и Патриарший молодежный центр. Мероприятие посвящалось 80-летию юбилею и 35-летию интронизации Католикоса-Патриарха всея Грузии, Святейшего и Блаженнейшего Илии II. Святейший высоко оценил ее творчество.

Необычное творчество Нелли Берая называют «живописью бисером». Для нее это образ жизни. Она обычно просыпается в шесть утра и работает иногда до поздней ночи. Признается, что иногда так увлекается работой, что забывает поесть. «Поднимаю глаза, а уже вечер», - говорит она. На изготовление одной работы уходит по несколько месяцев. Самое главное, что аналога ее творчеству в мире нет. Их используют как элементы декора. Для работы ей нужна спокойная обстановка. Нелли признается, что никогда не знает, какой в итоге получится работа.

▲ С Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II

Однажды Нелли поступило предложение выставить свои произведения на продажу на престижнейшем аукционе Сотби.

Ее рисунки притягивают к себе. Они совершенно уникальны – и по технике исполнения, и по глубине восприятия. Она также автор нескольких икон. Например, Образ Иверской Богоматери тоже явился во сне. Нелли проснулась и два месяца, не поднимая головы, создавала икону.

Посмотреть на ее картины приходят разные люди, и на всех они оказывают ошеломляющее впечатление. Восторг зрителей прибавляет художнице энергии и снова и снова убеждает в том, что ее работы нужны и признаны.

Нелли не любит расставаться со своими картинами, словно что-то родное отрывает от сердца. Тем не менее, одиннадцать ее картин продано в частные коллекции. Она хочет, чтобы ее работы обошли мир, но вернулись и остались на родине. Иногда поступают и заказы.

«К сожалению, у нас не оценивают ручную работу по достоинству. За границей мои работы ценятся гораздо больше, чем на родине. А это очень обидно», - сетует художница.

Нелли Берая говорит, что больше всего хочет орга-

▲ С Додо Чичинадзе

низовать персональную выставку. Ведь так с ее творчеством познакомится как можно больше людей. Среди которых могут быть и потенциальные спонсоры. Для ее работ нужны весьма дорогие камни Сваровского, искусственный жемчуг, поделочные и полудрагоценные камни, бисер.

Работа с мелким бисером пагубно отражается на глазах. И тем не менее, Нелли Берая не дает себе права на отдых. Как бы плохо она себя не чувствовала, в шесть утра, с первыми лучами солнца она уже сидит за работой. Работа кропотливая, требующая колоссального терпения и силы воли.

Если Нелли работает над натюрмортом с цветами, то можно смело сказать – колдует над подарком кому-нибудь из друзей... А друзей у нее, хвала небесам, много.

«Они – моя надежда, мое спасение от одиночества. С ними я могу говорить, да и молчать часами», - говорит Нелли Берая.

Они же – друзья и коллеги – выступают в поддерж-

ку Нелли Берая, утверждая, что талант и дарование ее уровня, ее феномен должны быть оценены по достоинству. Письмо под названием «А не лучше ли оценить при жизни?» подписали видные деятели грузинской культуры и науки. Вот выдержки из него.

«Нелли Берая – уникальный феномен. Созданные ею из бисера и драгоценных камней портреты и натюрморты в буквальном смысле завораживают зрителей своей изысканностью. Ее творчество безусловно относится к сокровищнице мирового искусства. Для иллюстрации вышесказанного предлагаем выдержки из книги впечатлений художника:

«Грузинский народ породил столь талантливую, уникально одаренную личность. Она сумела создать удивительные цвета, бессмертные исторические шедевры».

Джумбер Лежава, велопутешественник: Я объездил всю планету и ни в одной из стран, ни в одном музее искусств, как среди исторических, так и среди современных изделий я не встречал подобных шедевров.

Джемал Мониава, актер, заслуженный артист Грузии: Грузия воистину страна чудес! Если бы подобные произведения искусства привез в Тбилиси кто-либо из иностранных художников, уверен, что это событие вызвало бы невероятный ажиотаж и их расхватили бы в одночасье; однако, к сожалению, живой, хоть и великий мастер в собственной стране, как правило не ценится!

Эрекле Саглиани, филолог, поэт: И в самом деле, человек должен быть одарен особым талантом, чтобы сообразовать некий предмет со своими сокровенными мыслями. Госпожа Нелли своим творчеством служит грузинской истории, дает прочувствовать ее глубины. Может поэтому распластанный у ног «Семисветильной» Тамар великий Руставели удивительно похож на его же облик в нашем воображении. А вот другой образ – образ Нефер-

▼ Портрет Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

тити – безусловно, указывает на далеко идущие связи, поскольку она точно так же воспринимается символом Египта, как у нас царица Тамар – символом Грузии. Лишь только приобщение к прекрасному украшает нашу повседневность: сегодня калбатони Нелли Берая буквально спасла меня от одного бесцветного дня моей жизни.

Нелли Окропиридзе, народный художник Грузии: Я в восторге от вашего таланта, терпения и изобретательности. Ваши работы, безусловно, будут жить на протяжении веков.

Гулико Гудавадзе, действительный член Абхазской АН: Ваше уникальное творчество лишней раз заставляет признать – хвала грузинскому таланту, благодарение Господу, что в Грузии и поныне рождаются люди с ниспосланным свыше благословенным даром творения... Восхищаюсь вами, прекрасная, одаренная божественным талантом, уважаемая госпожа Нелли!

Лиана Асатиани, киноактриса: Что за руки могли сотворить такое чудо? Красота, неподвластная описанию! Мы могли бы удивить весь мир нашим национальным талантом.

Ирма Сохадзе, певица, заслуженная артистка Грузии: Впервые увидев эти экспонаты в Батуми, я впала в состояние шока!

Нодар Пагава, эксминистр культуры Аджарии:

Примечательно, что Нелли Берая, как беспрецедентного мастера, внесли в Книгу рекордов Гиннесса; а в 2012 году она была избрана действительным членом Фазисской академии. Не случайно, что наряду с талантом Бог наградила Нелли необычайной красотой: она по праву занимает место в когорте самых красивых женщин Грузии.

Нелли по сей день с завидной энергией продолжает работать, создавая все новые уникальные шедевры. Она с огромной благодарностью относится к Католикосу-Патриарху всея Грузии, Святейшему и Блаженнейшему Илие II, который по достоинству оценил огромный талант художницы, оставшейся по воле судьбы без крова и предоставил ей жилье в гостинице для выдающихся деятелей при храме Святой Троицы. С большим огорчением хотим отметить, что в настоящее время Нелли Берая осталась почти без каких-либо средств, ввиду чего она не может позволить себе приобрести материалы для создания своих изумительных полотен. Подобный вид искусства, т.е. технология создания портретов из бисера и драгоценных камней, является беспрецедентным в истории мировой цивилизации. Всматриваясь в полотна, созданные рукой этого большого мастера, возникает ощущение, что истинное искусство сильнее смерти: все уйдем, но оно останется!

Мы надеемся, что обязательно найдется спонсор, который по достоинству оценит творчество Нелли Берая и позаботится о том, чтобы весь современный мир также ознакомился с этой удивительно талантливой личностью, с женщиной, которая способна стать представителем и символом нашей национальной культуры. Уверены, что у нее непременно появятся последователи и первыми среди них будут грузины.

В одном из журналов было опубликовано интервью с Нелли Берая под заголовком: «Когда меня не станет, только тогда и оценят грузины мой талант».

А не лучше ли оценить при жизни?

Кто знает, наступит время и Грузия будет гордиться замечательным мастером, работы которого не имеют в мире аналогов».

Нино ДЖАВАХЕЛИ

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

Художник, педагог, поэт.

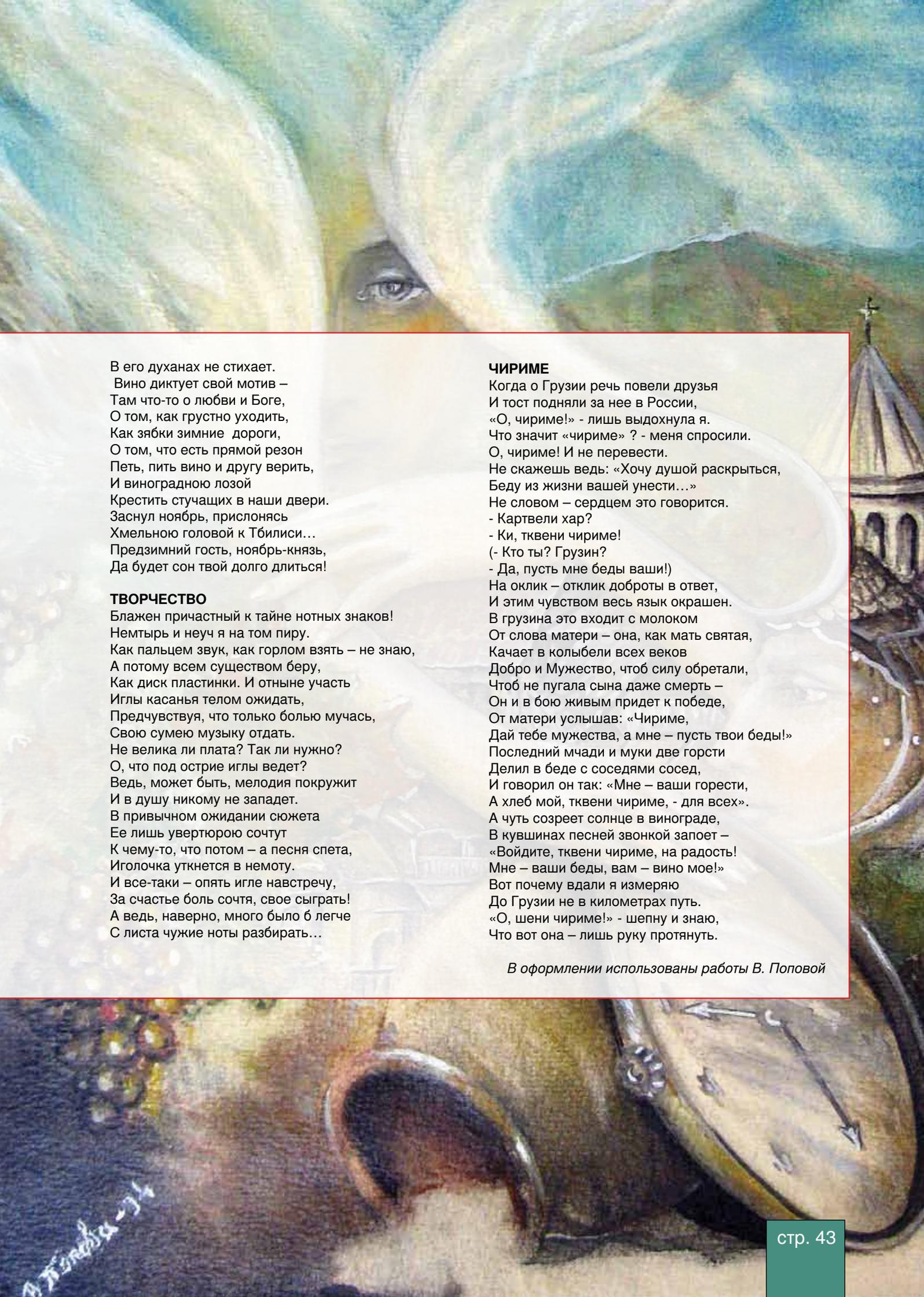
С 1961 года живет в Грузии. Закончила филологический факультет Тбилисского государственного университета им.Ив.Джавахишвили. Автор сценария и сопостановщик документального фильма «Художник из Освенцима», автор сценариев многих передач Республиканского телевидения и радио, нескольких научно-методических пособий для учителей русского языка и литературы. Автор поэтических сборников «Исповедь» (1986) и «Стихи, живопись, графика» (2001). Член Союза писателей Грузии. Автор иллюстраций к сборнику стихотворений Константины Герасимовой «Из глубины». Картины В. Поповой находятся в музейных и частных коллекциях 13 стран мира. Дважды лауреат Международной Пушкинской премии педагогов-русистов стран СНГ и Балтии. Награждена медалью Пушкина. Руководитель Социально-культурно-образовательного Центра имени Ж.Шартава.

В шерстяном одеянии осени,
В рыжем шарфе простуженных дней
Ноября короткие просины
Все отчетливей, все слышней
Звуки времени... Капель анисовых
Или капель дождя за окном –
Что нам лекарь-ноябрь навывисывал
Пить по капелькам перед сном?
А душа то болит, то ежится
От осенних ненастных причин,
И антоновки тонкая кожа
То ли сладостна, то ли горчит...

Мы пока не уходим,
Мы только еще начинаем
Принимать суету этой жизни
Спокойней и значит – мудрей.
А глаза повзрослевших детей
Наблюдают за нами...
Мы пока не уходим –
Мы только стоим у дверей.
Где-то там, за порогом –
Огромное небо без края,
Где-то там, за порогом –
Органная месса в ночи...
Но несмелые пальчики
В комнате гамму играют –
Мы не выйдем из дома,
Пока эта гамма звучит.
Пока будут потрескивать в печке
Сухие поленья,
Пока будет посапывать сонно
Собака в дверях,
Мы в ответе за дом наш,
Родной наш кусочек Вселенной...
Мы пока не уходим –
Не надо тревожиться зря.

НОЯБРЬ-КНЯЗЬ

Какая чудная пора.
Как пахнут астры увяданьем,
И золото осенней дани
Сгребают дворники с утра.
Какая странная пора...
А у Тбилиси свой каприз –
Он дышит песней и стихами,
И плач чонгури до зари

В его духанах не стихает.
Вино диктует свой мотив –
Там что-то о любви и Боге,
О том, как грустно уходить,
Как зябки зимние дороги,
О том, что есть прямой резон
Петь, пить вино и другу верить,
И виноградную лозой
Крестить стучащих в наши двери.
Заснул ноябрь, прислонясь
Хмельною головой к Тбилиси...
Предзимний гость, ноябрь-князь,
Да будет сон твой долго длиться!

ТВОРЧЕСТВО

Блажен причастный к тайне нотных знаков!
Немтырь и неуч я на том пиру.
Как пальцем звук, как горлом взять – не знаю,
А потому всем существом беру,
Как диск пластинки. И отныне участь
Иглы касанья телом ожидать,
Предчувствуя, что только болью мучась,
Свою сумею музыку отдать.
Не велика ли плата? Так ли нужно?
О, что под острие иглы ведет?
Ведь, может быть, мелодия покружит
И в душу никому не западет.
В привычном ожидании сюжета
Ее лишь увертюрою сочтут
К чему-то, что потом – а песня спета,
Иголочка уткнется в немоту.
И все-таки – опять игле навстречу,
За счастье боль сочтя, свое сыграть!
А ведь, наверно, много было б легче
С листа чужие ноты разбирать...

ЧИРИМЕ

Когда о Грузии речь повели друзья
И тост подняли за нее в России,
«О, чириме!» - лишь выдохнула я.
Что значит «чириме»? - меня спросили.
О, чириме! И не перевести.
Не скажешь ведь: «Хочу душой раскрыться,
Беду из жизни вашей унести...»
Не словом – сердцем это говорится.
- Картвели хар?
- Ки, тквиени чириме!
(- Кто ты? Грузин?
- Да, пусть мне беды ваши!)
На оклик – отклик доброты в ответ,
И этим чувством весь язык окрашен.
В грузина это входит с молоком
От слова матери – она, как мать святая,
Качает в колыбели всех веков
Добро и Мужество, чтоб силу обретали,
Чтоб не пугала сына даже смерть –
Он и в бою живым придет к победе,
От матери услышав: «Чириме,
Дай тебе мужества, а мне – пусть твои беды!»
Последний мчади и муки две горсти
Делил в беде с соседями сосед,
И говорил он так: «Мне – ваши горести,
А хлеб мой, тквиени чириме, - для всех».
А чуть созреет солнце в винограде,
В кувшинах песней звонкой запоет –
«Войдите, тквиени чириме, на радость!
Мне – ваши беды, вам – вино мое!»
Вот почему вдали я измеряю
До Грузии не в километрах путь.
«О, шени чириме!» - шепну и знаю,
Что вот она – лишь руку протянуть.

В оформлении использованы работы В. Поповой

▲ В гостях у Бориса Пастернака С.Чиковани и Б.Жгенти. Переделкино

«ВМЕСТЕ С СИМОНОМ»

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Ранней весной 1959 года Борис Леонидович Пастернак, вместе с супругой, Зинаидой Николаевной, приехал в Тбилиси. Этот приезд был отчасти вынужденным – в Москву должен был прибыть Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и чтобы исключить всякий контакт англичан с Пастернаком, Борис Леонидовичу «посоветовали» покинуть Москву. В Тбилиси Пастернак остановился в доме своего ближайшего друга, Нины Александровны Табидзе. К этому времени чуть приутихла гнусная клеветническая кампания против Пастернака, ожесточенная травля, угрозы, требования выслать его из СССР, завести уголовное дело как на «врага народа». Люди, хорошо помнящие недавнее прошлое, понимали, чем это может грозить великому поэту. Конечно, публичное появление Пастернака не «поощрялось», однако многие интеллигенты, особенно молодежь, старались пообщаться с Борисом Леонидовичем, выразить свои чувства.

Однажды вечером, моя тетька, Марика Николаевна Чиковани, позвонила к нам домой и сказала маме: «Сегодня вечером мы ждем в гости Бориса Леонидовича. Пусть Зураб спустится к нам, я хочу, чтобы он увидел Пастернака!»

В этот незабываемый для меня вечер у Симона Ивановича Чиковани собрались Борис Леонидович, Зинаида Николаевна, Нина Александровна Табидзе, Георгий Николаевич и Евфимия Александровна Леонидзе.

Симон Иванович и Георгий Николаевич мучительно переживали свое вынужденное участие в заседании президиума правления СП Грузии, на котором писательская организация Грузии должна была поддержать решение СП СССР об исключении Б.Л. Пастернака из Союза писателей. Помнится, Марика и Ника советовали Симону не идти на это заседание. Симон ответил, что будет хуже, если ему устроят ловушку и заставят персонально написать что-нибудь против Бориса Леонидовича. Не мое дело кого-то оправдывать, просто стараюсь объяснить ситуацию тем, кто не пере-

жил ужасное время тоталитаризма. На том заседании Георгий Леонидзе, на предложение председателя СП Ираклия Абашидзе высказать свое мнение, сказал, что все это худо для грузинской литературы – недавно мы потеряли Заболоцкого, а теперь и нашего Бориса исключили из СП; Симон Иванович постарался отделаться общими фразами о том, что писатель должен, в первую очередь, печататься на родном языке.

Не могу с уверенностью сказать, но я не заметил ни малейшего охлаждения в отношениях Бориса Леонидовича с друзьями. Наоборот, за столом царил теплая, дружеская обстановка. К сожалению, мне трудно сейчас восстановить в памяти все подробности очень интересной беседы. Ведь не только пятнадцатилетний подросток, но и гораздо более подготовленный и образованный взрослый слушатель часто с трудом мог следить за неожиданными изменениями движения мысли Бориса Леонидовича. Я больше помню общее содержание беседы, воспоминания о конкретных событиях, остроумные замечания. Пастернак говорил о том, что поэт обязательно должен заниматься прозой. Это ему, как поэту очень полезно. Георгий Николаевич сказал, что он сейчас как раз работает над прозой, Борис Леонидович одобрил его. Леонидзе произнес тост за память, как он сказал, Сережи Есенина и Володи Маяковского. Меня несколько удивила такая фамильярность, но потом я вспомнил, что оба они были друзьями молодости и Леонидзе, и Симона. Пастернак рассказал, что женский образ в его стихотворении «На пароходе» связан с некой Кашиной. Когда Есенин опубликовал «Анну Снегину», я, сказал Борис Леонидович, узнал в героине Кашину. «Послушай, твоя Снегина – Кашина?» - спросил я Есенина. «Ба, да откуда ты знаешь», - удивился Есенин.

Конечно, грузинское застолье не обходится без тостов. Обращаясь к Леонидзе, Борис Леонидович сказал: «Ваш кабинет похож на Вас, на Ваш талант – такая же щедрая нагроможденность, богатый беспорядок...» «Да, да, - обрадовалась неожиданному союзнику Евфимия Александровна. - Я тоже все время прошу Гоглу навести порядок». «Я очень дорожу Вашим мнением, - сказал Пастернак Симону, - не знаю в стране никого с более тонким вкусом!» Затем Георгий Николаевич выпил за русско-грузинские поэтические отношения. «Начало этим отношениям, - сказал он, - положил приезд Пушкина в Грузию. Представьте, одетый в архалук, Пушкин прямо на улице ел горячий лаваш». «Для Пушкина Грузия была экзотикой, - не согласился с Леонидзе Ника. - Вы, Борис Леонидович, первый большой русский поэт, кто всерьез заинтересовался грузинской литературой и вообще грузинской культурой и историей». «Ну, почему же», - возразил Пастернак, хотя Никины слова были, по-видимому, ему приятны. Помню еще одно остроумное замечание Пастернака. В общей беседе Зинаида Николаевна, на вопрос как Леня, сказала, что ее беспокоят Ленины отношения с одной женщиной. «А что, она недостойна его?» - спросила Марика. «Ну, она особа свободного мировоззрения», - ответила Зинаида Николаевна. «К сожалению, она свободного поведения, - сказал Борис Леонидович. - Свободное мировоззрение – это у меня!»

Кроме этих отрывочных воспоминаний, в памяти навсегда осталось ощущение какой-то огромной силы, «ауры», как сейчас модно говорить, исходящей от Бориса Леонидовича. Даже простая русская женщина, домработница Катя, сказала Марике: «Такого гостя у вас никогда не было!» «Ты почувствовал гениальность Бориса?» - спросила меня Марика. «Да, судьба мне подарила встречу с гениальным человеком!»

В мае 1959 года в Москве проходил съезд СП СССР. Марика предложила взять меня с собой. «У Симона хороший номер в гостинице. Зураб многое по-

смотрит, ходит по театрам, музеям, ему будет интересно», - сказала она маме. Действительно, моя «культурная» программа была очень насыщенной. Но ничего не могло сравниться с впечатлением, которое произвела на меня новая встреча с Борисом Леонидовичем. В Переделкино к Пастернаку в гости поехали Симон Иванович, Марика Николаевна, я и Леонидзе, Георгий Николаевич, Евфимия Александровна и их дочь Нестан. Борис Леонидович встретил нас у калитки. Он был точно такой, как в стихотворении Заболоцкого:

*Щурит он глаза свои косые,
Подмосковным солнышком согрет, -
Выкованный грозами России
Собеседник сердца и поэт.*

В гостях у Пастернака, кроме нас были Г.Г. Нейгауз, С.Г. Нейгауз с супругой, Б.Н. Ливанов с супругой и А.Ф. Асмус. Разговор зашел о «Докторе Живаго». «Часто в романе, - сказал Борис Леонидович, - ищут подтекст, которого там нет». Потом он спросил у меня, знаю ли я английский и привел пример: «У меня говорится о торговом доме Ветчинкина, а английский литературовед видит в этом намек на Гамлета (ветчина – ham)». Беседа перешла на проблемы перевода. Пастернак и Симон говорили о том, что хороший перевод должен стать фактом той литературы, на языке которой он выполнен. «Оригинал это история, а перевод – сплетня о ней», - афористически подытожил Борис Леонидович. Гибель Галактиона Табидзе у всех была свежа в памяти. Пастернак вспомнил о том, как он вместе с Галактионом Васильевичем был в Париже в 1935 году на конгрессе европейских писателей. «Как-то мы с ним оказались у дома, в котором жил Марат, - рассказывал Борис Леонидович, - там почему-то валялась ванна, и мы с Галактионом Васильевичем еще пошутили, что это, наверное, та ванна, в которой убили Марата. Жаль, что у нас не сложились близкие отношения, - с сожалением проговорил Борис Леонидович, - может быть и потому, что наша общая приятельница не постаралась их наладить».

Зинаида Николаевна пригласила нас в столовую. За ужином серьезная беседа о поэзии, о судьбе и значении творца, об истории, перемежалась остроловием, шутками. В конце концов и коньяк сделал свое дело. Уже подвыпивший Симон вышел за водой и вернулся с баночкой из-под сметаны. Зинаида Николаевна забрала баночку и заменила ее стаканом. Через несколько минут Симон снова вышел и опять возвратился с той же самой баночкой. «Где он ее раскопал? - засмеялась Зинаида Николаевна. - Мне казалось я ее надежно спрятала».

Симон Иванович выпил за здоровье Пастернака, тост был очень теплый, не праздно красноречивый, а точно и глубоко характеризующий личность адресата здравицы. «Чувство, которое я испытываю, входя в ваш дом, - сказал Чиковани, - я испытал только в Веймаре, в доме Гете». Симон закончил тост гениальными строками Пастернака:

*Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Переполненный впечатлениями я возвращался из Переделкино. Удивительно было и то, что для меня как бы с новой стороны раскрылся Симон Чиковани, человек, которого я с детства любил и почитал, как второго отца. Таким интересным, окрыленным я его до того не видел. Это был его уровень, такой духовной атмосферы ему часто не хватало.

30 мая 1960 года. Пастернака не стало! Все мы почувствовали – что-то огромное ушло из нашей жизни, но, конечно, неизмеримо тяжело переживал Симон Иванович. Ночью у него был сердечный приступ, к тому времени у него открылась сердечная недостаточность.

В Москву, на похороны Бориса Леонидовича, вылетели Марика и Евфимия Александровна. Позже, возвращаясь из Москвы, Марика подробно рассказала Симону о том, как прошли похороны, как молодежь устроила чуть ли не митинг на могиле поэта. «Тебе и Гогле надо было поехать на похороны», - мягко сказала Марика. «Мне мучительно трудно было бы хоронить его», - проговорил Симон.

Сейчас об отсутствии Чиковани и Леонидзе на похоронах Пастернака со скрытым укором пишут некоторые люди. Повторюсь, я никого не оправдываю, просто хочу прояснить некоторые детали касательно Симона Ивановича. Именно в то время вокруг журнала «Мнатоби» и его редактора С.И. Чиковани стала сгущаться атмосфера. Журнал уже давно стал головной болью для идеологических руководителей республики. Симон как-то горько пошутил: «Ну, что это за номер, если из-за него не вызывают на бюро ЦК». Пошли доносы – Чиковани печатает только бывших заключенных (это о Ч.Амиразджиби, О.Пачкория), идеологически вредные романы О.Чхеидзе, статьи П.Ингорквва. Кстати, вообще первую публикацию автобиографической прозы Пастернака «Люди и положения» осуществил Чиковани в журнале «Мнатоби». Дошло до того, что в редак-

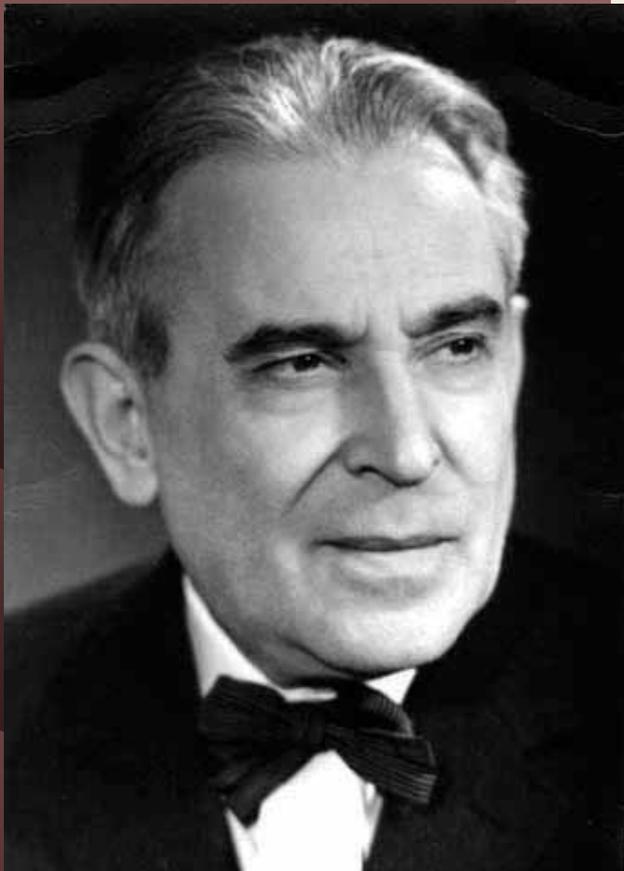

▲ Симон Чиковани. 1959

ции появились сотрудники органов госбезопасности и стали «беседовать» с сотрудниками. Недоброжелатели только и ждали момента, чтоб напасть на Чиковани. Наконец, осенью того же года его освободили от должности редактора. Симон очень тяжело пережил эту отставку, гораздо тяжелее, чем в свое время потерю поста председателя СП Грузии. Он не мог жить вне интенсивной общественно-литературной жизни, каждый номер журнала он ставил, как режиссер ставит спектакль. «Мнатоби» времен Чиковани сравнивают с катаевской «Юностью» или с «Новым миром» Твардовского. По-моему, болезнь Симона Ивановича была спровоцирована этими событиями.

В архиве Чиковани осталось несколько черновых строф стихотворения о кончине Пастернака, очень интересный план статьи о творчестве Бориса Леонидовича. К сожалению, Симон Иванович не успел довести это дело до конца.

Зураб СИРАДЗЕ

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ВАРПАХОВСКОГО

▲ Леонид Варпаховский

Леонид Викторович Варпаховский – личность поистине легендарная. Дворянин, сын присяжного поверенного В.В. Варпаховского, он уже с раннего детства увлекся театром. Его мать, Мария Михайловна, училась в драматической школе Александра Адашева одновременно с Евгением Вахтанговым и Серафимой Бирман, но актрисой так и не стала. Выйдя замуж за Виктора Васильевича Варпаховского, с увлечением отдалась работе с детьми. Так что подраставший сын Леня «играл в театр». В возрасте девяти лет его отдали в балетную школу Большого театра, учеба в которой раскрыла его музыкальные способности. Он начал играть на фортепиано и в пятнадцать лет стал студентом Московской консерватории. Организовал из студентов и преподавателей консерватории «первый камерный экспериментальный синтетический ансамбль» (ПЭКСА) - «еще не джаз, но эксперимент на пути к джазу», второй коллектив подобного рода в стране (после эксцентрического оркестра В. Парнаха), в котором был дирижером и исполнителем. Потом была учеба на литературном факультете МГУ и работа в ТРАМе (Театр рабочей молодежи) в качестве художника и ассистента режиссера.

Важнейшей и определяющей в судьбе Леонида Варпаховского стала встреча с выдающимся реформатором сцены Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Это имело для него настолько большое значение, что книга, выпущенная Леонидом Варпаховским спустя долгие годы, почти полностью посвящена учителю

(Леонид Викторович был научным сотрудником Театра имени Мейерхольда). Это тем удивительнее, что под непосредственным руководством мастера он работал всего три года. «Опыт и школа великого режиссера освещают и теоретические концепции автора, и его творческую практику», - отмечает А.Анастасьев в статье «Поэзия и технология режиссуры», включенной в книгу Л. Варпаховского «Наблюдения. Анализ. Опыт». Преклонение перед гением Всеволода Мейерхольда было столь сильным, что даже нелестная характеристика, данная им Леониду Варпаховскому (после разрыва) и сыгравшая роковую роль в судьбе последнего, ничего не изменила в отношении ученика к учителю. «Вопреки всему Варпаховский сохранил свое восхищение Мейерхольдом-режиссером, а после возвращения к активной работе (в середине 50-х годов) считал своим долгом изучать и популяризировать его творчество, хотя само упоминание имени Мейерхольда было тогда нежелательно и даже опасно», - пишет автор предисловия к книге «Наблюдения. Анализ. Опыт» Борис Курицын.

В Грузии Леонид Варпаховский работал очень короткий промежуток времени – с 1953 по 1955 гг. Это был сложный период его жизни: он только что вернулся из двадцатилетней ссылки (его приговаривали дважды: в 1936 году – за содействие троцкизму, в 1940-м – за контрреволюционную агитацию) и еще даже не был реабилитирован, продолжая жить с клеймом «враг народа». Начинать ему пришлось практически с нуля. Из-за ярлыка судимости по пятьдесят восьмой статье в Москву дорога была закрыта. Культ личности еще не был развенчан, и о реабилитации даже мечтать не приходилось. После долгих раздумий Леонид Викторович принимает решение ехать в Тбилиси, куда его звал художник Василий Шухаев – товарищ по Колыме. Он предлагал Варпаховскому свою помощь в трудоустройстве. Мне кажется, сыграл свою роль еще один фактор: его мать, Мария Михайловна, режиссер-педагог детского любительского театра, окончила в Тифлисе институт благородных девиц.

И вот Леонид Викторович Варпаховский в Тбилиси. «На свой страх и риск бывшего «политзаключенного» берет на работу директор Тбилисского драматического театра имени Грибоедова Додо Антадзе. Я думаю, что тогда Леониду Викторовичу пришлось преодолевать не только настороженное отношение к себе со стороны окружающих и какие-то формальные условия, связанные с прошлым. Помимо прочего, предстояло утверждаться в себе самом заново. Избавляться если не от приобретенных в «той» жизни комплексов собственной неполноценности, то, по крайней мере, от чувства страха перед новой жизнью. Симптоматично, что для дебюта свой выбор он остановил на чеховской «Чайке». В режиссерской тетради Варпаховского есть весьма примечательная запись об этой пьесе: «Написана она не о неудачной любви, а написана она об искусстве. «Чайка» – это пьеса о трудном пути художника, о сущности художественного таланта, о том, что такое человеческое счастье... Не гибель, не поражение, а торжество творческой воли – такова поэтическая тема пьесы, выраженная через центральный образ... Конфликт двух беллетристов, Треплева и Тригорина, тоже не следует рассматривать только со стороны внешнего сюжета... - он также лежит в плоскости искусства».

В «Чайке» Варпаховский, вероятно, нашел ответы на мысли, беспокоившие его тогда. Чехов помог обре-

▲ Сцены из спектакля «В сиреновом саду»

сти решимость, уверенность в своих силах, убежденность, что силы еще не растрчены и можно что-то еще сказать в искусстве», - пишет Б.А. Савченко в книге «Колымские мизансцены».

Премьера «Чайки» на тбилисской сцене показала, что Леонид Варпаховский полон творческой энергии и что ему действительно есть что сказать зрителю. Рецензия на спектакль «Чайка» была опубликована на страницах газеты «Молодой сталинец». Ее автор Л. Маркозов положительно оценил спектакль, отметив в нем именно те моменты, о которых Варпаховский пишет в своей режиссерской тетради.

«Авторы постановки «Чайки» на сцене театра имени Грибоедова – режиссер Л.Варпаховский, художник Ир.Штенберг, так же, как и занятые в спектакле актеры, верно чувствуют особенности чеховской драматургии. Созданный ими спектакль овеян ароматом поэтичной лирики. Режиссер переносит зрителя в усадьбу действительного статского советника Петра Николаевича Сорина, где за относительно короткий промежуток времени встречаются люди различных профессий, мировоззрений, взглядов и жизненных устремлений. Они живут своими чувствами, пьют, едят, говорят, как это часто случается с каждым из нас, даже не то, что думают, а в это время, независимо от них, слагается счастье одних, разбиваются мечты и жизнь других...

Мизансцены режиссера лишены излишних бытовых деталей, какого-либо намека на «театральный эффект». Строгие, жизненные и простые, они помогают актерам раскрыть внутренний мир действий и поступков героев. В таком режиссерском решении история «подстреленной чайки» становится фоном для раскрытия идейного содержания большого произведения на тему об искусстве, в котором явственно звучат раздумья Чехова о назначении художника, о его трудном пути, о сущности художественного таланта. Как и в пьесе, кульминационным моментом в спектакле театра имени Грибоедова становится сцена встречи Нины

Заречной с Треплевым в финальном акте. Вначале робкая, неопытная в жизни девушка, Нина за короткий срок перенесла большие страдания – измену любимого человека, смерть ребенка. Нина не забыла Тригорина, она любит его сильнее, чем прежде, но теперь ей стало легче нести тяжесть личного горя, потому что в борьбе с препятствиями она духовно выросла, обрела веру в свое актерское призвание, и жизнь ее озарилась новым светом. Совсем иначе сложилась судьба Константина Треплева. Исключенный из университета «по независящим обстоятельствам», он посвятил себя литературному труду. Одаренный от природы, Константин мечтал об открытии новых форм в искусстве. Но в противоположность Нине Треплев отошел от действительности, не сумел поставить себе ясных целей в жизни. Из разговора с Ниной он понял, что она переросла его, что его «новые формы» без глубокого содержания ничего дать ему не смогут, и это привело его к мысли о самоубийстве. Так образ чайки приобретает значение реального символа – подстреленной птицей оказывается не Нина Заречная. Наоборот. Нина сильна, она стре-

▲ «В сиреновом саду». Галя (Н.Бурмистрова)

мится ввысь, к солнцу, к свету. А Треплев – это птица со смятыми, сломанными крыльями, молодая жизнь которой по ее собственной вине оборвалась преждевременно. Именно в таком воплощении идеи пьесы Чехова и кроется притягательная сила и прелесть спектакля театра имени Грибоедова. Занятые в нем актеры: Н.Бурмистрова (Нина Заречная), Л.Врублевская (Аркадина), И.Злобин и Н.Троянов (Треплев), П.Луспекаев (Тригорин), Д.Славин (Дорн), К.Мюфке (Сорин) и все остальные в целом верно, тонко чувствуют и передают смысл и содержание чеховских образов. Надо заметить, что не всегда и не со всем в их исполнении можно согласиться. Но это не мешает им создать ансамбль, живущий единым восприятием настроения замечательной чеховской пьесы».

Нину Заречную в спектакле сыграла звезда грибодовской сцены Наталья Бурмистрова. К своей работе над этим образом актриса относилась с особым трепетом, рассказывала о том, как рождалась роль, с восхищением отзывалась о Леониде Варпаховском, который помог ей справиться со сложной творческой задачей. В итоге родилась героиня, не похожая на других Нин Заречных, созданных актрисами в спектаклях других режиссеров. Н.Бурмистрова передавала не только ее способность самозабвенно любить, но и всепоглощающую веру в искусство и волевой характер. Увидев актрису в роли Нины Заречной, ее пригласили в Художественный театр. Специально в Тбилиси приехали знаменитые актеры МХТ Александр Станицын, Софья Пилявская, Василий Топорков, смотрели, настойчиво звали к себе...

Очень интересным был и Павел Луспекаев в роли Тригорина. Хотя это, если выражаться языком театрального обывателя, была «не его» роль, и она очень не просто далась актеру. Наталья Бурмистрова вспоминала: «Тригорин, знаменитый писатель, элегантный, светский человек, и Паша казались несовместимыми.

Но постепенно, через препоны и творческие муки, Луспекаев одолел роль Тригорина. Играл ее очень интересно». Тригорин в исполнении Павла Луспекаева – это сложный, противоречивый человек, не лишенный многих положительных человеческих качеств.

«Когда в 1953 году отец приступил к репетициям «Чайки», то никак вначале не мог определиться с актером на роль Тригорина, - вспоминает дочь режиссера, актриса Анна Варпаховская. - Он считал, что в труппе исполнителя на эту роль нет, но, подумав, решил предложить эту роль Павлу Борисовичу Луспекаеву, рассчитывая, что талант может все, хотя, на первый взгляд, по своим человеческим данным он был очень далек от этого образа. Папа вспоминал, как нелегко давалась роль Тригорина Луспекаеву. Он страшно волновался и все время повторял: «Ну, какой из меня Тригорин?» Утром они репетировали на сцене, а по вечерам запирались вдвоем в гримерной и погружались в изучение роли и всевозможных материалов. Отец рассказывал, как обрадовался Луспекаев, когда они нашли высказывание Чехова о Тригорине, что «у него клетчатые брюки и дырявые башмаки» и что «удочки у Тригорина должны быть самодельными». Луспекаев обрадовался, что писателя не надо играть салонным фатом, каким его зачастую изображают на сцене, что Тригорин совсем не следит за своей внешностью, одет небрежно, а удочки самодельные, потому что он страстно увлекается рыбой ловлей. В результате Павел Борисович сам смастерил себе удочку, надел клетчатые брюки и рваные ботинки и сразу утратил некий фатовской тон, который так раздражал его и мешал ему на сцене. Папа вспоминал: «Постепенно у него начали появляться черты писателя-мученика, которому, увы, недостает воли. Именно отсутствие воли помешало Тригорину стать большим писателем и служило причиной его странного поведения с женщинами. Все нанизывалось на этот стержень. Совсем по-новому зазвучали и монолог о творчестве, и сцены с Ниной и Аркадиной в третьем действии». Успех Павла Борисовича в «Чайке» превзошел все ожидания. Замечательно сказал о Луспекаеве в роли Тригорина пришедший на премьеру художник Василий Иванович Шухаев, много повидавший на своем веку, соратник Бенуа, Рериха, Бакста, Коровина и Головина: «Трудно себе представить, чтобы можно было выбрать на роль Тригорина более неподходящего артиста, но в то же время невозможно представить, чтобы эту роль можно было сыграть лучше!»

Кстати, талант этого актера Леонид Викторович имел возможность оценить уже в первый день своего приезда в Тбилиси – волею случая он сразу попал на спектакль «Раки» С.Михалкова, в котором Павел Луспекаев блистательно играл Ленского, и был им восхищен. Вскоре они стали близкими друзьями... Удачным был и актерский старт Николая Троянова, приехавшего в Тбилиси вместе с Павлом Луспекаевым и сыгравшего в спектаклях Варпаховского замечательные роли: Треплева в «Чайке» и Николку в «Днях Турбиных».

Успех «Чайки» был определяющим для дальнейшей судьбы Варпаховского, заставил не только окружающих признать его режиссерский талант, не поблекший за годы ссылки, но и вселить уверенность в самого Леонида Викторовича. Впрочем, он не мог утратить свой профессионализм, потому что и в ссылке продолжал интенсивно работать, ежегодно выпуская на магаданской сцене от двух до четырех разноплановых спектаклей.

Ярким событием стал и следующий тбилисский спектакль Варпаховского – «Дни Турбиных» М.Булгакова. «На титульном листе своего режиссерского экземпляра он декларирует собственное отношение к пьесе, процитировав Виктора Некрасова: «Да, я люблю этих людей. Люблю за честность, благородство, мужество, в конце концов, за трагичность положения».

«Играли в спектакле наши «тузы», - вспоминает Н.Бурмистрова в своей книге воспоминаний. - Мы вышли после премьеры онемевшие – такая это была глыба, такое это было мастерство!».

Среди «тузов» были А.Нирванов (Алексей Турбин), Н.Троянов (Николай Турбин), Л.Врублевская (Елена Тальберг), А.Смиранин (Владимир Тальберг), М.Пясецкий (Виктор Мышлаевский), И.Русинов (Леонид Шервинский), А. Загорский (Гетман всея Украины), К.Мюфке (Фон-Шратт)...

Как случилось, что «Дни Турбиных», будучи полузапрещенными, появились в афише театра имени Грибоедова, загадка. «Сразу же после смерти Сталина «Дни Турбиных» были реабилитированы. Но столичные театры не спешили дать «узнице совести» приют. У ее возвращения в строй оказалась странная география: Магадан, Колыма, Южно-Сахалинск, Пермская область... Это репрессированная режиссура, еще не успевшая выехать в центр, ставила спектакли там, где находилась до весны 1953 года. Первым из режиссерской гвардии освободился Варпаховский, который и поставил пьесу в Тбилиси» - пишет Эмилия Косничук в статье «Дважды погребенная» («Еженедельник 2000 – Аспекты»). Увы, совсем другая судьба постигла его киевскую постановку «Дней Турбиных» - спектакль был попросту закрыт...

Вновь обратимся к воспоминаниям Анны Варпаховской: «Помню, в спектакле «Дни Турбиных» в сцене,

▼ «Чайка». Сорин (К.Мюфке)

когда погибал Алексей Турбин, и к нему с криком бросался Николка, обхватывал его и, замирая, прижимал к себе, за окном слышался звук цокота копыт проскакивающей по булыжной мостовой одинокой лошади, замирающий вдали. Производило это колоссальное эмоциональное впечатление. На вопрос мамы, почему он выбрал именно такое решение, а не, например, какую-нибудь трагическую музыку, и что для него значит эта проскакавшая и растворившаяся вдалеке лошадь, отец ответил: «Не знаю, наверно, душа улетела».

Последним спектаклем, поставленным Леонидом Варпаховским на сцене театра Грибоедова, была комедия «В сиреновом саду» Ц.Солодаря. Сохранилась рецензия (опубликована в газете «Заря Востока»), в которой постановка, в общем, оценивается позитивно («коллектив грибоедовского театра создал веселый и яркий спектакль, пользующийся большим успехом у зрителей»), однако не обошлось и без критического «брюзжания».

«Коллектив театра и постановщик спектакля Л.Варпаховский в целом удачно справились со сложной для актеров постановкой «легкой комедии». Но, думается, что театр не полностью использовал свои силы... - пишет автор рецензии А.Дубровский. - Многие актеры удачно справились с водевильным характером исполнения своих ролей. Бурмистрова в роли Гали, Пясецкий – Душечкин и Нирванов – Рыбцев создают яркие, живые и в то же время легкие «водевильные» образы. Особенно это надо сказать о Бурмистровой, играющей роль жены Рыбцева с подлинным блеском, с удачно найденными интонациями, жестами и тонкими переходами в этой двойной роли». Отмечает рецензент и мелодичную музыку, написанную Никитой Богословским для спектакля.

Бурмистрова вспоминает о том, как принимала комедию публика: «...Зрители на спектакле подпрыгивали на своих стульях. Сколько было радости, жизни, солнца в его постановке!»

Уже в 1955 году Леонид Варпаховский работает в Киеве, чуть позднее начинает ставить на сценах театров Москвы...

«На репетиции я увлекаюсь до такой степени, что забываю все на свете. Не знаю, как насчет таланта, но любви к своему искусству у меня хоть отбавляй. Я бываю сероват, скучноват, бываю неприспособленным к жизни человеком... пока не запахло театром. Стоит только мне перешагнуть порог сцены, и я немедленно перерождаюсь. Словно волшебная сила вливается в мою кровь. Здесь я уже не чувствую усталости, воображение начинает работать быстро, я сам даже не знаю, откуда открываются кладовые с запасом наблюдений, жизненных эпизодов, характеров и т.п.» - читаем в книге «Наблюдения. Анализ. Опыт». Ее прислала в театр имени А.С. Грибоедова в благодарность за память о режиссере дочь Леонида Варпаховского, заслуженная артистка России Анна Варпаховская, в 1995 году основавшая в Канаде театр имени своего отца. Как свидетельствует Википедия, он осуществляет «постановки на русском языке для русскоговорящих жителей Канады и США. В театре работают профессиональные актеры, живущие на североамериканском континенте, а также актеры, приглашаемые из России». Думается, Леонид Викторович был бы доволен, продолжая жить в театре после своего ухода...

Инна БЕЗИРГАНОВА

ДОБРО БЕССМЕРТНО

В родном краю великого Руставели прошли народные торжества «Шотаоба»

«Героическая поэма «Витязь в тигровой шкуре» отображает мировоззрение грузинского народа. Эта книга должна считаться сокровищем всего человечества», - писал один из первооткрывателей творчества Шота Руставели для европейского читателя Оливер Уордроп, сестра которого, Марджори, осуществила перевод на английский язык неувядаемого памятника мировой литературы.

В 2016 году задумано провести грандиозное по масштабу празднование 850-летия лучшего поэта Грузии всех времен, с приглашением представительнейших делегаций из многих стран.

Впрочем, не будем опережать события. Расскажем сначала о других представительных делегациях – Министерства культуры и охраны памятников во главе с министром Михаилом Гиоргадзе, Национального агентства охраны культурного наследия во главе с генеральным директором Николозом Антидзе и Союза писателей Грузии, во главе с его председателем, классиком прозы малого жанра Резо Мишвеладзе и ареопагом сопредседателей – Маквалой Гонашвили, Багатером Арабули, Сосо Сигуа и Темуром Чалабашвили. Погожим утром вступившего в зрелую пору сентября все они, вместе с другими именитыми литераторами, артистами и новыми лауреатами премии «Литературный Месхети», выехали на празднование «Дня Руставели» к подножию уникального пещерного города-крепости и монастырского комплекса Вардзия.

Это знаменитый монастырский комплекс, город-крепость-монастырь, который высекали в скалах в 1156-1205 гг. по распоряжению царя Георгия III для защиты юго-западных рубежей Грузии, а его дочь царица Тамара, завершила строительство гигантского скального сооружения.

По прямому назначению крепость прослужила всего около ста лет. После сильнейшего землетрясения скала рухнула вместе с большей частью пещер и их обитателями. Сохранилась лишь третья часть грандиозного комплекса, но и она производит неизгладимое впечатление.

Вардзия выполняла несколько функций: защитную – сдерживала нашествия захватчиков у границ Грузинского царства, духовную – как христианский монастырь, и хозяйственную – здесь хранились значительные запасы

продовольствия на случай длительной осады.

Единственный вход в комплекс проходил через тайные туннели близ дельты Куры.

Самая большая пещера была переоборудована в Церковь Успения Богородицы. Стены храма, сплошь покрыты высокохудожественными фресками, среди которых – знаменитые изображения царя Георгия III и его дочери царицы Тамары (1180-е гг., мастер Георгий).

В Вардзию часто приезжала молиться причисленная к лику святых Грузинской Православной Церкви царица Тамара. И хотя это был мужской монастырь, царице, в виде исключения, были отведены отдельные молитвенные покои.

Но – мало разгула стихии – за свою многовековую историю эти великолепные сооружения неоднократно разорялись. В 1551 г. монастырь был разрушен персидскими войсками. В конце XVI в. был захвачен турками и пришел в полное запустение. Лишь в 1828 году Вардзия была окончательно освобождена, а с 1938 года объявлена музеем-заповедником.

«Посмотри, Володя, - сказал мне прерывающимся от волнения голосом Резо Мишвеладзе, когда панорама Вардзии предстала перед нами из окна автобуса. - Для туристов это – исторический памятник, а для нас – плоть и кровь, пролитая во имя единства Грузии».

Приехали мы без опоздания, в 13.30, а главная концертно-церемониальная часть началась в 14.00. Приехали – и сразу же погрузились в волны рок-музыки. Уже с 11.00 молодежь здесь развлекал бэнд «Нали», исполняющий современный репертуар. А на вопросы старшего поколения – нет ли в «День Руставели» чего-нибудь грузинского в репертуаре, организаторы с готовностью отвечали: «Вы песен просили? Их есть у меня», - и приглашали на сцену фольклорный ансамбль «Тамариси», чем ловко уравнивали вкусы и запросы зрителей всех возрастов и пристрастий.

Обширной и разнообразной оказалась основная часть программы. В нее вошли концерт в исполнении вокальных и хореографических ансамблей Месхети, выставка-продажа изделий мастеров народного прикладного искусства, поэтические чтения, завершившиеся церемонией награждения победительниц конкурса «Литературный Месхети». В этом году жюри отдало предпо-

чтение исключительно женской поэзии.

В праздновании впервые за многие годы принял участие министр культуры и охраны памятников Михаил Гиоргадзе.

«Очень важно, что это торжество проходит именно в Вардзии, в местах, где родился и творил автор «Витязя в тигровой шкуре», великой летописи грузинского духа, визитной карточки нашего народа. Отраднo, что на этот праздник пришло много детей, молодежи. Это верный признак того, что имя и творение Руставели не затеряется в будущих временах. С именем Руставели связано возрождение этого региона, восстановление и развитие Вардзии, в спасении которой все мы должны принять участие. Я счастлив, что нахожусь сегодня здесь», - сказал министр.

Генеральный директор Национального агентства защиты культурного наследия Николоз Антидзе подчеркнул, что для него сегодняшний день – двойной праздник. Это – и День воздаяния любви и почестей Шота Руставели, и день начала 4-летнего проекта реставрационных работ в историческом комплексе Вардзия, которые ведутся согласно распоряжению премьер-министра Ираклия Гарибашвили. И выделено на них ни много ни мало 570 тысяч лари.

«Впервые в истории в Вардзии будет смонтировано ночное освещение», - сообщил Николоз Антидзе под аплодисменты присутствующих. «Будут проведены укрепительные работы, вслед за ними – целый комплекс реставрационно-восстановительных работ. И я убежден, что возрожденная Вардзия войдет в список памятников мировой культуры ЮНЕСКО», - заявил Николоз Антидзе.

«Творчество Руставели бессмертно на протяжении восьми веков. В его поэме определены общечеловеческие ценности, которые времени неподвластны», - сказал в своем приветственном слове губернатор региона Самцхе-Джавахети Акакий Мачутадзе.

Под занавес «Шотаоба-2014» состоялось награждение победителей конкурса «Литературный Месхети», возрожденного с 2008 года по инициативе редактора одноименной газеты Автандила Беридзе.

В этом году тематика конкурса – «Месхети». А в будущем году темой будет предложено «Руставели».

В поэтическом конкурсе-2014 участвовали не только литераторы – граждане Грузии, но и их коллеги из Азербайджана, Армении и Греции. Победителями стали четверо, получившие памятные дипломы и солидные денежные премии. Это: Нана Келехидзе – III премия, Мариам Циклаури – II премия, Ирма Малацидзе – I премия.

Интересно, что обладательница первой премии подвизалась на ниве прозы, а стихи попробовала писать впервые. И своим дебютом ей удалось покорить жюри.

Специальная премия была вручена Кетеван Нателадзе.

Всего за семь лет проведения конкурса премии «Литературный Месхети» было удостоено более 40 поэтов. В денежном эквиваленте это от 300 до 1000 лари. В будущем году организаторы рассчитывают увеличить главную премию до 3000 лари. В честь грядущего в 2016 году великого юбилея – 850-летия Шота Руставели. Этот юбилей будет отмечен с небывалой торжественностью. Из выступлений руководителей Союза писателей Грузии стало также известно, что в Месхети будет, наконец, открыт Дом-музей Шота Руставели, чего раньше добиться не удавалось.

Сведения о жизненном пути Шота Руставели крайне скудны и противоречивы. Образ царицы Тамары неразрывно связан с личностью и творчеством создателя «Витязя», подобно образам Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры. До наших дней передают из уст в уста легенду о любви поэта к великой правительнице – любви, которая не могла увенчаться свадьбой в силу разности положения в социальной иерархии. Судя по некоторым косвенным источникам, именно эта драма и стала причиной

ухода Руставели в грузинский монастырь в Иерусалиме.

Большинство руствелологов согласно с дошедшими до наших дней сведениями, что Руставели был казначеем (читай – министром финансов при дворе Тамары). В подтверждение этой версии найдена его подпись на акте 1190 года.

Между тем, неожиданно поднялся ветер, посыпался злющий косо́й холодный дождик, и я укрылся под навесом одной из од – месхетинских домиков. Рядом со мной оказался старичок с пандури. Разговорились. И выяснилось, что он – народный сказитель, знавший когда-то «Витязя» наизусть, но и теперь помнящий больше половины. От представления старичок уклонился со словами «Не я тут один такой». Но при этом, на языке необычайно красочном и богатом метафорами, поведал легенду о знаменитом соревновании, в котором участвовал Шота Руставели:

«Шота был среди лучших, окончивших Гелатскую академию, основанную прадедом святой Тамары, святым царем Давидом Агмашенебели. В честь выпускников устроили соревнования по скачкам, борьбе, метанию копья, стрельбе из лука и игре на древнем грузинском музыкальном инструменте тари. В платье, похожем на цветущую акацию, пожаловала на турнир прекрасная царица. Надо ли говорить, что Руставели победил в поэтическом турнире? Удивительно другое: он стал лучшим наездником, а на тари играл, как Орфей на лире. Царским особам предлагалось не выдавать своих чувств, но Тамара изо всех сил была в ладоши и громко подбадривала юношей. Высшую награду – золотой венец – она обещала тому, кто соьвет стрелой яблоко, поднятое в ее руке. Дворяне и стрелки коленапреклоненно молили царицу отменить опасную затею, но царица, улыбаясь, заверяла, что никакой опасности в этом нет. «Я берусь пронзить стрелой яблоко», - объявил Руставели. Подойдя к Тамаре, он взял в руки стрелу и пронзил наливной плод. «Золотой венец заслужил Руставели, - объявила Тамара. - Ведь я не сказала, со скольких шагов следует стрелять...»

Тем временем распогодилось, и пришло время приступить к неформальной части праздника.

Одна из многих особенностей грузинского застолья заключается в том, что оно каким-то волшебным образом, испокон веков, вмещает любое количество гостей.

Так было и на этот раз. Тамада – губернатор Акакий Мачутадзе - провозглашал тосты за благодать Божью, за Всевышнего, за великого Руставели... При этом толумбаш обращал внимание дорогих гостей на то, что буквально над головами пирующих – фрески, которым более 800 лет, а много ли на свете стран, где сохранилась столь древняя настенная живопись? «И стихи тех времен мы до сих пор читаем, и песни тех времен до сих пор поем», - радостно возглашал тамада, закончив памятной сентенцией: без песен застолье не застолье, хоть на золоте ешь, хоть пей из серебра...» Были и песни. Лауреаток, весьма креативных еще и в стиле общения, без декламации призовых стихов домой не отпустили. И как-то особенно верилось под крышей пиршественного шатра, что праздники поэзии и искусства пришли на нашу землю отныне и на века, что никогда больше не погрузится Грузия в черную полосу лихолетья...

Впрочем, «все к лучшему в этом лучшем из миров», ведь, как гласит бессмертная мудрость Руставели, «не познаешь сладость жизни, не вкусивши горечь бед».

«Это – не региональный, это – всегрузинский праздник, - сказал Резо Мишвеладзе. - Мы чествуем величайшего из живших на земле поэтов. Этот праздник и впредь должен проводиться ежегодно, что необходимо нам для скрепления единства нашего народа».

Владимир САРИШВИЛИ

▲ Семья Аргутинских-Долгоруких

▲ Александр Аргутинский

ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

В старом уголке нашего города, на улице, не раз сменившей свое название и помнящей историю, лица и имена, фазтоны, живет одинокий человек, которому ни много ни мало 92 года. Он потомок княжеского рода Аргутинских-Долгоруких – последний представитель по мужской линии этой титулованной фамилии в Грузии.

Казалось бы, старый князь должен жить как-то особенно, по-княжески, но живет он просто, более чем скромно, по-стариковски. Человек он непростой, капризный, но очень правильный, достойный, интересный, и в нем чувствуются хорошее воспитание и вкус.

Мы видимся не так часто, как хотелось бы, больше общаемся по телефону, но это общение приносит радость. Он готовится к нашей встрече, о которой заранее договариваемся, убирает свою единственную комнатку, приводит себя в порядок, всегда выглядит опрятно и старается встречать меня стоя. Все это дается ему с трудом, но по-другому он не может. Нужно заметить, что старик он статный, с густыми седыми волосами и такими же густыми бровями. В его внешнем виде, разговоре и манерах чувствуется порода.

Его старый, перекошенный двор с крутой, но шаткой скрипучей деревянной лестницей, ведущей на традиционный общий балкон, прожил не один век, но продолжает мужественно держаться. Мой пожилой друг тоже держится, опираясь на стол, и улыбается, радуется встрече. Он усаживает меня, достает вазочку с конфетами, а сам идет освобождать мою посуду с гостинцами. Спорить с ним бесполезно, поэтому он все перемывает, аккуратно складывает в пакет и перед уходом вручает мне. Однажды, придя домой, обнаружила в одном из контейнеров для еды маленькие пакетики с повидлом из гуманитарной помощи. У меня опустились руки. Благодарность – редкое, очень ценное качество, как и искренность. Конечно, от добра добра не ищут, но добро порождает добро, и это стремление – отблагодарить – всегда приятно. Это был самый трогательный подарок в моей жизни...

А познакомились мы так.

Сначала был телефонный звонок. «Вы не удивляйтесь

и тем более не пугайтесь, я звоню не с того света, хоть мне и 90 лет, - рассмешил меня пожилой незнакомец с бодрым голосом. - В одной из статей вы упомянули моего деда – Александра Аргутинского-Долгорукого...» Его взволновал и обрадовал этот факт, а меня – его звонок. И мы стали знакомиться, а потом – просто общаться. Старожилы, а тем более тбилисцы в возрасте – мои любимые собеседники. Вот и тогда появилось ощущение, что мы знали друг друга всегда. Ведь несмотря на разницу в возрасте, говоришь на одном языке. А это – самое главное. За несколько минут общения Александр Павлович описал весь старый Тбилиси. Все, о чем я слышала и знаю от бабушек, он видел своими глазами: и караван-сарай, и базары, и бани, Дворцовую улицу, Головинский и Михайловский проспекты, Эриванскую площадь с караванами верблюдов, Мадатовский остров, мельницы на Куре, веселый Майдан, Шайтан-базар, старые мосты, фазтоны, кинто и карачохели, первые трамвайчики со складными сиденьями... Он оживил весь старый город, и у меня снова появилось ощущение, что все это я уже видела. Уверена, генетическая память существует!

Александр Павлович родился в Тифлисе на улице Л.Асатиани (в прошлом – Садовая, Бебутовская, Энгельса) в 1921 году. Закончил 43-ю школу и, вместо светлого будущего, о котором мечтали родители для своего единственного сына, оказался перед лицом надвигающейся военной угрозы фашизма. Детство кончилось...

Александр Павлович – ветеран Великой Отечественной войны. Правда, когда стала расспрашивать, заскромничал: «Закончил военное училище в Муроме в 42-м, на передовой не был, немцев не видел. Работал с разведчиками – был связистом на радиостанции, служил в 105-м пограничном полку по охране тылов Ленинградского и Волховского фронтов». Но разве вражеским бомбам и пулям было известно, что такое тыл? Война – есть война. Эта тема для меня – святая, и мне есть, что рассказать о дедушках-фронтовиках... Снова показалось, что нет времени – есть общая жизнь, общие боль и радость, одинаковые мысли, одни ценности. «Я так давно

▲ С супругой Анной. 1940-е гг.

не был в парке Победы, - сказал Александр Павлович. - Очень хотелось бы пойти». Что ж, подумала я, это не очень трудно организовать. Сколько себя помню, 9 мая мы всей семьей шли к могиле Неизвестного солдата. Теперь вожу туда детей – чтобы знали и помнили. Ведь это и символическая могила многих пропавших без вести воинов, в том числе и их прадеда, офицера, могилу которого так и не нашли...

Но разговор продолжался, хотелось говорить и говорить. Обо всем. «Я долго говорю, - вдруг забеспокоился мой новый друг. - Просто, так страшно быть одиноким. Жена умерла. А прожили мы с ней 60 лет. Представляетел? Я очень ее любил...» Он погрузился и показался мне каким-то потерянным и беспомощным. Как это печально, когда красивая, счастливая семейная пара доживает до старости, и один уходит, а второй, если нет детей, становится ничейным... Ну, почему не бывает, как в сказке: они жили долго и счастливо и умерли в один день? «Все началось банально – познакомились в 1944 году на танцах в Доме офицеров в Риге», - вспоминает Александр Павлович. Красавица Анна Павловна Воробьева работала старшим инженером-плановиком управления рижской железной дороги. Ее отец погиб под Ржевом и всю заботу о семье, младших сестре и брате-школьнике взяла на себя юная Анна. Александр Павлович привез в Тбилиси не только молодую жену, но всех ее родных, помог устроиться и укорениться. Их дети и внуки живут здесь по сей день. Возвращение домой с фронта было более чем печальным. Молодого солдата с юной женой встречал весь двор и пустой дом – родители умерли, не дожив до пятидесяти лет и счастливой встречи с единственным сыном. Мне не хотелось прерывать приятную, хоть и печальную, беседу, и мы поговорили еще. О сегодняшнем дне, о совершенно другом Тбилиси, об ушедших в историю понятиях и лицах. Но пришло время прощаться, и я пожелала Александру Павловичу здоровья и долгих лет. «Куда дальше, милая? - улынулся он. - Так уж заведено: на смену старым приходят новые поколения. Главное – делать добро, и оно бумерангом к тебе вернется. Так же, как и зло. Все возвращается. А еще – оставить о себе добрую память».

Думаю, об этом не стоит беспокоиться. Добрую память о себе оставили все его предки – представители

древнего княжеского рода Аргутянов-Еркайнабазук (Аргутинских-Долгоруких). Династия, берущая начало из рода князей Закаряннов, которые с XII века возглавляли ряд княжеств на северо-востоке Армении, впоследствии заняла прочную позицию в верхах Грузинского царства, достигнув значительных успехов на государственных и военных должностях. В двуязычном – грузино-армянском Манифесте 1783 года царя Ираклия II значится: «Аргутинские, что из Сомхети, т.е. Армении, и Иверии, т.е. Грузии, род великий и видный, как свидетельствуют наши исторические книги...» В 1800-м, указом Павла I, род был принят в русское дворянство и получил княжеский герб. Вот что пишет об этом выдающийся ученый Б.О. Унбегаун в своей книге «Русские фамилии»: «... Патриарху Армянскому Иосифу, его братьям и племянникам был пожалован титул князей Аргутинских-Долгоруких. Первая часть фамилии представляет собой русифицированную форму фамилии патриарха (Аргутян), вторая же часть является русским переводом прозвища царя древней Персии Артаксеркса I («длинная рука»), на происхождение от которого претендовала семья Патриарха. Князь Аргутинский-Долгорукий Моисей (Мовсес) Захарович (1797-1855) прославился своей службой на Кавказе, став генерал-адъютантом. Ему был поставлен памятник при Темир-Хан-Шуре...» Дипломаты, врачи, писатели, коллекционеры и искусствоведы... Иван Захарович Аргутинский-Долгорукий был попечителем Тифлисского благородного училища, Михаил Андреевич, статский советник, был помощником управляющего Закавказской казенной палатой, Михаил Павлович – тифлисским уездным предводителем дворянства. Дед Александра Павловича, Александр Аргутинский, благодаря которому мы познакомились, в 1902-1903 гг. был главой города. «Мой князь», как я называю своего друга, кадровый офицер, после окончания службы в 1955 году поступил на 31-ый авиационный завод и 36 лет проработал старшим контрольным мастером по радио-спецеоборудованию. История Тбилисского авиационного завода началась в сентябре 1941 года, когда в Тбилиси из Таганрога был эвакуирован авиастроительный завод №31. «Я принимал и проверял работу рабочих завода – токарей, фрезеровщиков, слесарей. Все должно было соответствовать чертежам». На его глазах, с его помощью из деталей создавались самолеты, работа была интересной и ответственной.

Почетные граждане нашего города, люди-легенды... Хотелось бы, чтобы они просто жили подольше, ведь с ними город обретает другое содержание и смысл.

Впервые мы встретились в Вербное воскресенье. На Майдане царил оживление. Отреставрированные здания радовали глаз, беспорядочная торговля вербой напоминала старинный традиционный базар. Александр Павлович радовался и суетился, нес конфеты, тарелки, альбомы, документы, фотографии. Но главное – это общение. Мы говорили, говорили, уходило не хотелось. Он словно прочел мои мысли: «Не уходи. Ты как будто заполнила собой все пространство. А уйдешь – дом опустеет...» А провожая сказал: «Ты приходи, ладно? Как к родственнику. Или как к бабушке». «Конечно, приду!» - пообещала я. Обернулась, а он стоял на ветхом резном балконишке и провожал меня взглядом.

Мне посчастливилось жить с бабушками до их старости, увидеть жизнь Тбилиси их глазами, полюбить свой город, культуру и традиции так, как они меня научили, пережить сложную историю их судеб, моего города, моей Грузии. И вот – новая встреча, знакомство, дружба. Тбилиси глазами еще одного старожилы, еще одна большая жизнь и история. Мне посчастливилось прикоснуться к ней, сохранить в памяти и рассказать людям. Может, эти встречи со старожилками – воплощение ответной любви моих предков? Ведь все возвращается.

Анаида ГАЛУСТЯН

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ В ТЕЛАВИ

Успешно завершился международный музыкальный фестиваль в Телави. С 11 по 18 октября было проведено пять концертов. На открытии фестиваля присутствовали президент Грузии Георгий Маргвелашвили, члены правительства и дипломатический корпус. Музыканты мирового уровня приняли участие в фестивале – Фестивальный симфонический оркестр, Тбилисский Государственный камерный оркестр «Синфониета», Горийский женский камерный хор (руководитель – Теона Цирамуа). Дирижер – Ариэль Цукерман, солисты – Элисо Вирсаладзе, Лиана Исакадзе, Наталья Гутман, Нельсон Гуернер, Коля Блахер, Дениз Тахберер, Федор Белугин, Георгий Цагарели, Александр Бузлов, Григорий Кротенко, Теона Казишвили, Ираклий Джаридзе, Георгий Джорджадзе, Георгий Кобулашвили, Нодар Бицадзе, Теймураз Бухникашвили и др.

Были исполнены произведения Эдуарда Лало, Фредерика Шопена, Карла Аугуста Нильсена, Арнольда Шонберга, Франца Шуберта, Иосифа Кечакмадзе, Иоханнеса Брамса, Иозефа Гайдна, Богуслава Мартину, Иоганна Непомук Гуммеля, Рихарда Штрауса, Роберта Шумана и Эдварда Грига.

Международный музыкальный фестиваль был основан выдающейся грузинской пианисткой Элисо Вирсаладзе в 80-х годах XX века под названием «Восхваление лозы». В то время у фестиваля не было аналогов на территории всего бывшего СССР, он славился прекрасным составом участников, масштабом и форматом. В этом году фестивалю исполняется 30 лет со дня основания и 5 лет со дня возрождения традиции его проведения. Художественным руководителем по сей день является Элисо Вирсаладзе. В последние годы фестиваль проходит в здании Телавского государственного драматического театра им. Важа Пшавела.

По сложившейся традиции фестивальные вечера предлагают слушателям разнообразную программу –

▼ Лиана Исакадзе и Ариэль Цукерман

▲ Наталья Гутман и Ариэль Цукерман

▲ Элисо Вирсаладзе, Реваз Кикнадзе и Михаил Гиоргадзе

шедевры мировой классической музыки, грузинскую хоровую музыку и те редкие произведения камерной музыки, которые впервые исполняются в Грузии.

Заслуженный артист РСФСР Наталья Гутман, «Королева виолончели» как ее окрестила мировая пресса. Ее редкий дар, виртуозное мастерство и удивительное обаяние навсегда покорили грузинских меломанов. После концерта в частной беседе она сообщила, что с Элисо Вирсаладзе сотрудничает с молодых лет и всегда с радостью приезжает в Грузию. «Из ваших дирижеров я очень любила играть с Джансугом Кахидзе. Из ныне здравствующих дирижеров я с удовольствием сотрудничаю с Юрием Темиркановым, с Сашей Дмитриевым, с Вольдемаром Нельсоном, с Дмитрием Лиссом, с Ариэлем Цукерманом и с Никой Рачвели».

Элисо Вирсаладзе лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат Государственной премии Грузии. Вот что сказал о ней легендарный Святослав Рихтер: Это артистка большого масштаба, может, самая сильная сейчас пианистка женщина. Она несравненная исполнительница произведений Шумана.

Элисо Вирсаладзе: С Натальей Гутман мы регулярно исполняем во всем мире коронные программы дуэта.

Один из учеников Элисо Вирсаладзе – Борис Резовский, который с огромным успехом выступил на прошлогоднем фестивале в Телави рассказал, что на одном из престижных конкурсов он победил, благодаря ей, Элисо Вирсаладзе расписала ему каждый такт.

Реваз ТОПУРИЯ

ქინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

1512-2972